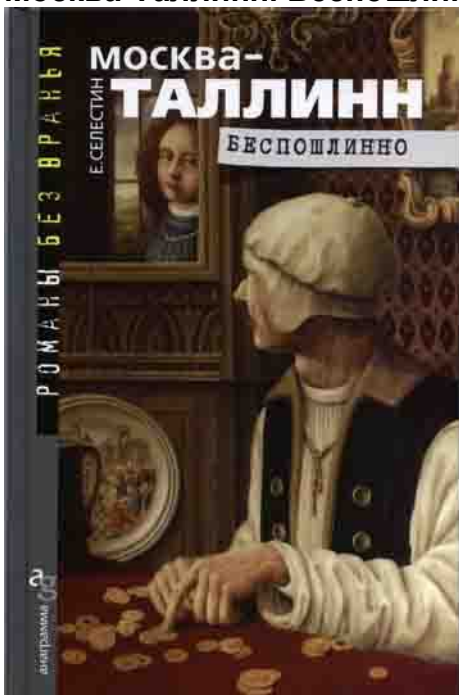

Е. Селестин

Москва-Таллинн. Бесплошно

Но теперь, когда все так меняется, не пришло ли время перемениться и нам? Не пора ли развиться немного, постепенно взять на себя свою долю в труде любви?

Р.М.Рильке. «Записки Мальте Лауридса Бригге»

1.

- Фотографии, наверное, сделаны в середине восьмидесятых.

- Не помню, - слукавил Стас.

Точной была бы дата «1986».

- Таллинн выглядит так, будто в нем живет обида, - изрек Леха жалостливо.

Стас взял фотографии из рук друга, взгляделся. «Если можно на снимках разглядеть боль, то только мою. Как Леха сумел ее почувствовать? Забавно, от таких моментов остаются сувениры, и они вдруг выныривают из глубоких ящичков. Или же выползают продуманно?».

- Был октябрь, видишь, красные листья обрамляли стены и башню, они как яркие рыбы, облепившие камень.

- Нигулисте снимал когда-нибудь? - Леха пропустил описание пейзажа мимо ушей.

Стас вернулся в кабинет, пошуршал в ящичке старинного письменного стола, вынес на балкон фотографии:

- Вот твой, твое... Нигулисте.

- Фасад, это только фасад! – возмутился Леха, будто Стас хотел всучить ему фальшивые купюры. – Мне нужен алтарь, чтобы каждая фигурка была видна.

Донаторы! Съезди сними их крупным планом, - уточнил он просительно и замолчал, рассматривая верхушки деревьев перед балконом студии. За деревьями мерцал пруд, там плавали два белых лебедя в окружении мелких уток.

- Нет времени для твоих проектов, - ответил Стас твердо. Глядя сбоку на полуседую гриву курчавых волос, скрывающую лицо друга, он определил, что последует взрыв. Стас привык, что идеи, время от времени овладевающие Лехой, заставляют его прогрызать ленивую жизнь вокруг, чтобы отвоевать энергию для воплощения. Когда в

острой фазе такого состояния Леха агрессивной тучей врывается в редакции, библиотеки, музеи - куда бы он ни врывается – люди предпочитали подчиниться, внести лепту в построение тела идеи. Леха был убежден, что окружающие обязаны послужить горению славного делания, и все оцепенело служили. Это могла быть перепись дальневосточных муравьев, поиск ритуальных пещер древних народностей на Урале, восстановление сибирской Мангазеи и далее в любом духе. Идея когтисто терзала Леху от пяти недель до четырех месяцев, затем наступал период апатии.

Единственным спасением был метод ускользания от Лехи в период обострений, но у Стаса не всегда хватало решимости надежно забаррикадироваться.

- Не стыдно тебе?! - Леха резко обернулся и взмахнул руками, словно ворон из новогодней сказки. – Донаторы! Люди вкладывали деньги, жертвовали для нас! Мы оказались неблагодарными потомками! – Леха кричал визгливо, так директор школы мог бы распекать выпускника, сорвавшего школьный бал. Стас сообразил, что речь шла о европейских событиях четырнадцатого или пятнадцатого веков:

- Я не их потомок, они были тевтонцы. Или ливонцы, что ли.

- Мы все вместе здесь! Времена и земли смешаны, это должно быть ясно даже тебе! – снова завопил Леха, подняв лицо к небу. Он походил на Карла Маркса, еще в большей степени на Моисея, пришедшего в отчаяние от тупости соратника.

- Не ори. Экология у них, надо полагать, была безупречной. Счастливые люди на свежем воздухе.

- А чума? Антисанитария всякая! Они ждали конца света и честно к нему готовились. Строили храмы с длинными шпильями – порталы в небо, лестницы в другие измерения, каялись и благотворительствовали.

Внизу сигналил автомобиль.

- Да заткнись ты, идиотская железяка, вот в кого мы выродились! – Леха обрушил гнев на владельца черной машины, живот его уже висел за парашетом.

- Сам ты чума, Лешик, - Стас придержал Леху; за годы знакомства ему много раз приходилось вызволять и поддерживать друга.

- В Средневековье решалось, спасется человечество или – соблазнится и свалится на путь превращения в придаток машины, - сообщил Леха обретя равновесие, - и мы стали! У Босха на картине из задницы человека торчит железное устройство, он знал, какая грядет зараза...

- Дети, ссоритесь что ли опять? – скрипучий бас Варвары мгновенно усмирил Леху, из сердитого немолодого человека он превратился в ласкового мальчика в одежде, купленной в магазине для толстяков:

- Зараза грядет, - повторил Леха шепотом.

Мать Стаса стояла в проеме балконной двери, держа в руке длинный мундштук с торчащей тощенькой сигаретой, другую руку она протянула Лехе для поцелуя. Тот склонился.

- Варвар Иванна, - голос Лехи звучал жалобно, - конец света давно случился, мы проживаем в техногенном обществе свои вялые судьбы.

- Тогда идемте пить чай. Лешик, для тебя купила клюквенную пастилу, - проскрипела Варвара и, развернувшись на каблуках, зашагала в соседнюю квартиру, помахивая мундштуком как тлеющей дирижерской палочкой.

* * *

Леха занял место за кухонным столом, где на светлой скатерти стояли старинная фарфоровая статуэтка и композиция из цветов. И если, например, в других домах хрустальная с серебром сахарница могла быть пыльной изнутри, заснеженной прилипшими крупинками сахара, то у Варвары куски сахара лежали будто пирожные в венской кондитерской – смиренные и сосчитанные, не хватало кружев вокруг каждого белого кирпичика.

- Мам, ты Леху балуешь, - а он хочет отправить меня в Таллинн, - наябедничал Стас,

входя в кухню, - снимать средневековых неизвестно кого.

- Варвар Иванна! – воззвал Леха уже с набитым ртом. - Донаторы оплачивали роспись алтаря, за что их изображали маленькими, вот такусенькими – в самом низу доски, со всем семейством. Что означало бессмертие, веками молились на их изображение! – Леха взмахнул рукой и чуть не опрокинул редкой красоты чайник. - Их нужно чествовать сегодня, пока мы еще не вполне потеряли человеческий облик.

- Стоп. – Насторожилась Варвара, чайник со стола убрала. – Стасик поедет в Таллинн? Опять? – Глаза за стеклами очков сузились.

- В крайнем случае скажу пусть меня отправят в командировку, - примирительно сказал Стас.

- Поезжай в Прагу, - Варвара всегда знала как следует поступать ее сыну. – На фестиваль.

- Но я не был в Эстонии десять лет.

- Недавно уехал и пропал - я что, не помню?

- Не помнишь, - Стаса начал раздражать этот разговор.

- Пытаюсь ему втолковать... - Леха хотел налить себе чаю, опрокинул что-то на столе, но не смутился, - Эстония для нас географически близко, но там флюиды, противоположные вибрациям, которые мы ощущаем в Москве. Это рождает продуктивный диссонанс, - заключил он доверительным тоном. – Интересно вычислить, какая сторона влияет плодотворнее, выявить бы коэффициенты, хотя все наслоилось, события последних лет чересчур стремительны. И приземлены... ускорение временных парадигм...– уставившись в пространство, он чесал голову десятью пальцами.

Леха жил так, будто правил и требований общества не существовало. Научился проживать на мизерные деньги, - в месяц выходило гораздо меньше той пенсии, которую из гордости отказывалась получать Варвара. Последние два года Леха работал над комментариями к академической биографии поэтессы первой половины двадцатого века, мучил заказчиков, пытаясь обсудить с редактором подробности жизни любого человека, имя которого встречалось в биографии. Сначала издательство намеревалось заплатить Лехе, но работа затягивалась, а энтузиазм комментатора оставался избыточным. В редакции стали подумывать, что надо сократить гонорар или вовсе не платить. Леха был современным юродивым - человеком блаженным, но перегруженным информацией.

- Опять пытаешься втянуть Стасика в авантюру, - поморщилась Варвара, она принадлежала к редкой породе людей, обладающих иммунитетом против Лехиной одержимости. – Вот и Ядранка идет.

Звякнул сигнал домофона.

- Это, Варвар Иванна, к вашему сведению, не авантюра, - важно произнес Леха. – Это, это...мое актуальное исследование.

- Да дребедень.

- Добрый день, - появилась благостная Ядранка.

- Добар дан! – ответили ей по-сербски. – Како стэ?

- Ей вот можешь морочить голову, тем более девушке непонятна половина твоих слов. Как всякому нормальному человеку.

- Мне ясно! - Ядранка улыбалась, расширив карие глаза. – Я – разумею све.

Леха почесывал бороду и продолжал размышлять о взаимодействии парадигм времени, не обратив ни малейшего внимания на вошедшую. Стас же попытался взглянуть на Ядранку так, будто видит ее впервые, и оценить: нравится она ему или нет. Русые волосы до плеч, ее живость, - все, безусловно, «да». Пышная фигура в этой полуспортивной одежде - не очень; живот напоказ, сзади тоже есть излишки, но при ее почти гренадерском росте не так заметно. Брови дугой над веселыми карими глазами. Ядранка напоминала ему задорную казачку из советского фильма. Он был уверен, что

у нее хорошо получится пожать плечом и лихо подмигнуть, хотя пока в его присутствии она так не делала.

- Стасик, предложи девушке стул! – напомнила Варвара. – Яца, будешь пить чай?

- Надо чистить.

Ядранка зашла в темную комнату рядом с кухней, чтобы переодеться, взять ведро и тряпку.

- Достань сетки из второй кладовки и, молим те, поставь на окна. Полетит тополиный пух, мы все тут с ума сойдем от него. Лешик, знаешь как по-сербски будет «спасибо»? – мечтательно сощурившись спросила Варвара.

- Хвала, - констатировал Леха, который знал почти все, только иногда кое-что путал. Он потряс головой, словно стряхивая нужную мысль ближе к голосовым связкам:

– Концепция средневекового донаторства может сыграть важную роль в разработке проекта снижения налогов для меценатов, - сообщил он.

- Не смейся, Столыпин! - фыркнула Варвара и стала убирать со стола.

Квартира Варвары Ивановны располагалась на той же лестничной клетке, что и мастерская Стаса, но была обширнее, вся завешана и заставлена старинными вещами, антикварной мебелью и семейными реликвиями. Варваре исполнилось шестьдесят семь лет, фигура ее напоминала цилиндрик, лицо похоже на физиономию отчасти хитрого, отчасти самоуверенного, но при всех обстоятельствах жизнерадостного кабанчика. Варвара на недлинных ногах проходила жизненные испытания насквозь и со вкусом организовывала пространство вокруг себя: квартира в удобном месте, шофер три раза в неделю, приходящая кухарка (уволенная накануне) и девушка-помощница по хозяйству. Все это было заработано Варварой спокойно и бодро.

Она родилась в небольшом городе в Литве, из детства помнила: «выходишь утром, а еще одна улица исчезла, к вокзалу движутся толпы переселенцев с чемоданчиками». Семья переехала в Ленинград, отец Варвары проработал несколько лет в министерстве, затем был осужден и сослан. Был уже конец сороковых, потому отца не расстреляли.

Свой детский опыт Варвара излагала своеобразно, ее рассказы досаждали Стасу в его переходном возрасте. «Как лишенка и дочь репрессированного, я должна была научиться все делать лучше других, важно было всегда быть веселой, даже смешной, чтобы никто не смел тебя жалеть!», - повторяла она с особенным выговором, это было фонетически выраженное смутное воспоминание о бабушке-немке и деду каунасском враче, нянчивших младенца Варвару до полутора лет.

Белокурая миниатюрная Варенька в 1958 году поступила в театральное училище в Москве, сняла комнату в переулке рядом со Спиридоновкой и стала учиться, по обыкновению превосходно, получая персональную стипендию. На третьем курсе она встретила своего режиссера, он же стал ее мужем и единственной любовью. Сначала в театральной среде считалось, что она расчетливо влюбила в себя и развелась с женой сорокалетнего мэтра ради карьеры, выигрышных ролей. Однако вопреки сплетням Варвара стала не успешной актрисой, а преданной женой Константина Евгеньевича К., известного персонажа театральной Москвы тех лет.

В роли жены Варвара была хороша. Меню ее обедов, изысканность завтраков, интерьер их жилища, даже если они с мужем останавливались всего на неделю в «Доме колхозника» где-нибудь в Вологодской области, элегантные костюмы Константина Евгеньевича, сшитые собственноручно Варварой, - все это исполнялось с блеском. Свои наряды Варвара сочиняла так, чтобы на премьере они сочетались со стилем и цветом одежды мужа, а заодно с темой спектакля. Когда эта пара сидела в третьем ряду на премьере, окружающие воспринимали их как целое - словно букет, составленный гармонично. В течение счастливых лет Варваре удалось перебороть три инсульта Константина Евгеньевича. Она проникала в клиники, хотя бы и через забор, без усталости сновала с судками и суднами, стряпала бульоны и паровые котлетки, мыла

полы больничных палат и коридоров. Самые живые ее воспоминания были связаны с великими победами, когда удавалось в очередной раз заставить мужа двигаться и разговаривать. Даже приступить к новым спектаклям и сочинять песни. Они любили петь дуэтом, а также разговаривать обо всем вечерами и по ночам. Восемнадцать лет мир для Варвары был расколот надвое: всему на свете они с мужем противостояли, обнявшись. Уступила Варвара только четвертому insultу, и то не без борьбы. Затем все закончилось - песни, объятия, поцелуи в промежутках между медицинскими процедурами.

Когда Варвара пришла в себя после смерти мужа, то обнаружила, что сыну уже двенадцать и, кроме того, им негде жить. Другие наследники режиссера сделали все, чтобы Варваре ничего не досталось, а она хотя и была боевой, но оказалось также и брезгливой. У нее не было ни профессии, ни денег. Из квартиры родственники разрешили забрать два чемодана; она сложила в них афиши спектаклей мужа, его «лагерные» рисунки, немногие старинные вещи своей семьи.

Почему в тот страшный год не нашлось людей, готовых ей помочь? Кем был очерчен круг, в который никто не захотел ступить? Сама Варвара едва ли рассуждала над этим, но иногда позже задумывался Стас. Возможно, та же сила, что позволяла его матери выживать вопреки всему, отпугивала от нее людей, - думал Стас, глядя, например, с пляжа португальского города Фигейро-де-Фош на горы живой воды в океане. Её натура была рассчитана на то, чтобы выкарабкиваться из любых обстоятельств, люди это чувствовали и экономили силы - толкать ракету не нужно.

Впрочем, самое важное сложилось: знакомый скульптор позволил Варваре с сыном жить в его мастерской, в маленькой темной комнате без окон, но это было бесплатное жилье в центре Москвы, где они провели больше трех лет. Скульптор, преуспевающий мастодонт соцреализма, оказался единственным, кто пожалел вдову. Семья его обитала в другом районе города, сам мэтр с очередной поклонницей предпочитал творить в загородном доме, в мастерской появлялся нечасто. Если благодетель все же собирался придти с заказчиками или с какой-нибудь комиссией типа «худсовет», - Варвара со Стасом должны были заранее выйти на Сретенский бульвар, и не показываться, пока не уйдут гости мастера. Варвара брала с собой книгу по истории столицы, чтобы гулять, изучая определенную улицу или район города. Когда Стас уставал, шли на Рождественский бульвар или в монастырь поблизости, заросший кустами сирени, и там сидели на лавочке, сын дремал на плече у Варвары. Из хорошенькой миниатюрной Варвара быстро превратилась в женщину сразу пожилую, плотную, со смело выпирающим животом. Стала много курить и громко смеялась, чаще невпопад.

Стас под руководством матери делал зарядку, - она называла это «утренней гимнастикой». В память о тех упражнениях Стас впоследствии никогда по утрам не проделывал полезных пассов ногами и руками. Понукаемый ее лозунгами, учился на «отлично», в школе не смел получить даже «четверку». Тогда же он полюбил запахи, которыми пропитаны мастерские скульпторов и художников.

Варвара занялась выгуливанием чужих собак, собачьими стрижками, мытьем полов в метро, иногда – уборками в богатых домах. Убиралась быстро и чудовищно эффективно, все мела, начищала, выбрасывала как безжалостный комбайн, брала за уборки дорого.

Одновременно Варвара окончила заочный педагогический техникум. Затем подвернулся счастливый случай, он же озарение. Позднее, выслушивая комплименты, Варвара всерьез утверждала, что муж «оттуда» помог ей найти успешное дело жизни. Поверхностное изучение проблем, связанных с исправлением детских речевых дефектов (что входило в программу педагогического техникума), плюс знания, полученные на занятиях по сценической речи в театральном училище – таковы были «исходные». Кроме того, у Варвары проявились способности к гипнозу и интуитивное

понимание психологии. Так она открыла в себе талант в не слишком затянутые сроки сделать из косноязычного человека сносного оратора, подготовить «фактурного», но шепелявого десятиклассника к поступлению в театральный институт, научить заику побеждать свои приступы. Она привнесла в свою методику элементы театральных этюдов, вокала и дыхательной гимнастики. Со временем Варвара обзавелась постоянной клиентурой, от актеров до чиновников.

Кооперативная квартира, летний отдых с сыном в Крыму, качественная еда с рынка – все это Варвара имела до *перестройки*, после оной дела у нее шли не хуже. Косноязычных общественных деятелей и бизнесменов-заик, желающих обрести дар речи, стало больше. Актерам по-прежнему было необходимо стирать следы местечкового произношения или подростковой гнусавости, если только они не собирались всю жизнь играть провинциальных бандитов. В девяностые годы, кроме частных уроков, Варвара преподавала в двух институтах. Она вполне могла бы прикупить себе ученую степень – но к подобным вещам относилась пренебрежительно, она даже пенсию не получала. Варвара считала, что пока может разговаривать, ей и ходить не обязательно, сидя в кресле она способна прокормить себя и целую команду - шофера, маникюршу и парикмахера.

Всегда находилось двое-трое учеников из солидных бизнесменов, которые воспринимали ее не только в качестве преподавателя. Очень ценилось то, что Варвара могла быстро вникнуть и подсказать как вести себя в щекотливой ситуации, у властных учеников вырабатывалась зависимость от душевных бесед с ней. Тогда занятия речью превращались в исповеди; обсуждались проблемы, которые не рисковали обсуждать ни с женами, ни с любовницами, ни с партнерами по бизнесу. Стаса устраивало, что непомерно развитая материнская воля расплылась вовне. Когда он оказывался в центре материнского внимания, конструкции его жизни не выдерживали напряжения.

Варвара завернула оставшуюся пастилу в салфетку и протянула Лехе. Он с достоинством положил кулек в карман пиджака.

– Я говорила? Мне один оттуда, - Варвара показала пальцем на потолок, - заика бывший, - дачу подарить хочет. Чтобы я отдыхала. Говорит, трехэтажный дом в лесу.

- Грибы будем собирать, – оживился Леха.

- Некогда мне по дачам разъезжать, - Варвара смеялась долго, и это было похоже на карканье.

- Зря вы, Варвар Иванна, мы же, если вдуматься, состоим из грибов, и все болезни - грибы, фокус в том какая часть грибной иерархии в нас побеждает. Древние шотландцы, между прочим, изобрели гольф, чтобы маскировать сбор психоделических грибов, запрещенных христианством, «гольф» на самом деле означает GO Look For ...«иди поищи», так и мы с вами поиграем.

- Болтун энциклопедический, - рассмеялась хозяйка дома. – В Будве у меня дача, хватит.

Пять лет назад Варвара впервые оказалась на берегу Адриатического моря, в Черногории. Там ее поразил вирус: многие русские, попав в Черногорию, мечтают туда вернуться и купить жилье. Причем дело явно не только в природе, не столько в чистоте моря. Вряд ли тому причиной и притяжение разбросанных когда-то по миру славянских племен, ведь несть числа примерам, когда налицо близкое антропологическое родство, языки похожи, а вражда от этого только крепнет. Возможно, русских притягивают многочисленные православные монастыри. В любом случае рациональными причинами объяснить трудно объяснить этот импульс.

При всех неприятностях, которые пережила Черногория за последние десятилетия, воздух там заряжен будущим - так почувствовала Варвара. Влюбившись в это место на земле, она купила двухкомнатную квартиру недалеко от моря, и проводила там два-три месяца в году. Варвара даже просила похоронить ее рядом с женским монастырем в

горах над морем, Стаса расстраивали эти разговоры.

Варвара страстно хотела иметь внука, знала как его воспитывать, чему учить, куда увозить на лето. Сыну уже исполнилось сорок три, но внук все не появлялся, а ведь она еще могла успеть его вырастить. Варвара сживала в кафе на берегу Адриатики, смотрела на море, на статных папаш, гуляющих с детьми, и подбирала имя для внука: Савва, Божидар, Драголюб, Богдан, Светозар, - музыка славянских имен завораживала. Душко!

С Ядранкой Варвара познакомилась в Старой Будве, среди домов почти средневекового города. В конце восьмидесятых в Черногории случилось землетрясение, разрушенный город Будва собрали из разрозненных, вручную пронумерованных камней. Архитектура восстановилась внешне, но дух города выветрился, возможно, его вытоптали туристы. Ядранка, улыбочивая сербка из Белграда, на первом этаже псевдо венецианского палаццо снимала помещение площадью чуть больше подъезда пятиэтажки-хрущебы. У нее там был магазинчик под названием "Alta moda", она продавала тряпки из Китая, снабдив их этикетками итальянских фирм.

Конечно, Варвара не признавалась себе, что тайная цель ее дружбы с Ядранкой – завести здорового внука от этой девушки. Но так сложилось, что Ядранка приехала в Москву, снимала комнату на Дорогомиловской улице у одинокой Варвариной приятельницы и зарабатывала тем, что убиралась в квартире Варвары и у ее подруг. Стаса поразило, что Ядранка общалась с его авторитарной матерью без тени подобострастия. Кроме энергичных уборок два раза в неделю женщины занимались изучением сербского и русского, в процессе выпивая по рюмке-другой 50-градусной черногорской ракии.

- Варя Ивановна, там ветер – и тако, - Ядранка светло улыбалась, в руках у нее были осколки цветочного горшка. Варвара присела на стул, с подвыванием выдохнула:

- Что у меня с памятью? Вчера ключи куда-то дела, на прошлой неделе окно оставила открытым... Теперь снова.

- Не страшно. Бырзо уберем, – ласково пропела помощница.

- У меня явно с головой что-то не то.

- Может меньше курить, ма? – осторожно предложил Стас.

- И так на самые слабые перешла. Не могу же лишиться себя всех удовольствий сразу.

Правда, Лешик? Для тебя какое главное удовольствие?

- Поесть. Нет! Почитать.

- А для меня – покурить. Все, ребятки, идите к себе, должен прийти ученик, тоже донатор. Только для меня, - она снова зашлась в приступе смеха.

Стас решил ехать в Эстонию на следующей неделе. «Теперь, - подумал он, стоя в дверях кухни и наблюдая за движениями Ядранки, которая мыла межкомнатную дверь,

- можно за мать не волноваться». Он вдруг осознал, что черногорская гостья его не раздражает.

- Яца, пойду в кабинет, а тыпусти ученика, когда придет, - попросила Варвара.

- Зачем я? – воскликнула Ядранка, но никто ее не услышал.

Вечером у Станислава была встреча с Милой. Давно, в середине восьмидесятых, он познакомился с ней в рекламном агентстве «Автотрансреклама» на улице Герцена. Мила тогда работала художественным редактором, Стас был начинающим фотографом, его слайды Мила иногда помещала на плакат или в рекламный буклет. Фотографы, снимающие для рекламных изданий, в восьмидесятых годах в СССР жили хорошо, - но совершенно непонятно было, каким образом можно присоединиться к их славному отряду. В узкий круг владельцев кожаных корфов можно было попасть по двум билетам, предъявленным одновременно: фортуна и блат. В годы, когда зарплата в 140 рублей считалась «повышенной», фотохудожник спокойно зарабатывал две-три тысячи рублей в месяц. И это за много лет до появления революционного закона «Об индивидуальной трудовой деятельности».

Расценки на «цветные слайды для печати» в соответствующем документе Министерства культуры (Приказ № 314) варьировались от 60 до 120 рублей за слайд. За макет плаката, с учетом слайдов, можно было получить около трехсот рублей. В издательском плане агентства «Автотрансреклама» в те годы каждый квартал выпускалось несколько десятков «календарных» и тематических плакатов. Обычно фотохудожники делились гонораром с теми, от кого зависело распределение заказов - с главным редактором или с начальником издательского отдела.

Кроме плакатов в «Автотрансрекламе» издавались буклеты, проспекты, карманные календарики, серии листовок типа «Нельзя переходить улицу на красный свет», другие бессмысленные издания, в частности, дипломы и грамоты для победителей социалистических соревнований. За изображение Ленина, силуэт или просто абрис головы, который располагался узнаваемым пятном вверху грамоты, - художнику полагалось дополнительная сумма. Внешнеторговые организации «Совтрансавто» и «Автоэкспорт» также были заказчиками «Автотрансрекламы», их издания печатались за границей, на «валюту», и за макеты таких «изданий повышенной идеологической значимости» платили во много раз дороже.

Советская богема; номенклатурные мужи придумали для своих детей возможность жить интересно и безбедно – конечно, только для тех отпрысков, которые не хотели или не могли становиться дипломатами. Таким образом, между маргиналами и партократией возник мостик, потаенный, - он проходил именно через творческие профессии. Дети советских вельмож стеснялись своих родителей, начинавших карьеру в Ставропольском или Краснодарском крае на сельхозработках и не обладающих интеллигентным произношением. Неблагодарные наследники партократов хотели жить, подражая героям романов Хемингуэя и Ремарка, бродить ночами по ресторанам, рассуждать об искусстве. И ходили, и разговаривали. Ресторанов было мало, от силы десять на всю Москву, в них бок о бок друг с другом сживали иностранцы, путаны, кагэбэшники - и советская богема, никем так не называемая, но отчетливо себя ощущавшая.

Стас поступил в Московский государственный университет на исторический факультет, но после первого курса был отчислен, поскольку подрался с парнем, с которым нельзя было драться. Поступил в «пед» имени Ленина, оттуда сам ушел от скуки. Армия Стасу не грозила из-за зрения, состояние которого, благодаря взятке, в медицинских документах было признано очень плохим, значительно хуже, чем было в действительности.

Варвара уговорила знакомого фотографа взять Стаса на лето в ученики, обещая составить дочери фотографа протекцию при поступлении в театральную вуз. Кроме того, Варваре привезли из Финляндии широкоформатную фотокамеру, которую она подарила фотографу-учителю Стаса. Сыну купила аппаратуру подешевле, сделанную в ГДР.

Спустя год Стас уже сотрудничал в двух рекламных агентствах, «Автотрансреклама» и «Морфлот», стал членом фотосекции Московского Горкома графиков. Каждый человек искусства обязан был вступить в соответствующий творческий союз, «встать на учет», иначе ты был уже не человек искусства, а туineaдец. Член творческого союза имел право получить мастерскую. В восьмидесятые годы мастерские «получали», давая взятки начальнику дэза или его заместителю. Тот подыскивал «нежилое помещение», затем необходимые документы оформлялись в Горкоме графиков, тоже за взятку. Остроумие социальных построений тех времен заключалось в том, что персонажи хитрые и жадные в выверенных пропорциях перемежались с людьми наивными, искренне впитавшими идеалы «советского воспитания». Что создавало структуры наподобие торта «Наполеон».

Любимейший самодельный торт времен «застоя» создавался так: сухой корж – слой сгущенки со сливочным маслом, сухой корж – слой сгущенки...сверху слегка надавить, дабы коржи с хрустом просели, потрескались, жирный крем просочился в дырочки и разломы... В те времена слова - «холестерин-убийца» и «вредные животные жиры» -

еще не испортили аппетит советских граждан, не разбалансировали вкусовые центры в наших мозгах, и домашний торт «Наполеон» обладал незабываемым вкусом: ощущения менялись во рту, он казался чуть соленым, одновременно сладким, слегка пресным и приятно-сливочным, сухая твердость переливалась в ощущение поджаристой пресной корки, а затем сочеталась с растекающейся жирностью. Запивать его следовало горячим черным чаем, вернее, просто чаем (назывался «индийский со слоном») – тогда чай еще не делились на породы и цвета. Исхитрялись готовить «Наполеон» в голодные времена, в начале девяностых. Верхом остроумия можно признать изделие, крем для которого делали на основе манной крупы. Получался грустный постсоветский «Наполеон», начиненный слизкой кашей.

В 1985-м фотограф-покровитель Стаса представил его директору агентства «Автотрансреклама». Покровитель приходил в «контору» распить бутылку коньяка, поделиться гонораром и получить новые заказы. Агентство располагалось в ветхом строении на улице Герцена (до советского периода и после него - Большая Никитская). Сотрудники утверждали, что именно в этом двухэтажном доме постройки второй половины ХУШ века родилась Наталья Гончарова, будущая Н.Н.Пушкина.

Стас жил неподалеку и часто приходил в контору рано, когда Москва только начинала пробуждаться. Во дворе «Автотрансрекламы» рос тополь с необъятным стволом, и чтобы войти в невысокую, просевшую дверь агентства, надо было обогнуть древнее дерево. Стасу казалось, будто он находится в уютной дореволюционной деревне: шелестели листья июльским утром, косолапо, у самой земли притулились окошки «гончаровского» дома с флигелями.

Художественный редактор Мила попала в «Автотрансрекламу» после полиграфического института, ей нравилось работать с фотографами и художниками, лишь бывало неловко, когда в день выплаты гонораров они по традиции приносили в отдел торты и пирожные. Потом Мила привыкла. Художники пообщительнее приходили с бутылками вина, балагурили, ухаживали за сотрудницами. Стас чтит традиции, с гонорара шел в кондитерский к Никитским воротам, становился в очередь, покупал три торта - «Абрикотин», «Ленинградский», «Прага»; для бухгалтерии, в производственный отдел и в редакцию.

Однажды в проливной дождь Мила и Стас стояли у раскрытой двери агентства, наблюдали желто-зеленую, пузырящуюся сбитой пылью лужу вокруг тополя. Это был шквальный ливень, который случается иногда ранним летом в Москве. Около дерева было оставлено немного земли, а вокруг лежал потрескавшийся асфальт – поэтому лужа получалась почти квадратная, она быстро переполнялась, перетекая к порогу «Автотрансрекламы». Миле надо было попасть через двор в другой флигель, в производственный отдел, но выйти было невозможно. Молчали, лишь улыбнулись друг другу, когда дождь стал стихать, затем Мила храбро ступила в воду и выбежала, прикрывая голову картонной папкой для бумаг. Стас пожалел, что не решился пойти рядом с ней, не защитил. По дороге домой он думал о ней с нежностью и напевал песню Градского: «в полях под снегом и дождем, мой милый друг, мой верный друг, тебя укрыл бы я плащом от зимних вьюг, от зи-имних вьюг».

Стас становился профессионалом: докупал нужное оборудование, заводил знакомства, учился работать со светом. Он хорошо чувствовал композицию, мог смело сочетать предметы, придумывать неожиданные образы для своих моделей. Варварины знакомые актрисы соглашались бесплатно участвовать в его съемках, с ними Стас сделал серию слайдов, на которых женские лица были расписаны листьями, цветами, абстрактными узорами. Время было благоприятно для экспериментов, люди воспринимали искреннее творчество с вниманием и благодарностью. У Стаса стал вырабатываться собственный стиль: он снимал своих моделей очень близко, нарочито сокращая психологическую дистанцию.

«Совтрансавто» заказало экспортный вариант перекидного календаря, со слайдами

Стаса. Это был его первый крупный гонорар, и когда вся редакция «Автотрансрекламы» поехала в Таллин на экскурсию, он поехал с ними. Спустя полтора года Стас женился и несколько лет жил за границей, работал фотокорреспондентом АПН.

Вновь Мила и Станислав встретились спустя годы в редакции московского журнала. К тому времени он стал известным мастером, развелся. При встрече Стасу показалось, что его знакомая изменилась мало - тот же пучок на голове и брючный костюм, похожий на прежний. Во времена, когда все вокруг теряло свои формы и свойства, его привлекла именно эта неизменность. И еще, пожалуй, неприязнительность Милы: она говорила, что ей нужно общение, иногда ласка, но главное - дружеское взаимопонимание. Разговоров о детях и о браке между ними не возникало. Получились долгосрочные «отношения», удобные для обоих: Стас жил с матерью, хотя и ночевал в квартире рядом, в студии. Мила тоже жила со своей матерью, с юности ухаживала за ней, болезненной. Миле и Стасу нравилось, что не надо ночевать вместе и вести общее хозяйство. У них были общие радости - концерты, театры, теннис. Варвара вслух удивлялась верности сына «неперспективным» отношениям, периодически вопрошала с напором: «Скажи, кто она тебе – жена, любовница?!». – «Партнерша по теннису», - отшучивался Стас. Ему было жаль заочно обижать Милу, но и заступаться лень. Больше всего хотелось, чтобы обе женщины, мать и подруга, не мешали по ночам читать, спать до полудня, и в остальное время заниматься работой.

* * *

Стас увидел Милу издали, ему отчего-то стало ясно, что их встречи никогда в будущем не смогут его удивить или взволновать. «Будто встречаюсь с пожилой родственницей, благотворительствую...», - подумал он.

- Поблизости три аптеки. Пройдешься со мной? – лицо Милы было озабоченное как у больной девочки.

- Конечно, - Стас взял ее под руку. Они гуляли по Патриаршим.

Мать Милы болела, на сей раз, по словам дочери, серьезно.

- Через пару недель смогу дать еще, – Стас положил ей в сумочку пятьсот долларов.

- Спасибо, у меня деньги есть.

- Пусть еще будут.

Стас отчетливо увидел седину на висках Милы и в который раз подумал, что хорошо бы она перестала собирать волосы в пучок на затылке, выставляя седину напоказ. Его мать всегда высмеивает эту прическу.

- Ты так поцеловал меня, - шепнула Мила.

- Как?

- Ключнул и все.

- Поцеловал как всегда. Уезжаю на несколько дней.

Мила зашла в одну аптеку, затем в другую, Стас ждал на берегу пруда. У берега плавали два лебедя, белые. Один лебедь, более активный, нырял опуская голову под воду, и его тело правильной каплеобразной формы оставалось на поверхности, напоминая тугий бутон большого цветка.

- Когда пойдем играть? - спросил он, когда Мила вернулась и стала перебирать коробочки, сверяясь со списком лекарств.

- Нет настроения, не сердись, маме плохо.

- Я понимаю.

- Как Варвара Ивановна?

- Нормально. Я провожу тебя.

Проводить означало пойти домой к Миле; они давно не занимались любовью, уже несколько недель.

- Извини - мне на рынок, потом в больницу к маме.

Стас ничуть не расстроился. «Может, мне вообще больше не нужна женщина?» – вдруг пришло ему в голову, и было непонятно как отнестись к этому: может дефект, а может – освобождение.

- Когда же мы увидимся? – спросил Стас.

Ее взгляд, застенчивый, отчего-то виноватый, тронул Стаса. Нелогично возникло: наверное, я могу или должен сейчас предложить формально закрепить нашу родственность. Он мог представить Милу своей женой: есть нежность, многолетняя привычка, им комфортно вдвоем. Глупо от брака ждать большего. Тем более Миле сейчас нужна поддержка. Он подумает обо всем этом в поезде и во время одиноких прогулок по Таллину. Она торопилась уйти, и Стас взял ее всегда прохладную руку, удержал пальцы, робкие как сама Мила:

- Тебе счастливого пути, - сказала она.

- Давай держись, - напутствовал он.

В редакции оформили командировку, главный редактор обрадовался идее поснимать Таллинн. Свободный день перед поездкой Стас посвятил НЕБУ. Он снимал облака, собирал снимки, потом экспериментировал с ними. У него было аккуратно рассортировано: южное НЕБО, ночное НЕБО, НЕБО осеннее и летнее, НЕБО улыбающееся и грозное. Стас никому не признавался, что ожидает однажды увидеть нечто помимо облаков, птиц и редких самолетов. То, что не снимал. Это нечто, иногда фантазировал Стас, может быть посланием человечеству. А может – ему лично. Послания наверняка передаются во многих формах, любой элемент природы способен дать важные сигналы. Большинство из них, вероятно, может пройти через НЕБО – единственное место, которое человек почти не может загадать. Знаков в НЕБО множество, был убежден Стас, он намеревался терпеливо, втайне от других, наблюдать за этой независимой частью пространства. Редкие человеческие амбиции дотягиваются до НЕБА. Строго говоря, НЕБО вообще не существует, есть пространство вокруг земли, но почему люди воспринимают его одинаково? Мы редко осознаем, что над нами мир, полный событий, как если бы НЕБО было плоским побеленным потолком. Такое НЕБО соответствует нашей приземленности.

- Стасик, можно? – мать стучалась в дверь лаборатории, голос звучал заискивающе.

- Работаю. - Когда мать заходила в студию, он чувствовал себя незащищенным.

- Пообедаем вместе, втроем. Я сварила борщ.

- Кто-то пришел?

- Ядранка. Мы ждем тебя обедать.

- Знаешь, что я отмочила? – спросила Варвара задорно, когда Стас пришел на ее кухню.

- Отмочила? Не знаю. Привет, Ядранка.

Девушка улыбалась сидя на угловом диванчике, выглядела необычно, волосы посветлели, обрамляли лицо прямыми прядями.

- Я потеряла деньги! – Варвара смеялась, а глаза были беспокойными.

- Где потеряла?

- Если бы знала где, то не потеряла бы, а нашла. Триста долларов, представляешь?

- Хорошо представляю триста долларов...

- Должна была отдать – но по дороге, пока мы с Иваном ехали, выронила или что. Я бы решила, что совсем не брала, но записываю расходы в книжку. Придется голову лечить.

- У моей майки, - вставила Ядранка, - тоже голова была больна, потом полако лечилась.

- Лако-полако! - умилилась Варвара сербскому словечку. - Вина выпьем?

- А твоей голове это как? – поинтересовался Стас.

- Моей голове то что нужно.

Выпили черногорского сухого вина, закусили сыром и привезенными из Будвы

маринованными оливками, съели по тарелке борща.

- Дивно, - восхитилась Ядранка и сумев выразить восторг лицом, руками, бровями, – тако не могу, само чорбу радим, - светилась девушка.

- Я научу, - пообещала Варвара. – Главное, надо задействовать девятнадцать ингредиентов...это особое число в кулинарии, одиннадцать из них твердые и восемь быстро разваривающиеся.

- Како? Шта девятнадцать?

Стас удивился: впервые при нем мать предлагала научить варить борщ. Ни его бывшая жена, ни тем более кухарка не удостоивались такой чести. Варвара над борщом колдовала серьезно, соблюдала собственные правила; повторить эту партитуру, по глубокому убеждению Стаса, не сумеет никто.

- Проводишь Яцу? – спросила Варвара после завершения обеда.

Стасу хотелось вернуться к лицезрению облаков; одна серия снимков, как ему показалось, складывалась в орнамент, в короткую линию знаков. Но Ядранка так доверчиво смотрела – и действительно было уже поздно.

- Зайду в мастерскую минут на десять – и провожу, – пообещал Стас. Он отозвал мать в коридор:

- Дать тебе денег, ма?

- У меня есть, только противно быть склеротичкой. Хотела купить два билета в Черногорию, для себя и Нинки, значит, пока не судьба.

- Сейчас там жарко, но если надо - возьми.

- Яца! Стасик тебя проводит, - сказала Варвара сладким голосом.

Интересно, Ядранка действительно тихоня или прикидывается? Забавная ситуация, - рассуждал Стас, ненадолго вернувшись к работе, - мать пригласила девушку, можно сказать, из далекой европейской деревни. Девушка кровь с молоком, по-русски изъясняется не очень, и мать, похоже, надеется, что я должен увлечься.

Смешная...кажется, акцент Ядранки делает ее более привлекательной в моих глазах. Ну, молодость, ну характер хороший, наверное. Сегодня сходила в салон и заметно преобразилась. Это означает, что я ей нравлюсь, или что ей нравится – жить в Москве? Общаться с моей матерью? Стас убедился, что думает о постороннем и на небесных снимках ничего не видит. Он аккуратно убрал негативы и отпечатанные снимки. НЕБО он фотографировал по старинке, на пленку.

- Ядранка, Стасик может тебе рассказать о Москве, - напутствовала Варвара. - Идите через Патриаршие на бульвары, посидите в кафе. Если загуляетесь допоздна – Яца переночует в гостевой.

Во время прогулки на каждую его реплику Ядранка произносила «исто». Стасу это скоро надоело.

- Выпьем кофе? – предложил Стас. – Или по бокалу вина?

- Вина.

В кафе на Бронной, расслабленно устроившись в глубоком кресле, Ядранка заулыбалась.

- Ты во время войны жила в Черногории? – спросил Стас.

- Зачем? В Белграде жили.

- С родителями?

- Да, так, - ответила Ядранка, подумав.

- А страшно было, когда бомбили Белград?

- Нет, – Ядранка смотрела ему прямо в глаза, и Стас заметил, что зрачки ее расширены. - Мы само тако – рУчили, когда бомбили, шАтались! Ништа. Потом ушли оттуда.

- Как это ушли?

- В Черногору. Монтенегро.

- Вы уехали из Белграда?

Она молча кивнула. Стас, привыкший смотреть на лица профессионально зорко, увидел, что ее глаза сверкнули, на мгновение проявилось лицо разгневанной цыганки, - но тут же особенный взгляд был погашен.

Такси для Ядранки поймали на Тверском бульваре. При прощании она не торопясь поцеловала его в губы. От неожиданности Стас не ответил, ошарашено следя за тем как рука девушки гладила его живот, скользнула по рубашке, теплые пальцы пробрались за ремень.

Возвращаясь домой пешком, Стас не мог понять: ему смешно? польщен? Да нет, что ему Яца-Ядранка, тихий омут ядранский. Надо забыть о ней. И как забудешь, если стараниями матери она теперь из их квартиры не вылезает? Засыпая подумал: а если и вправду жениться на такой почти молодой девушке, родить с ней двоих или троих, поселить их с матерью на берегу Адриатики, дети вырастут веселыми, у моря. Адриатика там по-местному называется Ядран.

* * *

В купе никого не было.

Стас сел прикрыв глаза, расслабился. Это такой тоннель, поезд «Москва-Таллин»: ты садишься и вспоминаешь молодость. Кажется, что жизнь была ярче, хотя на самом деле ты сам был посвежее. Он тогда был юным, и Мила тоже, они с большой компанией сотрудников «Автотрансрекламы» впервые ехали в близкую Европу. В дороге не собирались ложиться спать, обсуждали предстоящие развлечения. В Таллине тех лет выставлялись особенные художники, особенные фотографы. Стас вспомнил: фамилия одного художника была на букву «А» - Аарек, кажется, - и еще был Томас Винт. Чем же они отличались, как сформулировать? Лаконичная эстетика. Изысканность особая, европейская. Другая культура. Тогда мы просто говорили: «вот у них - культура». При этих словах вспоминались не столько картины и выставки, но столик в кафе, покрытый чистой скатертью и украшенный букетом. Считалось, что у поляков «культура», у эстонцев, литовцев и латышей тоже. Во Франции, Италии, Англии тем более. Нам не хватало красоты в собственной повседневной жизни, быт был убогим, и когда мы видели, что люди живут комфортно и уютно, становилось тоскливо. Завидно.

А наша живопись, кинематограф того времени, литература, театр бесподобный – это не «культура», а хлеб насущный. Мы привычно заглатывали хорошие книги, позевывая, наблюдали за игрой таких актеров, что спустя двадцать лет сердце останавливалось при взгляде на старые записи спектаклей. Будто не замечали всего этого, воспринимая ту роскошь как компенсацию за отсутствие свободы выбора.

То есть сокровища у нас были, а красивых пирожных и чистой скатерти на столе – нет. Потому казалось, что мы не живем, а лишь разминаемся, бегаем вдоль решетки, которая отделяет от самого интересного в мире.

Стас снова вспомнил о первой поездке в Таллинн, с «Автотрансрекламой»: с Милой у них романа еще не было, но они двое опаздывали на поезд, бежали за вагоном, и вся компания кричала: «Стасик-Мила! Стасик-Мила!». Кажется, тогда шел теплый дождь. Проводница протянула им руку, уже на ходу ... В тамбуре стояли финны, люди другого мира, они помогли им с Милой залезть в вагон. Поразило, что финские малые дети бегали по тамбуру в одних носках, в белых носках; глядя на них думалось про бесшумные стиральные машины, пушистые ковры, чистую финскую жизнь, у светлоголовых детей было прекрасное будущее.

* * *

В вагоне СВ сего времени вещала попсовая русская радиостанция, Стас поднялся и убрал звук, порадовавшись, что поедет один. Но вскоре пришлось поджать ноги –

перед самым отправлением в купе появился попутчик. Стас определил, что вошедший человек похож на Савву Морозова: крупноголовый и коренастый, борода аккуратно подстрижена, глаза умные. Вспомнилось, что у Саввы домашняя кличка была «Бизон». С приходом Бизона купе заполнилось нарядными пакетами.

- Не мешаете? – спросил попутчик, роняя шуршащие свертки на пол и заполнив ими и без того тесное пространство. - Игрушки, подарки, - Бизон посмотрел в лицо Стасу долгим взглядом, тому показалось, что глаза незнакомого человека приблизились к нему слишком близко.

Больше половины площади пола заняло что-то крупное раздувшееся в пузырь, автомобиль или лошадь в блестящей упаковке. Бизон сидел, обмахиваясь дорогим галстуком.

- Не мог припарковаться, стоянка забита, – пожаловался он и сразу вскочил. – Ане, красавица моя! – ринулся он к проводнице, – спасибо, задержала поезд.

Вернувшись, попутчик зашуршал пакетами. Стас заговорил первым:

- Давно я не ездил в этом направлении. А вы?

- Почти каждую неделю, - охотно сообщил Бизон. - Не хотите оценить достоинства ужина с малознакомым человеком?

Ресторан оказался ухоженным, как и все в этом поезде. Такими же, как ни странно, выглядели пейзажи за окном: в начале июня пышная зелень делала деревни и дачные поселки нарядными. За соседним столиком молодой человек ел омлет и просматривал фильм на экране компьютера.

- Согласитесь, что вихри времени, его потоки, лучше ощущаются в дороге, - Бизон был разговорчив. - Вы уже оттолкнулись от прошлого, в тот момент, когда ступили с перрона на подножку вагона – и еще не приехали в будущее. Сейчас у нас самое что ни на есть настоящее, живое время, которое можно ощутить. Знаки проступают явственнее, к тому же сознание в дороге лучше воспринимает сигналы других измерений.

- Пожалуй, – Стас приподнял рюмку.

- Коньяк хороший.

Подошел улыбчивый официант и принес неизбежный лимон, тонко нарезанный.

- Так о чем говорят знаки: о личном или они для всех? – уточнил Стас.

- Зависит, насколько связываете личное с общечеловеческим. И на что сейчас настроены. Можно ошибаться с выводами, но сами ошибки в дороге имеют особое значение. Подумайте, почему с древности именно паломничество, то есть путешествие, считалось верным способом развития души?

«Витиевато мыслит и заковыристо выражается», - подумал Стас отстраненно.

Бизон продолжал:

- Раз наша встреча сегодня – явный знак судьбы, признайтесь, я для вас на кого похож? Что подумали обо мне с первого взгляда?

- Пожалуй...на купца, начала двадцатого века, из московских староверов. В третьем поколении, - обстоятельно ответил Стас.

Бизон прищурился, запрокинув голову.

- Они отличались, эти, из третьего-то?

- Внуки разбогатевших тружеников получили хорошее образование, многие – блестящее, за границей. Им не надо было направлять силы для поддержания бизнеса, он уже и без них крутился. А породу никуда не денешь, предприимчивость и редкая работоспособность в них присутствовала, но была не востребована, пробуксовывала, - Стас вспомнил одну из лехиных теорий. - Поэтому многие занимались широкомасштабным меценатством. Все французские импрессионисты в Пушкинском и в Эрмитаже собраны ими, построены больницы, особняки авангардной по тем временам архитектуры. Хорошо позаботились о нашей культурной базе. Вот так. Бизон жевал.

- Большинство самовольно лишили себя жизни? – вдруг спросил он.

- Да нет, - уклонился от ответа Стас, отметив прозорливость Бизона. Савва Морозов и впрямь заказывал исследование о навязчивом синдроме самоубийства среди потомков купцов-«миллионщиков».

- Это, как вы называете – широкомасштабное меценатство – аномалия по-вашему, вид шизофрении? – догадался Бизон.

- В обществе, принявшем рационализм как норму, - конечно. – Стас понял, что тему надо менять настойчивее. - Так мы не о том, я угадал про вас или нет?

- Скорее нет, - крикнул Бизон, выпив очередную рюмку. – Тем ребятам, о которых вы сказали, не хотелось жить, вот они себе и придумывали развлечения. Про себя я бы этого не сказал.

- Это хорошо.

- А вы похожи на профессора, - Бизон выдержал паузу, разглядывая Стаса. - Преподавателя философии, наверное. Или математики. Студенты над вами подшучивают, но любят. Живете с матушкой. По манере носить пиджак...шарф... я бы сказал, что вы какое-то время преподавали за границей.

- В наше время одежда мало о чем говорит. Угадали насчет матушки, что уже удивительно.

- Тогда - за ее здоровье, - предложил Бизон. – Первое впечатление от человека складывается за секунды, в момент новой встречи ощущается живое сопение жизни, согласны?

Молодой человек с компьютером за соседним столом уже не смотрел фильм, а играл в игру-«стрелялку». Стас перегнулся через столик и спросил Бизона громким шепотом:

- Кто вы на самом деле – расскажете? Сравнить интересно.

Последовала пауза, во время которой Стас увидел в глазах Бизона перемигивание: сигналы вспыхивали и гасли, выражение глаз стремительно менялось. Но заговорил попутчик будничным тоном:

- Я краснодеревщик, можно сказать дизайнер. Работаю, вот, - он выставил вперед припухшие ладони, - руками. Сейчас мастерю кабинеты для властимущих, и девять лет мотаюсь в этом поезде: рабочие дни в Москве, на выходные домой. Песню знаете: «...та-тата моей страны все в леса одеты, звук пилы и топора трудно заглушить...», - пел он, не фальшивя.- «Это для моих друзей строят кабинеты, вот построят и тогда – станет лучше жить».

Песню Окуджавы допели дуэтом. Официант подошел и склонился, получилось похоже на артистический поклон, будто это он исполнил песню.

- Мешаем? – догадался Бизон. – Будем вести себя тихо.

На столе появились корочки со счетом.

- Позвольте. – Стас попытался выхватить счет у Бизона, но тот ловко отдернул руку.

- Профессор, не делайте резких движений, - попросил Бизон. – Вы представитель интеллигенции, нашей славной...

- Вы тоже занимаетесь творчеством! – запальчиво воскликнул Стас, рука его непроизвольно взметнулась, пальцы больно ударились об оконное стекло.

- Я занимаюсь? Чем, вы сказали?

- Господа, - вкрадчиво обратился к ним официант, - еще что-нибудь?

- Нет, Алекс. Мы тут еще поем.

Официант натянуто улыбнулся, и Бизон его великодушно утешил:

- Мы с профессором удаляемся.

Стас положил на стол купюру из своего кошелька и встал. Бизон схватил бумажку и замахнулся, желая засунуть ее в карман пиджака Стаса, но попал в пустоту. Бизон чуть не упал, но удержался, вцепившись в столик.

По дороге в купе Стас продолжал рассуждать о времени: почему, чтобы жить, обязательно надо двигаться – сейчас я двигаюсь и поезд движется, - значит, происходит двойное ускорение. То есть что - двойное время? «...покуда время идет, а Семенов едет», у Бродского есть такое стихотворение. Семенов едет. Интереснее другое, почему собственно, китайцы – вопрос про китайцев показался Стасу животрепещущим, он остановился, решив подождать Бизона в тамбуре, но вагон

дернулся, и Стас по инерции пошел дальше. Так почему китайцы говорили: сиди себе на берегу реки и жди, когда мимо тебя пронесут труп твоего врага? Здесь много неясного: во-первых, никакой дороги, никакого движения – время у них словно отделено от человека. Река. Семенов, видишь ли, едет, а Ли-сю, или как его, сидит себе. У кого из них больше времени и, следовательно, возможностей? Во-вторых, труп! И, кстати, подташнивает - разве может народное сознание быть таким...жестоким, хотя китайцев много, возможно, они легче относятся к трупам. Мао каждое утро выпивал рюмку водки с перцем и умер все равно, но вряд ли от этого. Еще Мао, говорят, питался энергией молодых девушек. Молодость в том, что энергия легко проходит через человека! Только в этом. Ядранка не так уж молода, но соблазнительна, надо признать. Неужели и впрямь она - меня – соблазняет? А я боюсь, да, боюсь; когда стареешь, к новой энергии относишься с опаской.

Стас дошел до своего вагона, не сразу его узнал, а когда разобрался - направился в туалет, там пошарахался между твердыми поверхностями, пытаюсь сосредоточиться на своем отражении в зеркале, хотел понять, совсем он уже старый или нет еще. Вернулся в купе, по привычке проверил сохранность фотоаппаратуры и повалился на полку. У него была с собой книга «Эволюция средневековой эстетики» Умберто Эко, с которой Стас рассчитывал настроиться на восприятие архитектурных посланий Таллинна, но не нашел в книге живости, в голову охотнее лезли слова про друзей и кабинеты, - вспоминая куплеты песни, он заснул.

Под утро проводница прошла по вагону, предупреждая о приближении границы. В купе никого не было, лишь свертки мерцали гранями, умножая солнечные блики. «Интересно, таможенники заставят их распаковывать?», - улыбнулся Стас. Продолжая дремать, он показывал документы представителям российского, затем эстонского государства, проснулся окончательно уже перед Таллинном. На столике купе стояла бутылка коньяка, на полу игрушки – и никаких других следов Бизона.

- Простите, а где мой сосед – не знаете? – спросил Стас у проводницы.

- Вышел на своей станции. Просил передать, что коньяк для вас.

На перроне в Таллине было мало встречающих, утро показалось ему тихим и добрым. Стас пешком дошел до гостиницы, все вокруг было знакомо. Он принял душ и решил прилечь.

2.

Лариса постаралась уложить волосы - у нее, как всегда, не хватило на это терпения. Утро пятницы часто бывает веселее, чем утро среды, потому что выходные близко. Но эта пятница для Ларисы была тяжела. Когда завтрак был готов, на кухню вышел сын Томас, а дочь Маруся заняла ванную, по обыкновению надолго.

- Твой отец появится за завтраком, как ты думаешь? – спросила Лариса у сына.

Томас промолчал.

- В нашей семье можно задать вопрос – и тебе не ответят неделю, - пожаловалась Лариса не вполне проснувшемуся пекинесу Вилли. Пекинес осмотрелся, сообразил, что ждать прогулки еще долго, и вспрыгнул на мягкую табуретку посреди кухни – досыпать, свернувшись калачиком.

Ларисино раздражение требовало диалога.

- Томас, я скажу удивительную для тебя вещь – всякое терпение может иссякнуть! Знаешь, какой у нас долг за квартиру?

Сын продолжал есть. Обычно Ларисе импонировала способность Томаса сохранять невозмутимость, но эта же черта могла довести обычную беседу до скандала.

- Думаю, папа спит, - наконец произнес Томас и налил себе кофе.

- Торопиться ему, как всегда, некуда. Но мне иногда хочется послушать его предложения по поводу наших проблем. Я права?

Томас молча пожал плечами.

- Двадцать лет все решаю одна! И кто, кто пойдет гулять с собакой?

- Мам, если тебе в ванную - я выхожу, – крикнула Маруся, приоткрыв дверь. Пекинес зевнул и уставился на Ларису, пытался понять, чем она недовольна.

Лариса прошла в комнату мужа. Мартин сидел у окна и сосредоточенно полировал деталь яхты. Его отрешенное лицо со сползшими к переносице очками, выражение нежности и старательности – еще больше разозлили Ларису.

- Так ты даже не спишь. Хоть бы с собакой вышел.

- Привет, - сказал тихо Мартин и поверх очков опасно скосил глаза на жену.

Когда-то они в этой комнате повесили на стену круглое зеркало, Лариса увидела в нем женщину с напряженным сварливым лицом, жесткой линией рта. «Как уставшая торговка рыбой, а ведь я уже накрашена», - подумала она отстраненно о своем отражении. Мартин указательным пальцем поглаживал палубу миниатюрной яхты.

- Мог бы посмотреть на меня, Мартин.

Он снял очки и повернул голову, робко улыбнулся.

- Просто скажи, что ты думаешь по поводу того, что не сегодня-завтра нам могут отключить телефон. И заодно свет? – предложила Лариса.

Он водрузил очки на переносицу и снова принялся прилаживать деталь к яхте. Лариса бросилась к подоконнику, схватила одну из моделей и разбила ее об пол. Все произошло мгновенно, но ей показалось, что побледневшие глаза Мартина, увеличенные стеклами очков, она рассматривала долго. Неуклюже опустившись на четвереньки, он стал собирать щепки с пола. Пробормотал:

- Женщина-тайфун.

Это было ее прозвище из их забытого домашнего словаря. Да как она могла его обидеть, такого?

- Мам! – в коридоре появилась Маруся. – Не погладишь платье?

- Если выйдешь с собакой – поглажу, - согласилась Лариса.

- Что-то разбилось?

- Нервы сдают, - объяснила Лариса, – меня могут уволить из журнала.

Она вспомнила, что для пущей уверенности хотела накрашивать ногти.

- Надо продать эту древнюю крепость, купить другую квартиру в новом районе – еще и деньги останутся! Сможем купить папе лодку. Я же не нервничаю, что родители за год так и не собрались посмотреть меня на сцене, – добавила дочь многозначительно. Лариса достала утюг; значит, ногти накрашивать не получится. Иногда из-за таких мелочей рушатся важные дела.

- Руся! Вернешься, свари отцу кофе с корицей.

Лариса наклонилась, поцеловала ползающего по полу мужа в сухой лоб, и Мартин не отстранился.

Квартира и чердак принадлежали деду Мартина. Его прадед целиком владел этим каменным трехэтажным домом, которому было без малого четыре века. Лариса за двадцать лет, что провела здесь, полюбила каждый угол в своем жилище, и чердак, напоминавший круглую башню, внутри просторный. Но у нее всегда оставалось ощущение, что дом лишь позволяет быть у него в гостях. «Руся не понимает, что если бы она родилась в новостройке на окраине, если бы не было у них с Томасом в детстве ежевечерних прогулок по старому городу, хорошей школы рядом, древней архитектуры вокруг – они бы выросли другими...», - рассуждала Лариса на ходу. До работы ей было идти недалеко.

- Нас купи-или, - прошептала Ольга, сотрудница отдела культуры и светской хроники.

- Давно известно. Где Витал? – спросила Лариса громко, ей не хотелось поддерживать игру в осажденных подпольщиков.

- Его вызвали. Со мной уже побеседовали, потом ты идешь.

- Как прошло собеседование?

- Ты видела нового стручка? – Оля закудаhtала шепотом. – Нато телать польше расфлекательных материалов тля поле-е широ-ко-ко... Вы должны учиться расфлекать пуп-лику чтопы пыл тирашш! Он ничего, толстый пуп-лик с круглой лысинкой.

- Вылетаю я, значит. И Витал скорее всего, - тянула Лариса, трогая цветы у себя на столе. – Букет красивый, Витал принес?

- Да. Лариса, нельзя сдаваться, у тебя дети!

Оля добра, шумно всех любит, – и как же часто это раздражает, кажется глупостью, в лучшем случае излишеством.

- Рада за тебя, Оля, что тебя оставили на светской хронике. Но мы с Виталом им не к чему.

- Не обижайся, твоя там архитектура-скульптура или, как ее, культурология – действительно здесь ни к селу ни к городу, Лариса, рядом с программой телепередач.

- Расширенной телепрограммой. Я давно это поняла.

- Но ты хорошо готовишь! А Витал в спорте разбирается. И еще в аппаратуре. Все будет хорошо!

- Ага, в аппаратуре. Ладно, Оля. Я сама виновата, как следует не знаю язык.

- Лариса, тебе легко будет вспомнить – с мужем поговорила, потом с сыном!

- Они со мной молчат. Из Томаса еще можно при большом желании вытянуть пару слов, но муж мой...

- Заболел?

- После того, как пришлось продать так называемую яхту, стал неживой, будто сердце вынули.

- Может, заколдованный, - мечтательно вздохнула Ольга.

«Каким образом ей удастся сохранять восторженность? – поразила Лариса. - Даже Маруся взрослее, Оля же в свои за сорок - кудрявое существо в розовых оборках, будто совершенно не травмированное жизнью. Мир вокруг нее тоже розово-голубой, украшенным бантиками. Слишком долго Витал не возвращается от нового начальства». Лариса нечаянно сломала стебель тюльпана.

- Мой муж, - проговорила она, - человек хороший, но слегка безумный. Я тронулась в одном направлении, а он в своем, и мы разрушаем друг друга. Мне так кажется.

- Мартин красивый, - пропела Ольга. – Как Клинт Иствуд, или другой, этот, с ямочкой на подбородке...забыла. Как его? Тот красив во всех ракурсах...а Мартин твой... Лариса вспомнила Мартина на четвереньках.

- Одни корабли на уме. И радикулит хронический.

- Подумаешь. Давай его чуточку оживим, мы с подружкой однажды так смеялись! – Ольга захохотала, уронила голову на стол, бусы стукнули о столешницу. - Нужно разбудить его чувства, предположим, ему попадет на глаза записка, благоухающая: «Я увидела вас случайно, в магазине «Рыболов-спортсмен», и полюбила». Мужчины тоже боятся стареть, не меньше нас. Признание незнакомки...то, что нужно.

- Ты начиталась собственных советов замужним женщинам. «Как оживить умирающий брак? Купите сексуальное белье, устройте ужин при свечах, внезапно пропадите из дома на три дня. Чаще ходите голой». Даже если пропаду на пять, никто не заметит. Если оставить запас еды, конечно.

- Во-первых, замужним я никогда не советую, только тем, кто мечтает выйти замуж. Спорим, поможет?

- Оля, дай сосредоточиться.

- Главное – ты хорошо выглядишь. Лариса! Накрасилась по-новому, что ли? Знаешь точечный массаж...

- Дамы! – Появился Витал. – Ларик, ты красивая женщина, я тебе сегодня не говорил? Поцелуешь, только по-настоящему?

- Витал, ну что?

- Повысили зарплату, на днях приглашу в ресторан.

Ольга, радостно повизгивая, попрыгала перед Виталом, придушила, расцеловала и убежала брать интервью у футболиста. Витал достал платок, вытер лоб и щеки, нежно приобнял Ларису:

- Ступай бодрыми шажками к новому шефу. Я ему сказал, что у нас с тобой будет совместная рубрика, и он отнюдь не возражал.

- Отнюдь... какая?

- Придумаем вместе. Что-то одновременно глуповатое и экстравагантное. Надо всех заинтриговать, «люкс, культура и современность», что-то вроде. Сплетни и интриги богемной тусовки.
  - В такие игры не играю, не хочу.
  - Отнесись к этому легко, у тебя хорошо получится. Надо иногда меняться, мы еще молоды, Ларис!
  - Не люблю мелкотравчатый идиотизм, - Лариса встала и потянулась за сумкой. Ей не нравились слова, что получались у нее сегодня. – И я ухожу.
  - Да он везде, во всех изданиях – идиотизм, давно не обольщаюсь на сей счет и тебе не советую, - сообщил Витал, подхватил Ларисину сумку и поднял высоко над головой.
  - Твое упрямство такая же пошлость, потому что не-гибко. Высокомерно, в конце концов. Я вообще беспокоюсь, что-то в тебе такоеросло – знаешь, Ларис, как отложение солей в позвоночнике у рыбы, он гнутья перестает. Или наш чайник, электрический... Валька не может его отчистить от накипи. Даже с уксусом кипятит.
  - Не надо беспокоиться, Витал, за мой позвоночник. Подумай о своем, чрезмерно гнущемся. У рыб, чтоб ты знал, на костях никогда – ничего - не нарастает. И не смей сравнивать меня со своим чайником! Фильтр купи нормальный и фильтруй воду.
  - Я-то куплю, вообще куплю два новых чайника. Ты - на что семью кормить будешь?
  - По субботам экскурсии, - она приподнялась на носках, чтобы дотянуться до сумки, которую Витал продолжал держать на вытянутой вверх руке. Но ее роста оказалось недостаточно. – У меня есть муж, если ты помнишь, - Лариса подпрыгнула как могла высоко, но сумку ухватить не сумела.
  - Ага, муж...На одни русские экскурсии не прокормишься. Ходит всего один поезд: Москва-Таллинн, Таллинн-Москва, туда-сюда, туда-сюда, чу-чу-чу, - Витал запыхтел паровозиком, бегая по комнате.
  - Отдай, а то обижусь.
  - Если бы ты знала, сколько женщин обижены на меня.
- Подскочив еще раз, Лариса выхватила сумку и стала собирать вещи.
- Это моя ручка или твоя?
  - Моя ручка. И мой карандаш. Ларис, не уходи вот так, прошу. Хочу работать с тобой, пить кофе из одного стакана...
  - Кофе пьют из чашки. Не будем пить из одного стакана не воду мы...
  - Не поцелуемся мы утром рано.
  - Вот именно – не поцелуемся. Не поругаемся мы утром рано! Букетик хотя бы мой?
  - Давай поругаемся. Ты истеричка, Ларис, менталитет у тебя подростковый. Инфантильный менталитет.
  - Сам дурак, - грустно сказала она. – Менталитет ему мой не нравится! Может, в сто раз лучше твоего.
  - Мне будет плоховато без тебя.
  - Мне тоже.
  - И поцеловать, пока еще утро?
  - Обойдешься.

* * *

«Я была с ним груба, он этого не заслужил. Знакомы с юности, столько лет работали вместе, здорово, когда можно разговаривать, ходить пить кофе, обедать и работать. Романа не было, было состояние предвлюбленности, которое лучше, чем роман, поскольку может и не заканчиваться. Оно не способно никого обидеть, хотя в любой момент может начать развиваться, от единого прикосновения. Было все здорово и теперь закончилось, - оттого, что я плохо говорю по эстонски. У меня затвердели хрящи, он прав. Мне трудно меняться, и вот я сбежала, обидев единственного друга. Напоследок даже не заняла у Витала денег, а ведь собиралась».

Лариса смотрела в сторону работающего телевизора, переключала программы и жевала хлеб, запивая его пивом. Собака сидела рядом, следила за каждым её движением. Повинуясь гипнотическому импульсу, Лариса протягивала пекинесу шарики из хлеба. Мякиш прилипал к редким зубам пекинеса, он наклонял голову, стараясь жевать тщательно, показывая, что для него хлеб – тоже пища. Пива Ларисе не хотелось, а хотелось, чтобы зазвонил телефон. Виллик звонко твякнул, напугав хозяйку, – просил еще. Можно позвонить Виталу, сказать что-нибудь ласковое, возможно, он даже обрадуется ее звонку. Но гораздо лучше, если Витал позвонит сам. Лариса отвернулась от телевизора, чтобы вымыть стакан, услышала текст рекламы: «Препарат эффективно устранит заболевания мочеполовой системы у женщин пожилого и среднего возраста». И она разревелась.

Тут же зазвонил телефон, это была Ольга.

- Я подумала насчет нашего дела.

- Какое еще дело, – шмыгнула носом Лариса.

- План с запиской, забыла что ли?

- Оля, мне не до чего, долг за квартиру. Дети шатаются неизвестно где, муж тоже.

- Проблемы надо решать по порядку. У меня есть заначка, могу одолжить на полгода.

На подольше не смогу – хотела в Норвегию, знаешь, там фьорды... Безработные живут как депутаты нашего парламента! Когда придумаешь с работой, будешь отдавать по частям. Теперь главное, твой муж. Лариса! Просмотрела я том Ахматовой, и с трудом, но нашла подходящие слова. Перепишу красивым почерком, надушу, и мы подбросим. У меня есть японские духи, у Мартина как с обонянием?

Лариса всхлипнула:

- Откуда я знаю... у нас все поменялось: осязание, обоняние, зрение тоже сильно просело.

- Проверим зрение и все остальное. Подбросим записку и проследим за реакцией. Мне хочется посмотреть как он возродится! Не возражаешь, если я подъеду с запиской, когда Мартин будет дома?

- Оля, мой муж депрессивный, слегка, но не идиот. Ты приедешь, мы подбросим ему в коридоре записку, и будет считаться, что это послание от незнакомки?

- Значит, не получится ... - Ольга загрустила, – Лариса! Можно положить записку на переднее сиденье машины и убежать. Еще лучше будет, он подумает что женщина его страстно преследует. Неотступно...они это любят.

- Решит, что послание от дорожной полиции, штрафная квитанция. И все равно машину продали.

- Я перезвоню, – заключила Ольга.

Вернулся Мартин – тихо произнес слова приветствия в коридоре. Лариса вышла к нему, хотела попросить прощения за разбитую модель яхты. Взгляд мужа казался неживым, костюм был мокрым и местами грязным – похоже, Мартин перестал быть аккуратным как прежде, – вообще как узнать, каким он стал, ее муж?

- Ты откуда?

- Ходил.

Он не виноват, что не может ни на что решиться; злиться на него все равно что обижать собаку, – растроганно решила Лариса, наблюдая за бурной встречей мужа с пекинесом. Стоя посреди холла, Мартин медленно поворачивался и слегка наклонялся, как великан над любимым братом, которого фея превратила в мелкую собачонку. Пекинес прыгал и падал на бок, звучно ударяясь головой, коротко взвизгивал от боли, вскакивал и снова прыгал, счастливо поскуливая и чихая. Почему они друг с другом нежнее, чем со мной?

Зазвонил телефон.

- Придумала! Я придумала, Лариса! – Это была Ольга. - Завтра приду к вам, засуну записку в карман его плаща, и тогда получится, что он принес ее с улицы. Ты спросишь: «Посмотри, не надо ли отнести в химчистку твой плащ? Только проверь карманы, Мартин!». Поняла, Лариса? Поняла?! Текст хочешь послушать?

Муж от ужина отказался, ушел в свою комнату строить корабли. Спустя недолгое время вернулся Томас и молча устроился за обеденным столом, косясь в телевизор. Лариса хотела сказать сыну, что не так давно он был ее лучшим советчиком, напомнить, что с раннего детства удивлял ее мудростью и точностью суждений. Возможно, теперь он снова поможет ей. Лариса подыскивала достойные слова.

- Почему так поздно? – неожиданно для себя спросила она. Томас удивленно бросил взгляд на настенные часы.

- Репетировали.

- А что именно вы репетировали - можно поинтересоваться?

- Музыку.

- Почему ты мне никогда не рассказываешь – на чем играешь?

- Ма, на басу, - протянул он одной, тоже низкой, нотой.

- Почему же не на скрипке? Ты что, ее вообще больше в руки не возьмешь? И музыкальная школа – коту под хвост? – Еще не договорив, Лариса осознала, что сказала глупость, но это было сильнее ее, как обязательная реплика в прописанной роли. Томас отвернулся, едва заметно пожав плечами. Она не могла вспомнить, как раньше удавалось разговаривать, не пугая его материнскими штампами, надо снова и снова пытаться находить слова, – подбадривала она себя.

- Не спросишь, как у меня дела?

- Скажи.

- Я потеряла работу.

- Ищи новую. Газет и журналов полно. Ты хороший журналист.

- С русским?

- Ты и на эстонском можешь.

- Как у тебя все просто, Томас!

Сын сделал громче звук телевизора. Говорили, что неизвестный, возможно маньяк, опять напугал женщину в безлюдном парке. На этот раз без последствий. Томас убрал звук.

- Ты был такой хороший... маленький. Понимал меня с полуслова, больше всего на свете любил свою скрипку, меня. Теперь: «да, ма, нет ма»... через три месяца уйдешь в армию, я так долго не увижу тебя!

Томас поднялся, слишком поспешно, как ей показалось, чмокнул ее в щеку и пожелал спокойной ночи.

Если удастся пристраивать в месяц две-три статьи, то скромно прожить можно, даже работая внештатно. Проблема в другом: опусы об известных людях, событиях или предметах ты пишешь, видя перед собой лицо редактора, и в текстах со временем все меньше тебя, в строчки вкрадывается чужой стиль, отпечаток редакторской физиономии. Ты утешаешь себя, что это временный компромисс, но стилиныш-подлец успеваешь захватить страницы текста, приставить уши к каждому абзацу. Для «глянца» надо писать лихо, демонстрировать небрежливое остроумие, способность лягнуть и укусить любого, живого или ушедшего. Открыв окно, Лариса увидела около подъезда две фигуры: Маруся и ее мальчик стояли обнявшись.

- Руся, сейчас же иди домой. Спать пора.

- Мам, тебе пора, - ответила дочь, отстранившись от мальчика, - Со мной все в порядке. Можешь ложиться.

Она командует матерью. А ведь семь лет по больницам, даже в школу ей ходить не разрешалось, Маруся долго шагу одна не могла ступить, в буквальном смысле. «Они отрезают нас, и мы понимаем, что надо жить собственными эмоциями, - подумала Лариса и закрыла окно. - Не выпрашивать, цепляясь, их энергию».

- Аптека начала пятнадцатого века, одна из старейших в Европе.

Лариса шла во главе группы, утро было славное. Она произносила текст экскурсии, глядя под ноги, на мостовую.

- Скажите, в этой аптеке продавались алхимические препараты?

В группе обязательно найдется один, кому больше всех надо. Остальные засмеялись. Чтобы не тратить лишние силы, следует понять: всезнайка и впрямь начитан или просто смешит скучающих дамочек. Лариса аккуратно отломала часть плитки шоколада в кармане:

- Это правда, лекарственные составы тогда разрабатывали люди, которых считали алхимиками.

- И сейчас продаются?

Похоже, невысокий мужчина с золотым зубом и в кепке - обыкновенный балагур, определила Лариса.

- Пищевая добавка «философский камень»? Давайте зайдём и спросим у Сильвии. Здесь продают кларет по старинному рецепту – может, он и есть эликсир бессмертия. Вы готовы жить вечно, как Агасфер?

- Кто? Смотря как жить. Почему в Таллинне все так хорошо сохранилось? – спросил балагур обиженно.

- Эстонцы берегут свою историю, культуру, - ответила Лариса. «В отличие от некоторых», - добавила она про себя, почувствовав раздражение.

- Думаю, у вас время медленнее течет, и народу теперь мало, говорят, вы всех русских выгнали, - высказался солидный господин. Он все осматривал медленно, основательно, его жена много фотографировала. Лариса привычно проигнорировала выпад насчет русских.

- Уникальная сохранность архитектуры... результат политики местных властей, достаточных средств, выделяемых на поддержание и ремонт исторической части города. Сохранены две трети средневековых домов, вдумайтесь, это строения пятнадцатого века! – сегодня ей хотелось провести экскурсию формально и побыстрее. Не было настроения долго смотреть на туристские физиономии. - Пройдем к храму Святого Николая, «Нигулисте». Это наш самый крупный музей средневекового искусства, здесь три наиболее ценные произведения того времени, оставшиеся в Эстонии. Прежде всего, алтарь, заказанный для храма Нигулисте Большой гильдией и Братством Черноголовых и выполненный в 1482 году знаменитым любекским мастером Херменом Роде, - рассказывала Лариса на ходу. – Еще один алтарь, посвященный Деве Марии, конца XV века, тоже принадлежал Братству Черноголовых. Помните здание Братства, что мы видели на улице Пикк? «Черноголовые» на протяжении пяти веков покровительствовали искусству. И, наконец, в музее Нигулисте мы увидим единственную в своем роде картину.

В храме она выстроила группу перед картиной «Пляска смерти»:

- Неизвестно, художник из Любека в 1430-м году сам придумал написать полотно “Bal masabre” или то был заказ какого-либо ордена. Возможно, появлению шедевра мы обязаны заказу городской гильдии похоронщиков: по этой картине можно изучать погребальную культуру Средневековья. Полотно символизирует бренность жизни и неизбежность смерти, не выбирающей между богатыми и бедными, знатными и крестьянами.

Она всегда мерзла перед этой картиной, и сейчас сквозь подошвы туфель заполз холод.

- Может, церковь хотела припугнуть прихожан – мол, несите скорее ваши денежки, пока живы? – спросил балагур.

- Уцелело семь с половиной из тридцати метров картины, известно также, что в Любеке хранился второй экземпляр произведения, сгоревший во время Второй мировой... изображены люди разных классов, возрастов и сословий...второе значение этой

картины было открыто недавно...ожидание второго пришествия...

Лариса запнулась. «Второй, второй», - слышалось ей. От ее голоса отделился другой, долго молчавший, тоже ее. Голос звучал полноценно, наполнено:

- Тэре, Лариса.

Она успела подумать, что страшноватая картина "Bal macabre" возбудила у нее в голове некий центр, и теперь приветствие, произнесенное голосом, о котором мечталось так часто, произнеслось вслух. Она повернулась - голос шел из свободного пространства церкви.

Экскурсанты вяло переминались с ноги на ногу, они тоже мерзли.

Лариса сосредоточилась и продолжила объяснение:

- Предыдущий мэр Таллина хотел сделать картину символом города...устроить фестиваль под названием «Пляска смерти», предполагалось объявить конкурс детского рисунка на сюжеты черного юмора, но к счастью нашлись здравомыслящие люди, напомнившие, что дама с косой в руках – сакральный образ, с ним не шутят... какой ужас.

«Что я несусь? – думала Лариса, - не собиралась же говорить ничего этого. Уверена, он где-то поблизости. Я должна запомнить, что сейчас чувствую. Кажется, мне хочется сбежать. Большое счастье и горе переживаются одинаково болезненно, они похожи, оказывается. Хотя счастье не произошло, а только представилось в очередной раз. Но даже в воображаемом состоянии оно обжигает, можно погибнуть». Ее голос звенел, а взгляд настолько изменился, что группа развернулась и тоже уставилась в ту сторону, куда смотрела Лариса. Но там был алтарь – и никого рядом.

- Что значит «сакральный» и почему нельзя шутить? Тем более я в отпуске, – подмигивал балагур девушке из группы.

3.

Стас отправился в кондитерскую, где позавтракал, читая московскую газету.

Накатилась слабость, вместе с ней мерцающее покалывание в груди: может, кофе был слишком крепким или сказалась беспокойная ночь. Утро в старом городе виделось пустынным, встречались группы спотыкающихся сонных экскурсантов. Придя в Нигулисте, Стас начал работать у храмового алтаря; рассматривал роспись, изображающую житие Святого Виктора. Потом наметил ракурсы для съемки, и вдруг услышал голос, безучастно рассказывающий о картине «Пляска смерти». Ему стало плохо и страшно: точка боли в груди слева выпустила тонкие иголки, колючий шарик сделался твердым и начал медленно поворачиваться.

Стас ощутил холодный пот на лбу, громко произнес: «Какой ужас». Хотел обернуться, но не успел. Так и стоял, чувствуя спиной холод. Будто прижимался к мраморной стене. Или лежал на полу?

Стас услышал слова, о которых мечтал двадцать лет:

- Тэре, Лариса.

«Я еще не умер, - подумал он, - а уже встретил ее. Значит, просто не успел умереть».

Господи, как страшно было бы с ней встретиться. Неужели ангелы начертили схемы наших жизней так, что они опять пересеклись? Конечно, у Ларисы огромная загадочная жизнь, трудно себе представить сколько людей и событий крутилось вокруг нее эти годы. Она изобразит радость, предложит отправиться к ней домой знакомиться с семейством. Пить чай. Может, в Эстонии не пьют чай? Кофе. Почему-то я уверен, что у нее есть семья. Я не смогу отказаться от приглашения: увидеть ее и сразу расстаться выше моих сил. Птица пролетела по небу; в одну сторону, потом совсем быстро, - в другую. Я способен только фиксировать и затем рассматривать снимки, годами недоверчиво рассматривать снимки со следами стремительной птицы. Потому что я оцепенел. Что если Лариса не летает больше? А я сам?

Он сказал бы ей о своем страхе.

- Мне тоже кажется, если повернуть голову вот так, ты можешь исчезнуть, - отвечала

Лариса.

- Никогда. Это ты можешь, мне было так больно!

Потом они оказались вдвоем на улице и не знали, что делать.

- Ты когда...?

- Сегодня утром.

- Где твои вещи?

- При чем здесь вещи, Лариса.

Они шли, не глядя друг на друга; смотрели вперед, пытаясь угадать будущее.

- Кто первым начнет рассказывать? – спросил Стас, не выдержав безвоздушного молчания.

- Эта улица называется Лабораториум.

- Знаю. Я искал тебя здесь.

Они бродили вдоль моря, гуляли в парке. Раньше никогда не ходили рядом, Лариса всегда шла быстрее, чем он.

- Ты приехал в первый раз?

- Я приехал сразу, когда потерял тебя. Ползал здесь, раненый. Если ты действительно живешь в этом городе, должна была видеть следы знакомой крови на тротуарах.

- Если бы ты был здесь тогда, мы не могли не встретиться – я год встречала почти каждый поезд. У меня была такая болезнь – ждать тебя, встречать и провожать московские поезда. Казалось, через них я общаюсь с тобой. Поездная зависимость.

- Я приезжал в 86-м, потом еще три раза. Дважды прилетал на самолете. Уже без надежды, я перестал верить. Решил, что придумал нашу историю. Вернее, преувеличил ее значительность.

- Ты сказал глупость.

- Ну ладно.

- И все же решил еще раз попробовать?

- Иногда дается, когда перестаешь надеяться.

- Главное – дожить до того времени, когда дается.

«Господи, сделай так, чтобы у нее не было ни мужа - и никого, - взмолился Стас. - И как я смог выжить в предыдущей жизни без нее?».

- Ты, хоть иногда, представляла нашу встречу?

- Часто.

Она погладила его руку, Стас хотел взять ее ладонь и поцеловать, но не посмел.

Большим блаженством было бы сейчас оказаться вдвоем в постели, он позволил себе представить их объятие, такой миг казался лучшим из всего, что могла предложить жизнь. Прижаться, лежать вздрагивая от нежности. Он думал об этом и смотрел себе под ноги, даже земля около ботинок была особенной... Вдруг опять испугался: физически удалиться от Ларисы больно, он это хорошо помнил, и если опять придется... О, неужели это возможно – в другом мире слиться навсегда именно физически. Блаженство цельности.

- Куда мы теперь? – наконец спросил Стас.

- В гости к Хранителю.

В старой башне, пока они протискивались по тесной лестнице, Стас снова подумал о том, как быстро может раствориться двадцать с лишним лет, будто ты жил в одном измерении, а потом, вследствие неких сданных экзаменов, тебе открыли дополнительный объем. Ты существуешь в новой реальности как ни в чем не бывало, только скорость движения воздуха вокруг меняется, голова кружится от высоты и раскоординированности. В новом пространстве он знал только Ларису.

- Ты мой ключ к Небу, к настоящей жизни, – сказал он.

Лариса поднималась по лестнице первой.

- Пригни голову.

Стас вдруг представил, что она королева башни, маленькая и смелая, и наконец решила отвести его наверх – его совсем ничего не держит в том мире, где нет Ларисы. Он ударился головой.

- Больно? Я же сказала – пригнись, Стас. Сейчас увидишь то, что никто кроме меня не

может показать.

- Меня бы устроило что-нибудь теплое, любая часть твоего тела, - жалобно пробормотал он.

- Ты опять сказал глупость.

- Если говоришь что думаешь, чаще всего так и получается. Твое прикосновение для меня важнее других даров вселенной.

Ступени были высокими и стертymi. Как и слова.

- Эт-та ты? – раздался сверху шелестящий голос.

- Идем к тебе, Карл, - произнесла Лариса торжественно. Из приоткрытой двери им навстречу вырвался поток музыки, плотный как вода. «Это и есть музыка Таллинна», - понял Стас.

Хранитель был высоким человеком, будто высохшим; когда он произносил слова по-русски – а время от времени они с Ларисой переходили на эстонский или на немецкий – то кивал головой и наклонялся, складываясь вперед. Стас отметил, что одежда на старике необычная, не то чтобы старинная, а какая-то театральная, нарядная и ветхая одновременно. Хранитель не разрешил фотографировать, хотя показывал свои сокровища с удовольствием. Это были черепа жертвенных животных, средневековые ордена в бархатных коробках, серебряные фигуры-скульптуры с глазами из драгоценных камней.

Пребывание в башне Хранителя еще больше убедили Стаса, что этот день не настоящий. Мелодия дня, несмотря на присутствие Ларисы, оставалась не радостной, а пугающей, наполненной тяжелой мистикой. Зачем она привела его в пространство могущественных вещей, а не туда, где можно остаться вдвоем? Ее тело могло все объяснить, все расколдовать... поэтому люди говорят: «я хочу тебя», и это все равно, что сказать «я хочу жить». Что мы любим все-таки, когда любим – тело или душу? Или любим тело, потому что жаждем осязаемо прикоснуться к душе? Нас дразнят как детей, ловим ладонями воздух.

- Вы в Москве такого не видели? – спросил Хранитель, удивив гостя неуместностью вопроса.

- О нет, такого нигде больше не увидишь, - ответил Стас вежливо. И тут же вспомнил, что подобное собрание видел в Португалии, в ангаре галериста Алехандро Амараль Игнасио Бежа да Сильва. Но Алекс Бежа из Коимбры был торговец искусством, поэтому ценные вещи у него перемежались с сувенирами, на потребу невзыскательному вкусу клиентов. Здесь же, в башне, были подобраны изысканные редкие вещи.

Кроме небольшого свободного пространства в центре помещения, все было заставлено: громоздились полки и шкафы, там лежали предметы, которым когда-то поклонялись. Словно из-за стекла Стас видел себя рассматривающим женское украшение, состоящее из серебряных тарелочек, каждая в полкило весом, он смеялся, говорил вежливые слова. Этим вещам место не здесь, а в склепах рядом с останками владельцев, в подвалах замков. Почему Лариса захотела привести его сюда? Надо бежать, взявшись за руки, идти в гостиницу или хотя бы в ресторан, чтобы побеседовать в укромном углу, насмотреться друг на друга. Стас стал задыхаться, вместе с удушьем возникло раздражение - почему Лариса делает вид, что забыла, насколько они нужны друг другу именно в непрерывном прикосновении... забыла или боится? Их не-касание становилось печально привычным.

Из комнаты Хранителя шел узкий коридор наверх. Ход в другое помещение загоразивал мольберт с картиной, изображавшей череп крупного животного, лежащий рядом с раскрытым фолиантом. Стас остановился перед картиной.

- Она называется «Книга жизни», - произнесла Лариса.

- Книга жизни написана, - церемонно объявил Карл по-немецки, Стас понял значение фразы.

Когда Хранитель отвернулся, Лариса украдкой потянула Стаса за рукав, они проскользнули в низкую деревянную дверь за мольбертом.

Из моря выползли огромные змеи, очень много змей, они ползли покрывая землю, так что ни травы, ни асфальта не было видно, твари стекались в башню, ползли вверх по лестнице трепещущим полотном. Змеи уже подползали к дверям студии Хранителя, и потому, Стас знал, им с Ларисой обратной дороги нет, только наверх, через узкий коридор к вершине башни. Он решился спросить: «Это Ангел? Хранитель. Это Ангел? Хранитель». Стас чувствовал, что вместо вопроса у него получается бормотание, которое Лариса не слушает – она ведет его вперед. «Это Ангел? Хранитель», - повторял он. Они протискивались, чем дальше, тем проем становился теснее. Застряв между шелушащимися камнями, Стас с усилием заставил себя повернуть голову и щекой наткнулся на что-то холодное. «Лариса погладила меня прохладной ладонью, - подумал он с нежностью, - когда мы выйдем на стену, я покажу ей Небо. Глядя на него - мы соединимся».

* * *

Стас проснулся под вечер. Лежал неудобно, завалившись в щель между стеной и кроватью. К холодной гостиничной стене прижался щекой. Повернувшись, он уткнулся носом в противно-шершавое покрывало. «Вот это да, проспал целый день», - подумал Стас, когда зажег лампу и стал соображать где находится. Чего точно не хватало, так это нитроглицерина, он вспомнил, что чувствовал во сне сердечную боль, кожа с левой стороны груди и теперь болела.

«Интересно, могло быть правдой, чтобы Лариса встречала каждый московский поезд, тогда?», - он морщился, рассматривая в зеркале свою физиономию, длинные темные волосы торчали во все стороны, крупный нос с покрасневшими ноздрями распух. После сна у Стаса начался сильнейший насморк.

Итак, здесь по-прежнему все пропитано его любовью к Ларисе. Такой безнадежный диагноз. Можно любовь назвать бывшей? Вычислить сроки распада тела ранней, почти юношеской любви? Почему-то некоторые отношения, как у него с бывшей женой Татьяной, деликатно стираются – совсем исчезают. При большом желании не сможешь вспомнить их вкуса. Другие привязанности живут параллельно реальности, уже не так больно царапая, и все-таки продолжая существовать. Месяцами он мог не вспоминать о Ларисе, а потом вдруг представлял ее отчетливо. И был почти уверен, что она в этот момент думает о нем. От чего зависит возможность перевести мечты в настоящие встречи, вытянуть общение из параллельного пространства в осязаемое? Кто распоряжается этим? Дневной сон обманул его. Мозг, тело, мужское желание – все в нем поверило, что Лариса рядом.

Он поискал в дорожной сумке бумажные платки, взял полотенце и улегся в кровать с книгой. Трактат о средневековой эстетике его раздражал: десять веков автор объяснял просто и небрежно. Стас даже не был уверен, что эти века существовали. Какие доказательства? Старые косточки, храмы, картины и книги? Небольшой отряд ангелов, особей (персон?) двести или триста, мог бы произвести все эти так называемые артефакты в сжатые сроки. Специально, чтобы ввести нас в заблуждение.

Радиоизотопный анализ не поможет, он покажет только то, что они задумали, что им надо, ангелам... Гёте рассуждал о том, что миф становится большей реальностью чем сама действительность – или не Гёте... Стас понял, что рискует заснуть снова, с книгой в руке и сопливым полотенцем под щекой. Он еще раз принял душ, взял камеру и отправился ужинать. Ему захотелось в Москву, где Ларисы осталось очень мало.

* * *

Она рассказывала, что родилась и выросла в Таллинне, других подтверждений её жизни здесь не существовало.

Когда Стас с группой из «Автотрансрекламы» первый раз попал в Таллинн, они три дня гуляли и развлекались. Было их семь человек вместе с Милой и Стасом, на обратном пути, уставшие, они разместились в двух купе. Свободное место заняла девушка, выглядевшая аккуратной отличницей. Она смотрела в окно или лежала на полке с книгой. Стас не смог заговорить с ней, он был робким. Девушка взглядывала из-под темной челки, молча, без улыбки. Глаза были небольшими, но вдруг могли становиться огромными, такие странные синие глаза, очень переменчивые. Глядя на ее губы, Стас решил, что она умеет быть веселой, но не показывает этого.

В Москве он вскоре снова увидел этот серьезный взгляд. В начале учебного года Стас отправился в свой бывший институт навестить друзей. Ждал в сквере окончания лекции, девушка на скамейке подняла глаза от тетради.

- Привет, - он присел к ней на скамейку. Почему-то смущения не было.

- Приветик, - ответила она и не отодвинулась. Голос у девушки был низким, грудным. Стасу стало радостно, рядом с Ларисой он почувствовал себя защищенным. От пустоты существования, во всяком случае.

Спустя несколько дней они поселились вместе в маленькой съемной квартире рядом с метро Войковская. Жилье темное и затхлое на первом этаже. Но эти месяцы... Стас всегда потом думал, что так чувствуют себя люди, которые умеют прыгать с парашютом и парят свободно, рассматривают красоту. Парят в радости. Он не боялся и не рассуждал, и покуда не боялся - был счастлив. Ему было двадцать три, а она была моложе, но умела дать ему ощущение гармоничной совместной жизни. Не было периода неловкости и привыкания. Им весело было быть любовниками, засыпать и просыпаться в обнимку, готовить и поглощать еду, вместе гулять, читать и убираться в квартире. Их ночные разговоры были как сотворение общего пространства.

Способностью укрощать вещи и грязь Лариса напоминала Варвару Ивановну. Она умела так же уважительно договариваться с предметами, как и его героическая мать. Стас тогда решил, что все женщины обладают этим талантом, и только годы спустя понял, что встретил лишь двоих таких, мать и Ларису.

Матери он сказал, что снял мастерскую для работы. Ложь казалось оправданной, потому что Варвара потребовала объяснений немедленно, после первой же ночи отсутствия Стаса. И эта ложь все испортила впоследствии.

Встречу Варвары и Ларисы Стас рассчитывал добросовестно подготовить, но знакомство откладывалось: сперва находились разумные причины, затем Лариса стала уклоняться от встречи. Когда Стасу наконец удалось ее уговорить, у Варвары появилась идея свести его с дочерью известного телевизионного чиновника. Стас поругался с матерью.

Но это был лишь нудный аккомпанемент несовпадений, а совпадений, счастья – было в тот год много. Стас становился расторопным в работе, рядом с Ларисой скованность и лень покидали его. Он получил заказ на съемку в рижском Русском Театре для рекламного буклета. На съемку в Ригу Стас взял Ларису с собой.

Она обладала еще одним удивительным качеством: училась в своем «пед» имени Ленина», получала «повышенную» стипендию, но это получалось будто само собой. От нее нельзя было услышать: «мне надо заниматься» или «у меня скоро сессия», Лариса была готова ехать куда угодно, чтобы купаться в море, собирать шишки в сосновой роще, ходить на концерты, болтать о книгах за чашкой кофе. Режиссёр Рижского театра поселила их на своей даче в Юрмале, просила ухаживать за ее собаками. В тот год он почти не фотографировал Ларису, не хотелось смотреть на нее через объектив, интереснее было то, что происходило каждый день – как просыпались, целовались, о чем разговаривали, как делали покупки, выбирали блюда в ресторане. Ему нравилось наблюдать как она одевается: обстоятельно выбирает, осторожно натягивает на себя одежду, разглаживает каждую вещь, смотрясь в зеркало с особым детским выражением. После завтрака они бегали играть в мяч на песке пляжа в Юрмале, потом купались. Обнимая Ларису, он надеялся на ее пожизненное присутствие рядом.

Из второй поездки в Ригу Стас случайно вместе с аппаратурой привез на квартиру к матери свои вещи. Заглянув мельком в чемодан, Варвара поняла, что рубашки сына уложены женской рукой, так же аккуратно как могла сделать только она сама. Она устроила скандал: обида на скрытность сына выплеснулись в крики и оскорбления, мать даже попыталась дать ему пощечину.

Последовавший вскоре совместный обед в доме у Варвары не исправил положение. Мать держалась надменно, а Лариса настороженно, женщины вяло обменивались дежурными репликами. Стас обиделся именно на Ларису, ему казалось, что мать приложила больше усилий для мирного диалога. Затем Варвара выбрала необычную для себя тактику: с сыном она общалась кротко, неявно проявляя вдруг возникшую болезненность. Ее бессильные интонации обескураживали Стаса, не давали спать по ночам, он вдруг обнаружил, что диван в квартире на Войковской – сооружение скрипучее и очень неудобное. Стас уговаривал мать меньше курить и обратиться к врачу, начать принимать лекарства. Варвара лишь отмахивалась: «Не беспокойся обо мне», поведение ее стало подозрительно безвольным. Стас всерьез обеспокоился состоянием ее психики. Он решил несколько раз в неделю ночевать дома, чтобы поддержать мать. У Стаса было ощущение будто Варвара физически притягивает его к себе, не отпуская. Если он ненадолго отвлекался от мыслей о матери, то в груди начинало тянуть и болеть, возникало чувство вины, отравляющее повседневность. Стас объяснил Ларисе, что у него меньше поводов жалеть ее, она молода и всегда будет рядом с ним. «Мать присваивает твою волю к жизни», - вспыхнула в ответ Лариса, фраза показалась ему несправедливой.

* * *

Дождаясь десерта в таллинском кафе, Стас позвонил в Москву, нашел голос матери расстроенным. Варвара не призналась, что именно ее тревожит. Когда он расплачивался, прозвонился Леха, приказал:

- Рассказывай, как прошла съемка!
- Еще не прошла, - Стас рассмеялся, настолько Лехин тон не совпал с его сентиментальными воспоминаниями. – Сделаю или нет – как получится, понял?
- Понял, - отозвался Леха покорно, но тут же закричал, - ты там посмотри одно захоронение, помнишь, могилу герцога де Круа?! В капелле Нигулисте должно быть, там дюк де Круа, которого забыли похоронить, он пролежал в подвале Нигулисте лет сто.
- Почему я должен помнить?
- Пушкин Вяземскому писал, и жена Вяземского кому-то писала, они еще сказали, когда посмотрели...на дядю Пушкина похож, только сердитый.
- Бред, не могу говорить, деньги на мобильнике кончатся!
- Рекомендую – обрати внимание на дюка. Когда решишь поработать, - строго закончил разговор Леха.

Стас вспомнил: двадцать лет назад Леха в присутствии Ларисы становился нетерпимым, его бесило каждое ее слово. Лариса чаще прощала, но могла и огрызнуться. Стасу иногда льстило, что из-за него происходят перепалки. И сейчас Леха будто вмешивается в его раздумья... Стас выдохнул, велел себе забыть назойливые воспоминания – и направился в гостиницу пить лекарства и спать. Вечер в Таллинне был теплым, почти таким же акварельным как и утро, хотя вечерний город больше был похож на рисунок, выполненный пером и тушью. Это была строгая графика. Стас решил уехать на следующий день вечерним поездом.

4.

Лариса завершила экскурсию раньше положенного, оставив группу обедать в

ресторане. Экскурсанты помахали ей вслед, довольные тем, что сидят за большим столом в уютном полумраке. Перед ними поставили соломенные корзинки с вкусным хлебом, который они уплетали, сознавая, что съесть хлеб до обеда неприлично. Беспокойство, которое Лариса ощутила в Нигулисте, не проходило, хотелось выговориться, и она зашла к соседке. Войдя в квартиру, громко объявила:

- Ане, мне сегодня как наяву представился человек, которого я любила много лет назад.

Ане молча замешивала тесто.

- Я тебе о нем рассказывала, помнишь?

Ане по-прежнему молчала, но Лариса знала, что ее слушают.

- Да, - наконец промолвила Ане и включила миксер. Лицо у нее было сосредоточенно суровое, как у летчика за штурвалом.

- Почему именно сегодня проявились такие яркие видения? – прокричала Лариса.

Ане молча пожала плечами.

- Сама знаю, - продолжила Лариса, когда шум прекратился, – моя психика пытается помочь. Я съела целую плитку шоколада – может, аллергия мозга? Как думаешь, – можно встретить человека через много лет и обнаружить, что он тебя по-прежнему любит? Я тоже, кажется... - заключила она уныло.

Ане опять пожала плечами, на сей раз скептически. За годы работы в поезде она привыкла, что ей исповедуются, и знала, что людям не нужны ни советы, ни сочувствие. Исповедующимся нужна ровная стена, о которую их слова могут удариться, а затем рикошетом вернуться к хозяину, чтобы он их поймал и смог разглядеть. Лариса заметила ворох блестящих свертков; квартира Ане лаконичностью напоминала операционную, и разноцветная гора выглядела как веселое вторжение - манна небесная, нарядно упакованная.

- Один пассажир оставил, - соседка улыбнулась, для ее лица улыбка была редкостью словно землетрясение на равнине.

- Оставил или подарил?

- Просил взять на время.

Лариса присела перед большим свертком и попыталась прощупать предмет, поковыряла упаковку ногтем, но везде было заклеено или схвачено скрепками.

- Игрушки, наверное. Куда он их вез?

- Не спросила.

- А если контрабанда, наркотики? Ты хорошо с ним знакома?

- Так. Знакома.

Ларисе стало весело.

- Знаешь, я иногда думаю, - сказала она. – Если бы мне вдруг предложили полностью поменять жизнь...смогла бы я...в моем возрасте...

Ане включила миксер, с таким видом будто рассчитывала на нем полетать.

- Поменять страну, профессию, семью, - продолжила Лариса, дождавшись тишины. –

Думаю, если бы я все сменила, то дольше прожила. Это точно! Все равно что родиться еще один раз в том же теле! Ты думала когда-нибудь?

- Нет, по-моему, – покачала головой Ане. – Зачем?

- Я почувствовала в Нигулисте сегодня, что могу встретить Стаса в любой момент. И он любит меня. Вибрации любви, они ощущаются...время, пространство совершенно не важны...мне кажется.

Мысли о любви и о контрабанде напомнили Ларисе про Кармен. Она попыталась напеть из оперы, по-французски. Подпевая ей, в сумке зазвонил телефон, Лариса отключила аппарат.

- Давай выпьем вина. Сегодня вдруг представила, что бы мне мог сказать Стас, если я его встречу.

Ане поставила шарлотку в духовку, достала из холодильника начатую бутылку вина.

- Кто это?

- Я же тебе рассказываю, это человек, которого я любила в Москве, давно. И оставила,

- терпеливо объяснила Лариса.
  - Тот был, кажется, Станислав, это Слава будет по-русски.
  - Станислав – это будет Стас, хоть по-русски хоть как. Целый час сегодня как ненормальная бегала, летала по городу, представляла наш разговор. Даже знаю окончание свидания.
  - Так вы встретились или нет?
- Ане аккуратно, повязав на бутылку салфетку, разлила вино по бокалам.
- Я же сказала, у меня было видение, что мы встретились. Но я воображаю, что случится если мы действительно встретимся.
  - Зачем?
  - Что «зачем»? О чем я должна думать - о счетах за коммунальные услуги, что ли? Тогда лучше сразу пойти и повеситься.

Лариса вышла на балкон: дул июньский ветер, колыхая зелень. Густое вино она пила медленно. Несбывшееся, оказывается, способно привнести почти те же эмоции, что и реальное. Стас сказал бы, что дети уже большие, и мы должны быть вместе. Но я не могу без своих детей, понимаешь ты это, Стас. Ты предлагаешь многое: путешествия по всему миру, интересную работу, непреходящую нежность. Предлагаешь дать что-то именно мне. Ты единственный умел заботиться обо мне, ухаживать. Странное возбуждение накатило, очень странное. Может ли оно означать, что Стас рядом? Или это мечты стареющей женщины, не менее наивные чем мечты подростка. Они даже более наивны, поскольку совсем несбыточны: у подростка в жизни еще все может случиться.

- Что с работой? – спросила Ане, вернувшись на кухню после телефонного разговора.
- Сейчас не хочу думать.
- Иди к нам, платят неплохо.
- Не могу же я мечтать о работе проводницей. Прости.

Лариса вздохнула и оглянулась на открытую дверь балкона, на небо, будто туда улетели ее фантазии.

- Я могла бы поездить несколько месяцев поездом «Москва-Таллинн», собрать материал о людях в дороге... как они раскрываются, перемещаясь из города в город, из одной страны в другую. Кажется, при перемещении меняется структура клеток. Потом написать книгу, да? Дорога в не знаю куда, из одного прошлого в другое. Ане, можешь рассказать о самых странных встречах в поезде, расскажешь?

Они выпили еще.

- Мне звонил он, с игрушками, - призналась Ане.
- Приедет за ними?
- Сказал, скоро увидимся.
- Но вы долго разговаривали.
- Я плохо его понимаю, странный.
- В смысле языка - или намерений?
- Намерений, именно. В нашем возрасте! – Ане рассмеялась.

Ларисе стало вдруг легко: показалось, что не такая уж затхлая и предсказуемая жизнь ожидает ее и Ане. Каждый день, каждую минуту, пока мы живы, может произойти что-то интересное. Появляются незнакомые люди с подарками, с новыми чувствами, возникает видение яркой, пусть давней, любви. Эти мысли взбодрили и одновременно принесли желание заснуть с радужными надеждами, укоренив их в себе.

- Можно я посплю у тебя, Анютка? – спросила Лариса.
- Пирог скоро будет готов.
- Потом. Я прилягу ненадолго, дома они заморочат мне голову и не дадут.

Ане накрыла подругу пледом. Лариса забылась, успев улыбнуться упакованным игрушкам – ей представилось, что это призы, для нее и для Ане.

Приснился Стас, вернее, она видела только его ноги в брюках от спортивного костюма. Обут он был в красивые туфли на высокой шпильке, возможно, даже красные. Лариса понимала, что такое сочетание неправильно, но Стас, как ей казалось, гулял в этой

обуви с удовольствием. И Лариса ничего не могла поделать со стилистическим нарушением в его одежде, она страдала, была расстроена упрямством Стаса. Но снова и снова ей приходилось смотреть на его ноги в обвисших тренировочных штанах сине-серого цвета и ярких женских туфлях мужского размера.

* * *

- Не хочешь посоветоваться с мамой?

- Нет-нет-нет, – пропела Маруся, сидя на коленях у Яна. Она улыбалась и ритмично раскачивалась. – Знаешь прекрасно, мама никуда не пустит.

Томас был возмущен легкомыслием сестры, одновременно восхищаясь ее смелостью. «Интересно, это дар свыше или глупость? - рассуждал он, – Почему я не обладаю такой решимостью?» Он считал себя человеком мучительных сомнений, не действия, и завидовал легкости, с которой Руся решалась на прыжок.

- Деньги на билет? – спросил Томас.

- Взяла в долг. Постепенно буду присылать ему, - сказала Маруся, потеревшая за нос и поцеловала Яна. – В любом случае, поступлю я с первого раза или нет, в Москве можно устроиться на работу.

- С какого боку тебе ее дадут?

- Там люди живут, обыкновенные люди, Томми.

Значит, она все продумала. Томас заметил, что Ян тоже смотрит на Марусю с робостью: так люди следят за спортсменом, готовым выполнить опасный трюк.

Томас был в Москве один раз, на каникулах ездили всем классом. Тогда он воспринял Москву как нагромождение многочисленных селений, в основном некрасивых. Они останавливались в общежитии в подмосковных Мытищах, до центра добирались два часа. Смотреть по сторонам, пока добирались – было неприятно.

- Мы с Яном просто собирали мои вещи, - запоздало объяснила Маруся возню и замешательство, возникшие с приходом брата.

- Мне-то что.

- Ян, как ты думаешь, у меня есть эстонский акцент?

- Эстонский, русский – только и слышу, - добродушно проворчал Ян, поглаживая ее по волосам.

- Это я от тебя ничего путного не слышу, думаю, для русского кино, акцент - это недостаток. Надо мне его пре-одолевать. Одолевать – смешное слово! О – доле-вать...

Маруся и Ян стали целоваться. Томас соображал как лучше поступить: предупредить мать или устранился. Он пожалел, что еще не в армии. Трудно представить, что Руся уедет завтра, и может случиться, что несколько месяцев или целый год он не увидит ее. Когда парочка направилась в комнату сестры, он все же решил, что должен позвонить матери. Телефон Ларисы был отключен. Томас заглянул к отцу, тот занимался приладкой паруса.

- Па, тебе Руся говорила, что едет в Москву поступать в театральный?

Отец улыбнулся и утвердительно потряс головой. В дверь позвонили, звонко залаял Виллик.

- Сама скажу! Слышишь? – успела крикнуть Маруся из своей комнаты.

За дверью стояла Ольга. Виллик приветственно чихнул и одновременно поскользнулся на паркете, - оказался на животе с откинутыми задними лапами. Восстановив равновесие, он украдкой огляделся, не видел кто его конфуз.

- Матери нет дома, - сообщил Томас.

- Совсем? Какой сладкий! – Ольга присела на корточки и почесала собаке лоб - пекинес не отстранился, но хвост поднимать не стал.

- Где она?

- На экскурсии, наверное.

- А отец? – Ольга оценивающе осмотрела одежду на вешалке.

- Дома.

Она задумалась ненадолго:

- Томас, спроси у отца, мама ему звонила?

Томас послушно двинулся к комнате отца, хотя знал ответ на этот вопрос.

- Подожди! – вдруг закричала Ольга. – Ты уверен, что он дома, я хочу сказать проверь - куртка его здесь? Твоя где?

Томас вернулся с середины длинного коридора, взял рукав своей куртки и показал. Он подумал, что Ольга женщина странная, хотя и удивительно моложавая.

- Вот моя.

- Хорошая. А папина?

- Эта.

- Молодец. Теперь иди, спроси его.

Когда Томас повернулся спиной, Ольга достала из сумочки конверт, быстро обнюхала его и вложила в карман куртки Мартина.

- Здравьете! – громко поздоровалась Маруся, появившись из своей комнаты.

- Марусенька, дорогая, - запричитала Ольга, поглаживая одежду на вешалке. – У меня руки мокрые, не знаю обо что вытереть.

- Салфетку возьмите, - предложила Маруся.

- Правильно, умница! – Ольга уткнулась в свою сумку в поисках салфеток, спиной продвигаясь к двери. – Значит, нет Ларисы пока что. Нет совсем. И песик скучает! Чудный песик! Чудный!

Маруся насмешливо разглядывала наряд Ольги, ее юбка по форме напоминала перевёрнутый ананас.

– Виллик не скучает, он хочет есть.

- Голодный?

- Бзик такой.

- Надо к психиатру! Не толстеет?

- Нет, одна шерсть, Виллик худой, но нервничает из-за еды. А бывают собачьи психиатры?

- Можно к обычному. Чудная собачка, шерстка шелковая! Когда я была маленькая, у нас был эрдель, мой папа был уверен, что в него переселилась душа моей бабушки. Мы нашли Чипа через неделю после ее смерти, и он смотрел на нас, особенно на папу, совершенно бабушкиными глазами. Нашли, представляешь, привязанным в кустах, почти насмерть замерзшим, это было зимой, и он сначала понимал только по-эстонски...

- Папа?

- Эрдель! Какой папа, он по-эстонски от силы пять слов мог сказать.

- Отец не знает, когда она придет, - отчитался вернувшийся Томас.

- Ладно, детки. Виллик! Попросите Ларису мне позвонить, ладно? Чао, - Ольга послала воздушный поцелуй и исчезла. Томас и Маруся переглянулись, Виллик вздохнул и пошел спать. «Как же все-таки грустно и неотвратимо то, что Маруся задумала», - вспомнил Томас и отправился щипать струны на гитаре.

Отец поздно вечером погулял с собакой, вернувшись погасил свет в своей комнате. Ян среди ночи ушел домой. Томас сидел с гитарой на кухне, тихо напевал, упрекая себя, что не разыскал мать. Он заснул на кухонном диванчике.

* * *

Поздним утром Лариса тормошила сына:

- Не потеряли меня? У Ане нечаянно заснула.

Томасу не хотелось просыпаться: когда он вспомнил об отъезде Маруси, стало еще тоскливее, чем вечером. Вдруг сестра с вещами уже улизнула из дома?

- Спать хочу, ма, - он отвернулся и накрылся с головой.

Лариса заглянула в комнату мужа. Мартин аккуратно процарапывал бороздку на корме

нарядной яхты.

- Была у Ане, там выпалась, - она поцеловала мужа в макушку. – Не беспокоился?
- Я так и подумал.
- Ма! – взревел Томас с кухни требовательно, как умеют мычать выросшие сыновья. – Ма!
- Что, милый?
- К тебе с работы приходила! В бусах!
- Ольга? Я ей позвоню.
- Ма, ты с Русей разговаривала?
- О чем?
- Важное что-то. Спроси сама.

«Замуж хочет! Беременна!», - с ходу загорелось в голове у Ларисы, отчего-то она сразу почувствовала тревогу. Томас поспешил в ванную, чтобы принять душ и сбежать. Когда он выключил воду, что-то гремело, потом загремело сильно, будто ногами пинали стул, швыряя его по коридору. Томас обдумывал как не ввязаться в битву, но при этом проводить сестру, если ей все-таки удастся сегодня уехать.

- А-а-а! Хватит! – завопила Маруся. – Не могу больше!

Томас осторожно вышел из ванной и в коридоре столкнулся с матерью, которая семенила, страдальчески мыча и закрыв лицо ладонью. Она выскочила из квартиры в домашних тапочках, хлопнув дверь. Из комнаты сестры доносилось подвывание, очень похожее на всхлипы матери. Томас был доволен, что не услышал злых слов, которыми они наверняка щедро обменялись. Понятно, что такие слова бывают маложивущими, а все же лучше слышать их как можно реже, чтобы не портили слух подобно фальшивой мелодии.

- Понял? Понял, Томми, почему я хочу вырваться? – кричала Маруся. – Она меня ударила! Я никому не позволю, это мое право свободного человека!

- Тебя еще и не так надо отлупить, – Томас не торопясь доставал из шкафа чистую майку и рубашку. – Актриса погорелого театра, - он погрозил сестре кулаком.

Он решил остаться, приготовить завтрак для всех и дожидаться возвращения матери.

- Меня только папа понимает! – Маруся босыми пятками пошлепала в комнату отца.

Час спустя трое сидели на кухне за празднично накрытым столом. Звонить соседке не решались; Томас считал, что мать еще не успела успокоиться. Когда раздался звонок в дверь, улыбнулся даже Мартин. Это пришла Ольга, в красной шляпе, желтый шарф вокруг шеи, губы накрашены помадой цвета черного тюльпана. Томас помог гостье снять плащ.

Ольге сообщили новость:

– Хочу стать актрисой, - поведала Маруся важно.

- Какая мечта! – Ольга хлопала в ладоши. - Мартин, рады за дочку?

- Да-да, - сказал он очень серьезно.

- Я понимаю, что мама боится, вы ей тоже объясните! Я не сама придумала, преподавательница верит в мой талант.

- Как же здорово все получается! Послушай, а что с гражданством?

- Для таких студентов существует квота – это раз.

- Для иностранных все платное, – Томас понял, откуда может прийти помощь. – А у тебя виза на какой срок?

- Не волнуйся, и визу сделали, и Михайлина дала рекомендательное письмо. Мама думает, что я еду наобум и собираюсь ночевать на вокзале! Считает меня дурочкой, а мне девятнадцать скоро!

- Здорово, правда? – снова спросила Ольга у Мартина, долго смотрела ему в лицо, пытаясь поймать взгляд. Тот не ответил, головы не поднял, теребил салфетку, изучая свои пальцы. – Это правда, что вы прекрасно разбираетесь в кораблестроении?

Мартин упорно молчал, и отвечать пришлось Томасу.

- Папин отец, дед и прадед – владели кораблями. Торговыми. Последний большой

корабль дед умудрился продать аргентинцам накануне Второй мировой.

- Вы же должны быть богатыми! – Ольга крутила головой и звенела бусами. - Может, в этих стенах зарыт клад?

- Не думаю, - подал голос Мартин. – Еще кофе?

- С удовольствием! Куда делись их деньги, Томас? Ты-то, такой умный, догадался, наверное?

Томас был польщен, но знал, что отец не любит разговоры на эту тему:

– Мы думаем, дед уничтожил документы, чтобы не подвергать семью опасности.

Государственная система в стране с тех пор менялась, смотря как считать, - два или четыре раза, - объяснил он с важностью.

- Твои дед и прадед были деловыми людьми. Значит, хорошо соображали. Правильно, Мартин? – Ольга дотронулась до плеча хозяина дома. Тот молча отодвинулся.

- Папа рассказывал, что наши предки были ганзейскими купцами, у нас на чердаке хранился сундук с документами, похожими на те, в Доме Черноголовых, – похвалилась Маруся.

- Тогда...тогда, - Ольга задумалась. - Ваш дед положил эти деньги в иностранный банк или вложил в ценные бумаги. Скорее всего, он сделал и то, и другое. Банк точно не немецкий, в Германии к тому времени уже было неспокойно. Надо проверить те, что работали в то время, поискать в Англии или в Дании. Еще в Швеции, может быть.

Роман Ольги с известным адвокатом длился несколько лет. Адвокат Виктор специализировался на сложных делах по возврату частной собственности - реституции. Виктор преуспел, арендовал офис в центре города и построил два дома в Пирита. Он имел привычку обсуждать свои дела с Ольгой во время обедов в ресторанах, поскольку с молодой женой и матерью почти не разговаривал, во всяком случае, о работе.

- Можем вместе посмотреть, что там у вас на чердаке, - предложила Ольга. Лицо Мартина тотчас стало непроницаемым, будто упало забрало рыцарского шлема, Томас и Маруся тоже поскущтели. Ольга решила при случае расспросить Ларису.

- Вы все идете на вокзал? Ветер прохладный, куртки обязательно наденьте.

- Я уже готова, - отозвалась Маруся. - По дороге надо зайти в магазин, мы с Яном там встречаемся. Он проводит меня до границы.

- Так важно...любовь, - прозвенела украшениями Ольга.

- А мамы все нет.

- Я позвоню ей! - гостья ринулась за телефоном.

- Не надо. Думаю, она придет прямо к поезду, чтобы не тратить нервы, свои и мои. Сейчас напишу ей письмо, - заключила Маруся.

* * *

Соседка приняла ее в теплые объятия.

- Пойдем умоешься.

Лариса плакала под шум воды, сидя на краю ванны. Еще вчера все было прекрасно, Маруся никуда не уезжала. Почему же я жаловалась на жизнь, когда надо было радоваться! Вспомнилась, ни к селу ни к городу, песня из юности «Yesterday». Воде, бьющей по ладоням, Лариса горестно шептала английские слова. Представилось, что Стас в этот момент смотрит на нее. «А ты говоришь, – кивнула она ему сквозь слезы, – взрослые дети». И отстраненно определила: «Похоже, я слегка тронулась». Все еще плача, она вышла попросить у Ане валерьянки.

На кухне спиной к ней сидел плотный мужчина, в подтяжках поверх белой рубашки.

Орнамент, образованный подтяжками, делал спину похожей на панцирь крупного насекомого. Мужчина сидел наклонясь вперед: широкая шея, плоский затылок. Лариса, вспомнив что ее лицо от слез распухло, вернулась в ванную, встала на колени и опустила щеку под прохладную струю воды. Спустя время она хотела незаметно выскользнуть из квартиры, но подруга обняла ее и повела на кухню. Незнакомец

теперь высился атлантом в проеме балконной двери.

- Ждем вас на кофе, - сказал коренастый с интонацией, которую можно было назвать фамильярной, – Александр Курбатов, дизайнер, работаю по дереву, - представился мужчина, но руки не протянул, небольшие ладони заложил за подтяжки. Лариса была благодарна - у нее не было сил для прикосновения.

- А все-таки я пойду.

- Первым пойду я, - сказал мужчина, - а вам, наверное, хочется поговорить с нашей утешительницей.

Лариса засмущалась, вспомнив как громко она ревела.

Курбатов разливал кофе и раскладывал куски вчерашней шарлотки. Вдруг Ане согласится пойти к ним домой и уговорит Марусю остаться? Лариса взглянула на часы: за Марусю надо бороться, за детей всегда надо бороться до последнего.

- Значит, ты еще покараулишь мои вещички, душа моя, - дизайнер положил некрупную волосатую кисть на широкое запястье Ане. Лариса отметила его дорогие часы.

- Ну придется.

- Таких как ты надо баловать, - мурлыкал Курбатов.

- Не надо, - засмущалась Ане.

- Зачем вам игрушки? – спросила Лариса, просто чтобы не молчать.

- Я здесь с загадочной миссией, сударыня, секретной, - Курбатов смотрел на Ларису как на ребенка, которому рассказывают страшную сказку.

- С какой? – поинтересовалась Лариса рассеянно.

- Пока не скажу.

И хорошо, она бы не смогла слушать. Вдруг вспомнила как Томас с другом забросили Марусю в осеннее море. Мальчишкам было по семь лет, а Марусе пять, они придумали убирать хлам на берегу. Мальчишки нашли грязную корявую палку и сказали: «Руся, несем это бревно к воде и на счет «три» бросаем подальше в море». Маруся изо всех сил вцепилась в корягу и не успела разжать замерзшие пальцы – на счет «три» мальчишки бросили ее в холодные волны вместе с бревном. С трудом выудив Марусю в намокшей шубе, они до вечера скрывались в квартире у Ане и плакали от страха. Лариса тогда разнервничалась, Томасу попало по первое число. Маруся не заболела, но шубка была испорчена, ее сушили на батарее. «Сейчас он тоже виноват, – думала Лариса, - наверняка знал о Русиной затее, со мной поделиться не удосужился. Что за бесчувственная порода!».

Во втором классе у Маруси после гриппа стала развиваться болезнь крови, гемаррологический васкулит, последующие семь лет ей пришлось провести в больницах. Лариса почти не работала. Одно время у дочери отказали ноги, она передвигалась в инвалидном кресле или лежала дома; тогда Маруся полюбила читать. Постепенно они победили болезнь – или же болезнь затаилась, Лариса до конца так и не была уверена, что страшный недуг не вернется.

Дочь записалась в театральную студию при Русском театре, там танцевала, фехтовала и училась эффектно падать со стола, о чем дома не догадывались. Лариса не запрещала ей ходить в эту самую студию, и теперь раскаивалась. Люди, решившие бросить жизнь на съедение театру, занимаются тем, что копируют судьбы других, дублируют страсти или изображают страсти придуманные – чтобы вытянуть боли и болезни этой жизни в тот параллельный мир. Или наоборот, выращивают вредные вирусы, которые потом проникают в обыденность? Это жуткая зараза театр, подмена существования, - сокрушалась Лариса.

* * *

Ане проводила Курбатова до двери.

- Ане! У меня просьба, и не только моя жизнь, но судьба всей семьи сейчас зависит от тебя!

Лариса поведала о своем горе, но Ане не восприняла новость должным образом.

- Мой Арни тоже уехал в Ирландию, - проводница вальсировала по кухне с посудой в руках, – наши дети другие, они смогут выжить в любой стране. Такое поколение.
- Твой сын здоровый сильный мальчик, а моя Руся...
- Всегда для тебя останется маленькой и больной.
- Болезненной, – поправила Лариса, с изумлением осознав, что Ане не собирается ей помогать. Остается Мартин; как она не подумала о муже? Единственный человек, который любит Русю так же сильно.
- Ты не права, Ане. После всего, что с ней было в детстве, Руся не имеет права рисковать здоровьем.
- Кто предоставляет это право – ты, что ли? Ты не есть распорядитель ее жизни. Даже если мать.

На сей раз невозмутимость подруги показалась Ларисе бездушием. Она уже стремительно шла к двери, но обернулась:

- Не понимаешь чем Маруся отличается от других? Или притворяешься назло?
- Чем раньше человек учится принимать решения, тем лучше. В юности острее чувствуешь судьбу.

- Айта. – Лариса сдержалась с трудом. – Ты стала категоричная, очень! Слишком категоричная! – повторила она перед тем как закрыть дверь.

Неожиданно проворно Ане поставила ногу в дверной проем:

- Пусть я такая. Но жизнь не будет более мягкой к нашим детям.
- Все-все-все, - бормотала Лариса на бегу.
- Поезд отходит через двадцать семь минут, - напомнила соседка и щелкнула замком как затвором автомата.

* * *

Дома был только Виллик, растерянно сидел в позе зайца, растопырив спросонья задние лапы. Он нервно тарачился, стараясь вникнуть в настроение хозяйки. Наспех переобувшись и осадив Виллика, который иногда умел быть очень проворным и сейчас наметился выскользнуть за дверь на прогулку, Лариса побежала на вокзал. Она бежала, но вокзал будто не приближался.

Господи, позволь мне успеть, только взглянуть на Марусю, потом я все исправлю: поеду за ней в Москву, поддержу во всем, чего бы она не захотела! Она имеет право желать всего – я сумею стать нужной, сумею.

* * *

Поезд «Таллинн-Москва» только что отошел от платформы. Лариса врезалась с разбега в плечо Мартина.

- Ну ладно, - муж достал чистый платок, обернул им указательный палец и обстоятельно стал вытирать ей слезы, – Все будет хорошо.

Томас погладил мать по спине. Будто они были довольны, что она опоздала, и прощание обошлось без бурных сцен.

- Так хотела успеть, - всхлинула Лариса и переметнулась к сыну, погладила его по голове. - Я очень ее люблю.

Томас улыбнулся.

- То, что я ее ударила, это...это не я.

Томас наклонился и поцеловал ее в щеку.

Ольга, в отдалении болтавшая с кем-то из знакомых, наконец, заметила Ларису:

- Привет! – закричала она. – Мы Марусеньку проводили, все в порядке. Я рассказывала им, - Ольга махнула в сторону молодой пары, - свой любимый фильм, смешной. Вам тоже расскажу потом. Ой, Лариса! Ты почему плачешь? Отойдем на минуту.

Она оттянула Ларису на несколько шагов и, развернув спиной к родственникам, сунула

ей конверт.

– Шестьсот евро.

- На сколько? – Лариса теперь знала, что деньги пойдут на поездку в Москву.

- Неважно, я всегда могу у Витюшки перехватить. Кстати, у меня к тебе деловой разговор, даже два.

- Не сейчас.

- Тогда один, срочный: у Мартина в кармане куртки уже лежит письмо, - прошептала она в ухо собеседнице, - наше любовное. Поняла меня, Лариса, а!?

- Не надо, пожалуйста, этого совсем не надо, - у Ларисы вырвался нервный всхлип.

- Мам, Руся тебе письмо оставила, - вспомнил Томас.

- О! Да. – Мартин полез в карман куртки, вынул конверт и уставился на него.

- Нет! Нет! – закричала Ольга, рванувшись к Мартину.

- Что с тобой? – Лариса придержала Ольгу за локоть.

Письмо дочери Мартин обнаружил в другом кармане и подал его жене, а благоухающий конверт неаккуратно вскрыл. Он надел очки, прочел, сохраняя на лице серьезную мину, не торопясь положил письмо на край урны, и потом подтолкнул, чтобы оно провалилось вглубь.

- Что было во втором, Мартин? – спросила Лариса, прочитав короткое послание от дочери.

- Интересно, – пропела Ольга и быстро пихнула ее локтем в бок.

- Ерунда какая-то, - ответил муж тихо и невнятно.

- Вдруг там счет за телефон? Ты не выбросил что-нибудь нужное?

- Ерунда, - повторил Мартин, не глядя на жену.

Он так и не улыбнулся. Ольга приблизилась к урне и даже заглянула в нее:

- Какие-то редкие духи! – Ольга повела носом, Томас взглянул на нее удивленно: края урны были утыканы следами от погашенных сигарет.

«Могла бы сначала дать мне прочитать, чем она собралась соблазнить моего мужа.

Неужели полезет в урну?», - удивилась Лариса и попросила:

- Мартин, пойдём, купишь мне шоколадку.

На душе у нее стало спокойнее, хотя дочь написала всего лишь: «Мама, я позвоню тебе завтра, обязательно. Целую, Маруся».

5.

На сей раз Стас быстро управился со съемкой в Нигулисте и зашел в интернет-кафе просмотреть почту. До отправления поезда оставались долгие часы, он решил поискать в сети материалы о герцоге.

Его Высочество герцог Карл Евгений де Круа, родился в 165..., служил в Вене императору Священной Римской империи, затем королю Саксонии. Все военные походы, которые возглавлял, он проваливал, и тем не менее прибыл на службу к Петру Первому с хорошим рекомендательным письмом. (*Головоотяпство? Насмешка – чья и над кем?*)

Битва под Нарвой в 1700 году, осенью. Русские расположились «супротив шведа», в царском лагере, обсуждали, пили много. Вдруг государю вздумалось по неотложным делам покинуть «расположение сией предполагаемой баталии». И поскольку понадобилось царю Петру отъехать – прямо накануне объявленной битвы – то стал он просить герцога возглавить командование. Насчет внезапного отъезда еще раз: иностранные историки утверждают, что Петр испугался молодого, но зело грозного Карла ХП. Наши историки настаивают, что Петр не боялся, однако приспичило ему с кем-то встретиться срочно в Новгороде. Бывает, наверное: надо биться с королем шведским, а захотелось переговорить с послом польским. Царь за четыре часа до рассвета 7 раз (семь!) посылал слугу к герцогу де Круа, чтобы вручить ему командование войсками. А тот все не шел, командования принять не желал и велел передать государю, что для такой (сией) миссии у него даже нет хорошей верховой

лошади. Петр тогда поехал к нему сам, герцога уговорил, «подкрепив решимость дюка стаканом вина». Дюк де Круа, очевидно, храбрый воин, для подкрепления мужества ему нужно было немного. Исполнившись решимости, опытный наемник, европейским достижениям делопроизводства обученный, потребовал от государя инструкцию, как именно ему командовать. Петр писать бумаги любил и умел, поэтому написал быстро, что «его пресветлейшество имеет быть главнейшим начальником», войскам «быть под его командою во всем, яко самому его царскому величеству, под тем же артикулом». Далее государь изложил свое понимание грядущей баталии, однако заключил: «но понеже всего на всякий случай окрислити (обмыслить) невозможно, того ради полагает его царское величество на его (т. е. де-Круа) обыкное разсуждение, ведая его искусна в военных случаях». Почему все-таки государь полагал что «искусна»? На службе у императора Священной Римской империи герцог не продвинулся по причине пристрастия к пьянству и карточной игре. В 1693 году, командуя австрийскими войсками в войне против турок, при осаде Белграда допустил тактические ошибки, приведшие к поражению. Император Священной Римской империи отстранил Круа от командования, но своего покровительства не лишил, а направил с рекомендательным письмом в Амстердам к царю Петру. Герцог царю очень (!) понравился. В 1698 году де Круа был принят на русскую службу.

Битву под Нарвой 1700 года русские проиграли. Шведов было около 8-ми тысяч воинов, а русских не меньше 30-ти. Однако шведы после победы объявили, что русских было более ста тысяч, - лестно было представить, что победили необозримую тьму. Герцог, увидев всю шведскую армию, принял ее лишь за авангард (возможно, все же был выпит и не один стакан), и остался в этом заблуждении, так как во время атаки шведов пошел снег с градом, залепляя глаза у русских солдат и военачальников. Солдаты и младшие офицеры русской армии обратили гнев на офицеров-иностранцев, коих было большинство. Чтобы не быть убитым в собственном лагере, Де Круа бежал, оставив войска. С проклятиями бросился он вдоль Наровы по болоту к шведскому отряду Стенбока. "Es mochte der Teufel mit solchen Soldaten fechten!", - выругался герцог, забросив шпагу далеко в болото. Так говорит легенда.

Уйти со сцены с сердитой репликой нехорошо, люди только и помнят, что ты напоследок сказал нечто неподобающее. Можно представить, как ругательство крутится в эфире, нервно возвращаясь к сотворившему его.

Перед шведами стояла проблема: каким образом содержать в плену армию, во много раз превышающую собственную, тьму пленных прокормить сложно, а охранять невозможно.

Впоследствии шведские военные высказывались в том духе, что если бы небольшая часть плененных русских организовано поднялась, хотя бы в первую ночь, то легко могла шведов перебить. Или на следующий день, после того как победители нашли в лагере русских запасы крепких напитков и перепились.

Плененный полководец герцог де Круа поселился в городе Ревеле (так тогда назывался Таллинн), город в то время принадлежал шведам. Героический герцог по обыкновению пьянствовал и играл в карты. Ганзейские купцы ссужали ему в долг, потому что де Круа хлопотал о пенсии у русского царя, и всех уверял, что непременно добудет себе «отменный пансион». Герцог умер через два года, в 1702-м. Земная слава его была впереди.

Стасу стало грустно от этой истории: абсурдные войны, несчитанные жертвы, вечная неразбериха. Если это все предпринимается природой в связи с перенаселением планеты, то лучше бы она действовала эпидемиями да катаклизмами, не вовлекая людей, больно страшно за души убивающих. У профессиональных военных снижен инстинкт сохранения жизней солдат? Или же они готовы отвечать за свои приказы: «умрите вы сейчас»? Могут ли военные быть верующими? Или же не могут не быть: ведь если не верить в предначертанность войн - то какой смысл? Солдатам всегда говорят, что воевать надо, защищая границы, страну, где сидит твой правитель. Вот так. На самом деле: выполняются неясные планы неизвестно кого. Но не отвертеться,

если ты солдат. А если полководец и остался живым, положив на поле тысячи жизней? Сохраняется ли в тебе вместе с дыханием – что-то человеческое? У Карла Евгения де Круа *человеческое* проявилось после смерти его красивого тела, потому что с ним стали происходить удивительные приключения. Что может быть человечнее приключений?

Когда герцог преставился, те купцы, которым он задолжал гульдены и дукаты, заспорили с магистратом: «Не позволим хоронить, пока нам не возместят долги. Кто это сделает – магистрат Ревеля, шведский король, русский царь – все равно». Кредиторы были непримиримы, от неожиданности: герцог слишком скоро вышел из игры, рассердив партнеров. И так, счета за карточные игры и за живописные пиры задерживали полководца в месте его временной дислокации – на смертном одре. Ожидая решения спора, обряженное тело лежало в подвале Нигулисте. Тем временем продолжались войны, эпидемии, наводнения. Город менял повелителей, герцога это уже не касалось, про него забыли и обнаружили его в подвале уже в 1835 году. Спустя сто лет и тридцать три года. Тело полководца оказалось нетленным. Он сохранился на удивление хорошо. Тут бы умилиться чуду – и похоронить с Богом. Но что-то опять помешало это сделать.

«Возможно, – предположил Стас, – герцог обязан был сперва вспомнить поименно всех, попросить прощения? Раздать долги. Дана была ему такая дополнительная почти земная возможность. Околоземная».

В расшитом золотом камзоле, при шпаге (запасная была у него шпага или он ее не выбрасывал в болото, врут злые языки?) – Карла Евгения де Круа выставили на обозрение. Любопытствующих сторож пускал в подвал, за деньги. «Душка герцог!», – щебетали русские дамы и барышни, прикасаясь к его рукам и тихонько дергая за бакенбарды. Мужественное лицо и холеные руки в кружевах их умиляли. И так он пролежал еще почти шестьдесят лет. Остряк журналист написал, что «никогда при жизни герцог не зарабатывал столько денег как в качестве мумии».

Назначено ли ему было пожалеть обо всех погибших на полях, подстреленных, заколотых, утонувших в холодных реках и болотах, захлебнувшихся от рвоты и убитых в драках во время военно-лагерного пьянства? О мальчиках-знаменосцах, восторженных юношах, об отцах семейств, честолюбивых и робких, храбрых вояках и флегматичных фаталистах. О простых крестьянах, которых забрали от родных пейзажей и гнали, гнали, ничему не научив, ничем их не защищая.

Способна ли душа рядом с бывшим своим, не погребенным телом, молиться? И все же – двести лет душе для воспоминаний и покаяния, по земным меркам, слишком много. Может, герцог забыл кого-то одного, – и возвращался, кружил, не мог найти этого одного в месиве распоротых мундиров. Лошадей тоже надо было вспомнить? Очень жалко и лошадей. Возможно, надо было отмолить жизнь корнета Кристофа Рильке, нереально-реального среди других, герцог никак не мог досчитаться этого корнета и попросить у него прощения. Корнет из Лангенау воевал и погиб как раз во времена герцога де Круа, в местах расположения его войск, так что...вспоминай «его пресветлейшество главнейший начальник под тем же артикулом», проси прощения, кричи «теа сипра» на всю вселенную. Может, и докричишься, придадут твоё тело земле как *положено*.

Маша была дочерью приживалки в доме княгини Мелиховой. Княгиня взяла девицу на прогулку по Ревелю, в подвал они пришли вдвоем, оставив лакея и кучера около коляски. Старая княгиня слышала, что здесь с петровских времен лежит что-то вроде чучела, она дала Маше гривенник для сторожа и зашла к герцогу первой. Увидев в свете многочисленных свечей красивого мужчину, одетого по-старинному, Мелихова оторопела. Княгиня подошла ближе, поднесла к глазам лорнет, разглядывая запрокинутое лицо: кавалер только что не дышал, следов краски или свекольного сока на щеках обнаружить не удалось. Пальцы тонкие с закругленными ногтями, точь-в-точь как у его величества красавца императора Александра Павловича, на которого Мелихова трепетно любовалась в молодости.

- Настоящий...Машка, слышь, *viens ici vite!* [*иди скорей сюда (фр.)*]

Послышался писк и глухой удар, девушка лежала у входа в подвал без сознания. ...Маша узнала человека, который звал ее, нуждался в ней, во снах обещал увезти, говорил, у них родятся дети. Издали взглянув на герцога – она поняла, вот ее любовь лежит во плоти, родная душа страдает. Испугалась вдруг, что свеча упадет и запалит кружево на его одежде. Она не успела сказать сторожу о своем страхе. Лишь в 1897 году вышло распоряжение о погребении де Круа, тело герцога положили в новый гроб и опустили в склеп, устроенный в той же церкви Нигулисте. Надпись гласит "Герцог Карл-Евгений де-Кроа, Duc de Стоу, главнокомандующий русскою армией при Нарве в 1700 году. Скончался 20 января 1702 года в г.Ревеле". «Вот тебе и картина «Пляска смерти»! Она, наверное, всегда висела в Нигулисте – неужели ее шутки? Бедный герцог, похожий на дядю Пушкина», - у могилы герцога Стас думал о судьбе другого тела, что лежит на Красной Площади, в Мавзолее. Надо полагать, тот персонаж тоже должен попросить прощения у всех жертв? Тогда это надолго.

Стас побрел по улицам, около Лабораторной поднялся на стену, сделал несколько снимков. Однако Небо было мутным как школьная доска, протертая грязной тряпкой, в тот день оно не желало делиться идеями.

«Забавная получилась поездка, - угрюмо иронизировал Стас, входя в вагон поезда, - шатание между любовью и смертью, отягощенное насморком. Будем считать, на сей раз я приезжал, чтобы окончательно распрощаться с мечтой о любви. В Таллинне для меня, на сегодняшний день, даже неба не нашлось, одни склепы. Герцог Карл де Круа приснился одновременно с Ларисой, а потом позвонил Лёха и посоветовал о нем разузнать. То ли он ко мне привязался, герцог, то ли я к нему».

Вместе с ним купе оказалась пожилая женщина. Ожидая отправления, Стас в окно наблюдал как девушка и парень собираются подняться в соседний вагон, трое их провожали. Провожающие мужчины были статными, очевидно отец и сын, рядом стояла нарядная женщина, она смеялась. Скорее всего, предположил Стас, молодожены едут в Москву развлечься.

Он решил, что в ресторан не пойдёт, почитает и ляжет спать, постаравшись забыть о насморке. Поймав лучистый взгляд старушки, он отвел глаза, разговаривать не хотелось. Стас от чая отказался, а соседка робко приняла горячий стакан из рук проводницы.

- Светло, - сказал Стас, задергивая занавеску. – И темнеть будет нескоро. Хотелось заснуть и открыть глаза уже на Ленинградском вокзале. Он разулся, лег не раздеваясь, отвернулся к стене. До границы Стас то дремал, то просыпался, чтобы высморкаться под бормотание и вздохи соседки. Вздыхала она о детях ... Будто один из сыновей защищенный, а другой без кожи совсем. О старшем она не только никогда не беспокоится, почти не думает. С ним при любых обстоятельствах всё будет в порядке, а младший – настолько хрупкий, раньше стоило ей подумать, что он уже месяц не болеет, как тут же температура, а то и понос, рвота или воспаление среднего уха. И не дай Бог в больницу, а она на двух работах. Старший всегда помогал, в двенадцать лет он мог мыть полы на одной из её работ, на родительское собрание сходить к младшему брату и при этом хорошо учиться. Отец их пил всегда, с юности, потому прожил недолго. Как перестройка началась, то жить больше не смог. Но к старшему не прицепилось, был словно не от отцовской породы произведён. Всё тяжелое навесилось на слабого, любая зараза выбирала её любимого сына. Теперь старший в Москве: дом большой за городом, квартира четырехкомнатная в Митино, дочки по полгода в Англии учатся. Приглашает жить к себе, невестка не очень вредная, в глаза никогда не обидит.

На границе оказалось, что у старушки весь паспорт в печатях, ездит она в Таллинн чуть ли не каждый месяц.

- К Пете ездила, к младшему сыну, - сказала старушка представителю службы

паспортного контроля, светло улыбнувшись.

- А виза стоит – «турист», - пограничник ткнул пальцем в страницу документа, отвернулся и встал неподвижно, давая время оценить провинность.

- Так я не знаю, старший ставит визы-то и оплачивает, билеты покупает. Он мне говорит – я тебе турпутевки покупаю, чтобы ты в гостиницах останавливалась...на эту сходила, на экскурсию. А я же деньги-то все сыну, так у меня не остается...

Лицо пограничника стало скучным, он повертел паспорт в руках, хотел было забрать с собой и показать его напарнику. Но напарник ушел далеко вперед – и неприветливый парень в форме молча отдал документ.

- Так вы ни разу не ходили на экскурсию? – Стас заполнял таможенную декларацию для себя и для старушки, сморкался.

- Нет, я с Петей, в общежитии. Суп варю. Хотела раз его привести в свою гостиницу, помыться – не разрешили. Даже позавтракать там сказали нельзя ему. Так я больше и сама туда не хожу, не нравятся мне такие ихние порядки. Звездочки знаешь эти, на дверях нарисованы.

Стас чихнул, забрызгав бумаги.

- Будь здоров, сынок. Чем лечишься-то?

Старушке явно хотелось поведать о рецептах от насморка, но Стас извинился и опять улегся к ней спиной.

...Младший Петя на флоте служил, после армии остался в Таллине, работал в порту, женился на девушке с Украины, пил. Как отец его. Когда Эстония отделились, младший работу потерял, выселили из квартиры, живёт словно бомж, хотя своя койка в общежитии. Кастрюля только одна, одеяло, - и больше ничего у него нет, подушка делась куда-то. Иногда грузчиком подрабатывает. Уже бывает часто, что брюки у него пахнут будто он совсем... Жена его, а детей не было у них, - уехала, на Украину или в Финляндию, так соседи сказали. У Пети сейчас ни денег, ни работы, паспорта даже нет настоящего. Сердце горит прямо как думаешь о нём, а думаешь все время. Иногда мыслится грешно: почему нельзя поровну, почему вокруг старшего всегда – свет и солнце, а вокруг другого – болотный туман, который ни одна моя молитва не рассеивает?! За что ему так тяжело? Будто забрал всё первый... Бывает ли так, что матери для её детей дано счастье, а уж как оно распределится - мать знать не может, и вместе с несчастным дитем страдает, сама ведь привела его на этот свет.

Прошли русские таможенники, в соседнем купе скурпулезно пересчитывали пакеты с шоколадными конфетами.

- Хорошо, что вас отправляют к сыну – заботятся, - заметил Стас.

- Старший говорит: на дорогу и на путевки эти я тебе денег всегда дам. А чтобы ты подолгу жила в Таллине - за это платить-то не хочю. Живи в Москве, внучки любят тебя. Будешь сыта и ухожена.

- Молодец ваш сын.

Старушка вздохнула тоскливо:

- Пенсию отвою, старший сказал так: своей пенсии ты хозяйка, брату деньги давать не буду. Рассердилась я однажды на него за это, потом прощения просила. У меня пенсия – по ихнему двести евро.

- Сами на что живете?

Она помолчала.

- Мне не надо ничего. Пете лишь бы.

- В Москву его нельзя переселить?

- Я говорю ему – будешь со мной, в моей квартире жить, - подхватила старушка. -

Грязно, сказал, в твоей Москве, людей много слишком. Привык в Эстонии этой, по мне и не лучше в ней, - она вздохнула и перекрестилась, - ты спи, сынок.

Доехать спокойно до Москвы не получилось. У пожилой женщины остановилось сердце. Ей стало плохо вскоре после российской границы, она успела разбудить Стаса, попрощалась. Её сняли с поезда на небольшой станции, Стас поехал дальше, уговаривая себя, что она выживет. Будто не видел белых жестких линий на ее лице,

сложившихся в окончательный иероглиф. Не в силах вернуться в купе, так и стоял в тамбуре, жалея, что давно не курит, жалея, что сел именно в этот поезд. Пальцем на запотевшем стекле он нарисовал знак, который видел на лице старушки – получилось похоже на букву «Ж».

Что у меня за жизнь? Трясусь, как любой другой человек, в небольшом железном ящике вроде относительно чистого тамбура. Небо, если повезет, можно увидеть лишь в мутное окошко с решеткой. А чаще с четырех сторон глухая стена, грохот, вонь. Остановки там, где не ожидаю, отправление тогда, когда не ведаю. Может там, куда ушла старушка – и есть жизнь настоящая?». Он стал думать о чувствах, которые люди испытывают к своим детям. Твердят, что в них истинное продолжение и итог жизни, в тех крупичках, зернах любви, которые благодаря детям переданы в будущее. Проекция любви, эстафета. Но у меня нет детей, и что?! Можно любить и неродных людей. Вероятно, любовь к *родным* природа устроила, чтобы действовать наверняка, чтобы человек никак не мог миновать возможности отдавать бескорыстно. Без проявления этого дара – кто знает? – невозможно «там» сдать какой-нибудь экзамен. Когда потом, там, тебя спросят: «Ну что, любил ли ты кого-нибудь?», - многие отвечают – «О да, я любил своего ребенка, очень, любил родителей», и это как шпаргалка – не бог весть что, но ладно, сойдет. Получи зачет и проходи. Или: «да, я любил тех, кто любил меня». Самые сильные, самые чистые, способны любить не только «своих», но всех повстречавшихся, и даже безответно.

* * *

Доверительный разговор с собой происходил у Варвары за утренним кофе. Что бы я делала, кабы не Ядранка рядом? – вопрошала она себя. Шагу боюсь ступить, чтобы ничего не разбить, по три раза пересчитываю деньги и всё равно теряю. А сын, единственный близкий родственник, - обо мне не беспокоится, Стас опять уехал туда... Голова у Варвары и правда стала сдавать, она чувствовала, что на сей раз нужно лечиться. В тот вечер, когда Стас уехал, Варвара оставила включённым газ на кухне и ушла на работу. Не безобидное окно, даже не уют. Ядранка, добрая, – а ведь человек фактически чужой - так вот Ядранка сперва стеснялась сказать о происшествии с газом. Надо было видеть сочувствующие глаза девушки... неплохая была бы жена для Стаса, дурака избалованного.

Родная тетка Варвары, пережившая ленинградскую блокаду, в восьмидесятые годы начала терять память, – и однажды ушла из дома в неизвестном направлении, пропала. Славная была хозяйка, кулинарка, дама бодрая и здравомыслящая, воспитала троих внуков. Варваре время от времени досаждала тоскливая картинка: питерская метель со зловредным дождем, ветер, среди высоких домов бредет старая женщина, забывшая кто она. Ни в себе, ни вовне ей не на что опереться. Вообще: где душа-то в таких случаях обретается? Уже отказалась от тела, не оберегает его больше, оно расхаживает по инерции? Особенно ярко представлялись домашние тапки на распухших бледных ногах, два раскисших бесформенных пирога, спущенные чулки, клубки бледно-синих вен на икрах; бывшая красавица.

Питер - город глухой к человеческим сигналам, он будто для статуй выстроен и еще для каменных львов и коней, потому там легко потеряться. Варвара решила пока в Питер не ездить, на всякий случай. Да, но ежели я в Москве вдруг окажусь на окраине - раздумывала она, - в спальнях районах как в лесу, никаких ориентиров. Еще хуже получается.

Варвару раздражало, что придётся тратить время на врачей. Конечно, среди её учеников были люди с такими связями, что скажи только слово – все организуют, хоть консилиум, однако рядом с учениками она привыкла быть в роли сильного человека, в этом отчасти был секрет её успешной педагогической практики.

Нет, пока об этой трудности должны знать только самые близкие. И каждый раз, когда

ей плохо...когда ей нужно, - сына нет рядом. Раньше ездил в Таллинн открыто, потом много лет – тайно и регулярно. Теперь поехал, воспользовавшись дурацкой идеей Лёшика что-то там фотографировать. Какое беспомощное прикрытие! Но ее не проведешь.

Сын уехал в Таллинн по своим загадочным делам. А уж что там за тайна Варвара не догадывалась – точно знала, причем давным-давно, но в последние дни прозрела окончательно. Ни мальчишки Стас с Лешиком, ни еще дюжина людей, собравшись вместе, никогда бы не смогли обмануть мудрую женщину Варвару Ивановну, провалы в бытовой памяти не способны сбить её с толку, это же совсем другой участок мозга – мудрость и интуиция. Логика. Все эти невозможные у одного человека, а тем более у женщины, качества, - давно подсказали Варваре, почему Стас стремится в Таллинн. Сыну Стаса от той самой девушки Ларисы, вычислила Варвара бессонной ночью (бессонной несмотря на сорок вонючих снотворных капель, принятых в виде исключения), как раз сейчас должно исполниться двадцать лет. Мимолетные мысли об эстонском внуке посещали Варвару и раньше, она их отметала как маловероятные, однако ныне истина, она же прозрение, предстала перед ней шокирующей вспышкой. Скорее всего, именно на празднование дня рождения своего сына ездил ее скрытный Станислав. Что там могло быть – пикник на берегу моря, шашлыки, тайное (от нее, Варвары) любование молодежной резвостью? Но почему Стас всегда всё делает так нелепо? С самого детства. Чем она заслужила такое отношение, в конце концов? Отдавала ему все, устраивала для него...

Варвара плохо помнила разговор с Ларисой, когда та приходила в эту квартиру. Они сидели на кухне и пили неизбежный чай. Вроде была осень, даты Варвара не запоминала. По прошествии двух десятков лет слова стерлись, остались сигналы, будто Лариса и Варвара Ивановна молча смотрели друг на друга, а про себя твердили каждая свое: одна «ребенок, у нас со Стасом будет ребенок», а старшая «он тебе не пара, девочка, его такие невесты ждут, не чета тебе». Лариса, конечно же, услышала и другое: «не тебе жить с моим сыном и в такой квартире, бесприданница приезжая». То, что Лариса проговорила или намекнула о ребенке – Варвара помнила отчетливо. Тогда ей показалось, что было сказано неконкретно, что это уловка. Сейчас Варваре хотелось думать, что она просто сурово промолчала – мол, если хочешь придумывать причины чтобы удержать моего сына, это твои проблемы. Но промолчала интеллигентно, не фыркнула даже. Наверняка интеллигентно, как же иначе? Сказала что-нибудь вроде «извините, Лариса, но бывают люди одного круга, а бывают...», очень хотелось тогда устроить жизнь Стаса с комфортом, отправить работать за границу, это казалось главной целью. Решать и действовать должна была сама Лариса, - успокаивала Варвара свою совесть, постаревшую и ставшую более чувствительной. Вон когда ее, Варвару, травили по поводу брака с Константином Евгеньевичем, она же выстояла. И Лариса должна была бороться за Стаса. Закон един для всех: побеждай если можешь, в случае проигрыша вини только себя.

Варварины проблемы располагались будто на двух этажах – на одном боязнь забыть что-нибудь, опростоволоситься. На другом волнующие раздумья о внуке из Таллинна, сыне полузабытой Ларисы. Двухэтажное сооружение измотало Варвару Ивановну: она перескакивала с одного уровня на другой – то на лифте, то по лестнице - понимая, что решаться на что-то надо и там и там. Посоветоваться было не с кем, вернее, не привыкла она ни с кем советоваться. По поводу внука в конце концов решила определенно: она никому не скажет о своей догадке, даже Стасу не намекнет, будет выжидать дальше. Она уверена, что у нее есть взрослый внук – и это хорошо. Все возможности общаться с ним, помогать ему - сохраняются. Она будет приглашать его в Черногорию, выяснит насчет образования, мальчик должен быть способным, ведь все передается через поколение...дальше мечтать Варвара себе не разрешала.

Уничтожив во время затянувшегося завтрака один этаж проблем, Варвара почувствовала прилив бодрости и прибрала кухню, стараясь не думать о том, что может в собственном доме сделать что-нибудь не так. Сегодня Ядранка не ночевала у

нее, но в последние дни уже несколько раз оставалась в гостевой комнате. Варваре так было спокойнее.

Ядранка пришла в десять, как и договаривались, и одновременно снизу позвонил шофер, Варваре пора было ехать в институт читать студентам лекцию о знаменитых ораторах древности. В своих лекциях она непринужденно смешивала историю, философию, собственные фантазии и практические методики.

* * *

Проводив Варвару Ивановну на работу, Ядранка сварила кофе, раскрыла гляцевый журнал – и взяла из столика сигарету. Немного поиграла в хозяйку. Затем проверила денежные тайники, не удержалась. Тайников было три: два из них Ядранка случайно обнаружила сама, а один, самый скудный, на случай своей прогрессирующей забывчивости ей показала Варвара. Сегодня Ядранка не собиралась брать деньги, но оценив толстую пачку рублей в комод – не удержалась и тысячу взяла. Она знала, что хозяйка старается записывать суммы в тайниках, но рассчитывала на то, что Варвара будет меньше доверять своим записям и не слишком часто проверять активы. Убирая тысячу рублей в сумочку, Ядранка подумала, что теперь, когда Варвара отчасти посвятила её в финансовые тайны своего жилища, о которых не знал даже Стас, брать деньги особенно опасно.

Погоняв пыль в гостевой комнате, Ядранка взяла из тайника еще две тысячные бумажки. Законы распределения денег давно казались ей лишними смысла, люди, по ее мнению, были всегда сами виноваты в своих неприятностях. Взять хотя бы Варвару: если бы она не разыгрывала из себя вальяжную барыню, словно напрашиваясь, чтобы у неё отбирали явный излишек, – Ядранка вряд ли позарилась бы на ее добро. В кафе на берегу Адриатического моря, подставив лицо солнцу, Варвара без конца рассказывала о своем сыне, одновременно умудряясь подчеркнуть границу между собой и Ядранкой. Вроде бы и призывала ее в свою семью, но показывала, что Ядранка останется в статусе подруги-приживалки. Возможно, это высокомерие только чудилось Яце. Она приехала в Москву из любопытства, но увидев огромную московскую квартиру своей «подруги» и студию Стаса, – задержалась.

Барыня отдавала распоряжения, ждала точного исполнения, но на удивление легко попадалась в ловушки, пугалась своей не безупречности. Первая шутка с кастрюлей, оставленной на огне и сгоревшей, получилась эффектной. Яца представляла себя персонажем: Розиной в «Свадьбе Фигаро» Бомарше или симпатичной горничной в оперетте «Летучая мышь» (советские спектакли она видела по телевизору в детстве, эти были в числе любимых). Сперва Ядранка только забавлялась, но из любопытства открыла шкатулку в ящике комода, увидела пачку денег – и взяла две сотни долларов. Потом, когда брать из тайников стало привычкой, Яце пришлось придумывать более сложные комбинации. Походя, намёком, была опорочена кухарка, – Варвара, проявив свою обычную брезгливость, уволила ее без подробных выяснений. Деньги, по разумению девушки, давались хозяйке слишком легко: сотня долларов за одно занятие, в неделю она проводила десять и больше занятий, это не считая зарплаты преподавателя в двух институтах.

Ядранка купила дорогое бельё и чулки с ажурными резинками, послать такие деньги в Белград она бы не решилась. На всякий случай отнесла пятьсот рублей в церковь. О своем конфликте с заповедью «не укради» Ядранка размышляла недолго. Она считала, что поскольку деньги выпали большинству «новых русских» в результате смуты последних двадцати лет, то они (деньги) пока не могут считаться законно прикрепленными к конкретному человеку.

Ядранка верила в то, что остается легко исправимой православной прихожанкой, преданной далекому мужу Милану и сыну. Муж был на восемь лет моложе её, работал в дорожной полиции Белграда, жил со своими родителями и воспитывал их сына. Ядранка тоже любила семилетнего Душана, Душку, но у них в семье давно сложился

своеобразный уклад: она пропадала по полгода, - уезжала за товаром в Китай, затем за аксессуарами в Италию, на летний сезон отправлялась торговать в Черногорию. Милан звонил ей два раза в неделю, тянул басом: «Ты мой живот, ты маленький мыш...». Иногда плакал в трубку, и Ядранка его утешала. Она быстро закончила уборку, приняла душ, намазала лицо и грудь кремом и расположилась на кухне выпить еще кофе. Запах дорогой косметики и кофе давали ощущение покоя, и отчасти даже избранности.

* * *

С вокзала Стас отправился в кафе на Малой Бронной. Утро в родном городе выглядело таким благодатным, что он почти успокоился. «Женственность Москвы неоспорима: округлость, стихийность, все выстроено на случайности и кажущемся хаосе. Москва подобна трудящейся природе, конечно, в ней много уродливого, но и прекрасное нарастает и пробивается быстро. Сила богини-матери здесь проявлена мощно. Ну, а человек гадит как всегда, так уж повелось почему-то. Таллинн с его шпилями очень мужской город, рассудочный и стойкий. При более тесном общении суховатый. Питер тоже, но Таллинн - это к тому же импозантный иностранец, что для женщин всегда притягательно».

Стас ревновал Ларису к Таллинну, к тому что она скрылась от него среди устойчивых вертикальностей.

Таллинн и Москва, как и они с Ларисой, недолго были вместе, и потом расстались, сейчас у них период не-общения. Когда боль пройдет, они, Москва и Таллинн, возможно, смогут «поговорить об этом», осознают, что обе стороны что-то получили от со-существования, и хорошее тоже.

Стас загляделся на щебетавших за соседним столиком девушек. Какая энергия! Какая самодостаточность. Пока они по-прежнему стремятся украсить себя, эротично обнажаются – а жарким летом в Москве было впечатление будто толпа девушек и женщин ходит по городу и ездит на метро в нижнем белье, - пока они так себя демонстрируют, значит, все же думают о мужчинах. Но законы взаимодействия полов явно меняются, трансформируются на наших глазах. Кажется, зарождается модель нового совершенного человека, возможно, андрогинное существо.

Можно ли разгадать планы природы по этому поводу? Проблема продолжения рода человеческого, подумал Стас, скорее всего, не является неразрешимой. Могут продлить срок уже живущим, могут разрешить клонирование или там «почкование» как выразился Высоцкий. В конце концов, нас стало слишком много на планете, может, вообще уже новые тела не понадобятся – будем перерождаться в одном и том же теле...преображаться, воспитывать души. Другой вопрос показался Стасу более загадочным: куда в случае андрогинности будет направлена энергия, которую называют сексуальной? На что пойдут мегатонны энергии, которые раньше выбрасывались в космос во время оргазмов? Или возможны какие-то внутренние, предположим, творческие оргазмы?

* * *

Он открыл дверь в квартиру матери своим ключом, вошел. За кухонным столом сидела Ядранка в neglige. Стас застрял в дверях кухни; почти обнаженная женщина смотрела на него и улыбалась, ее тело на кожаном диване сияло, загорелая кожа мерцала луной на морской глади.

- Садись, - она мягко хлопнула ладонью по диванчику, на котором сидела, - я-то распужалась, - обозначила она эмоцию, которая никак не читалась на ее безмятежном лице, движения скорее говорили об обратном. Ядранка уже не сидела нога на ногу, держала бедра свободно, можно было разглядеть и подробности под прозрачными

трусами и бюстгалтером.

- Извини, должен был позвонить, что приехал.

«Интересно, она всегда так одевается под одеждой – почему я раньше не почувствовал ее особенной нарядности?».

- Ништа.

Стас смотрел в пол и восхищенно улыбался. Ядранка приосанилась и продолжала пить кофе, весело поглядывая на него, затем рассмеялась и повторила приглашающий жест.

Он взял в шкафу чашку, налил минералки из холодильника, старательно не глядя на красиво упакованное тело. Успел разглядеть лишь бедро и пышную ягодицу, композиция выглядела впечатляюще.

- Как мама? – спросил Стас, сосредоточившись на бутерброде. Вдруг чихнул, вспомнил о мерзком насморке, подскочил, - и бросился за салфетками, те лежали в ящике, поблизости от голой спины Ядранки. Стас достал салфетки, высморкался и вернулся за обеденный стол. Он был лишен обоняния. Возможно, ее тело пахнет привлекательно... но если она потеет? Ядранка молчала, и ему пришлось поднять глаза: грудь оказалась на расстоянии не вполне вытянутой руки, особенности ее тела откровенно освещались июньским солнцем, недостатков он не заметил. Стас закашлялся и испугался, что Ядранка встанет и начнёт бить его по спине. Он бегом ринулся в ванную, чтобы высморкаться и прийти в себя. Ощутил: его пробило сильное желание. И почему он не должен доверять своему телу, оно ведь тоже – его судьба. Стас снял майку, ополоснулся по пояс. Может, наконец, из всего несбывшегося что-то начнет сбываться?

Ядранка пришла к нему в ванную, встала рядом, и его руки, наконец-то, гладили ее, такую горячую, наслаждались кожей, особенно гладкой по сравнению с шершавыми лоскутками белья. Пахла она цветами мандариновых деревьев, он думал о мандариновых садах юга Португалии. И еще о том, как приятно чувствовать ее запах.

- Важи, важи.

* * *

Варвара отпустила студентов раньше, хотела скорее попасть домой. Утром шофер Иван накупил продуктов для обеда, который теперь надлежало приготовить. Они с Иваном поднялись на лифте и стали заносить в квартиру продукты. Когда шофер с сумками шел мимо двери ванной комнаты, оттуда вышла голая Ядранка в махровом полотенце, она выглядела как мощная «девушка с веслом», полотенце было замотано подмышками и художественно-неравномерно свисало до середины колонноподобных бедер. Ядранка прятаться не собиралась. Иван отшатнулся от жара, Стас стоял с красным лицом. Варвара сосредоточилась на том, чтобы выпроводить шофера, затем не слишком торопясь вышла на лоджию, села в любимое кресло, закурила и взяла в руки журнал.

Ее задела скрытность Ядранки и собственное, по ее ощущению слишком нервное, отношение к явно произошедшему сближению сына и черногорской гостьи. Не она ли сама сделала все возможное, чтобы это случилось? Варвара не могла понять, что именно коробит ее в этой ситуации; материнская ревность давно истаяла в ней, как она считала. Услышав приближающееся чихание Стаса, в котором она ясно различила не только смущение, но и довольство, Варвара сделала вид, что увлечена статьей.

- Принеси воды, - попросила она сына. – Не стакан, большую кружку.

Стас вернулся с водой, поцеловал Варвару в затылок и сел в кресло напротив.

- Позавтракал?

- В кафе. Но уже проголодался.

Варвара протянула к нему руку, взяла его ладонь в свою.

- Как Таллинн, скажи. У тебя пальцы холодные, замерз?

- Простыл. В Таллинне скучно по-прежнему.

- Тебе? Было там скучно?

Варвара вглядывалась в лицо сына, пытаюсь увидеть следы семейного праздника, скрытой отцовской радости. Высокий, большая голова с копной черных волос, и двигается порывисто, почти как подросток - он выглядел, пожалуй, молодо, если бы не резкие морщины, вечно он озабоченно щурится, сколько можно просить, чтобы не морщил лоб. Или пусть очки носит. «Глаза грустные, у моего сына глаза почему-то старше его возраста», - заметила Варвара, ей стало тревожно.

- Знаешь, в поезде со мной ехала женщина... пожилая, у нее два сына, один в Таллинне, другой в Москве. Потом расскажу.

- Почему не сейчас?

- Хочу поесть. Накормишь?

Варвара легко поднялась на призыв.

- Я рада за вас.

- Почему?

- Рада и все. Где Ядранка, будет обедать с нами?

- Она ушла.

- Почему тебя не накормила?

- Думаю, не умеет готовить, в любом случае не так хорошо как ты.

«Придётся научиться, коли хочет стать твоей женой», - подумала Варвара, но промолчала, комплимент все же был ей приятен.

- Жаль, что ушла, я хотела её попросить накрыть чай к вечеру в гостиной, для Германа Тимофеевича. ...Могла бы попроситься, как ты считаешь?

После обеда Стас задремал на кухне под доносившееся из кабинета звучание материнского голоса, прерываемое робкими модуляциями мужского баса. Много часов жизни он провел под аккомпанемент подобных звуков: готовил школьные уроки, отбирал слайды для первых изданий, заново входил в московскую жизнь после возвращения из-за границы.

- Эждрри-и-и, - уныло затянул бас.

- Не гудите, не гудите, Герман. Выпрямите спину, пожалуйста. Звук поднимается к связкам от третьей чакры, еще лучше от второй! И затем возвращается...

- Эждрри-эждррэ-эждрра...

- Не натягивайте верхнюю губу на зубы. Дома делали упражнения?

- Ммм...

Варвара с каждым учеником работала по-своему, сейчас было похоже на суровую дрессировку, когда хищника заставляют почувствовать себя провинившимся щенком.

- Эждррррр...

Стасу было приятно побыть в домашнем мире, он почувствовал бодрость и одновременно пустоту, желающую наполниться, - то что нужно, чтобы поработать.

* * *

Шахматная доска: можно ли увидеть на НЕБЕ черно-белые клетки? Или ему только почудилось это однажды в Португалии? В Коимбре на берегу реки в саду древнего дворца. Он ведь даже не снимал тогда, а лежал на каменной скамье в саду среди роз и азалий - и смотрел на облака.

Каждый смотрит в НЕБО со своей точки. Когда я снимал этот фрагмент, рядом со мной никто не стоял. Значит, этот орнамент видел только я. Следовательно, если я увижу послание или линейку знаков, СЛОВО, это будет только для меня. Может, я не могу забыть Ларису, потому что мы видели НЕБО с разных точек, но одинаково? Связь между любящими -

треугольником, циркулем с широко или узко расставленными сторонами, - проходит через НЕБО. Если любящие вместе, связь становится золотой нитью, угла не образует... Неужели на всю земную жизнь человеку дается только один *второй*,

смотрящий с тобой в одно НЕБО?

И после твоей, или его, - смерти, он остается твоим *вторым*. Ведь, в сущности, ничего не меняется после того любимый человек пара переселяется в облака.

Лишь одна такая любовь встречается в течение жизни, все другие – соблазны, встречи, романы – это от перенаселённости планеты и еще для того, чтобы затруднить поиск. Все уверены, что души после смерти уходят на НЕБО, и возможно, связь с любящими и любимыми становится более прямой, естественной: один наверху, другой еще ходит по земле.

Ни разу не почувствовал, что Ларисы может не быть среди живущих. Можно ли считать мою уверенность знаком, что она гуляет по паркам и покупает в магазине хлеб?

Почему ее не было вместе со мной с Португалии? Ему хотелось показать Ларисе место, где океан и НЕБО становятся одним целым, взаимодействуют, борются, сливаются.

Океан и небо как идеальная любовная пара.

6.

Человек в плаще шел по берегу моря упругим шагом. Иногда он произносил реплику, судя по жестике, вопросительную. Стоял недолго, будто ожидая ответа, и опять брел вдоль воды, оставляя ямки на мокром песке, на самом краю. В руках человек держал мешок для мусора, тяжелый и раздувшийся. Снова он обращался к морю, ставил мешок, продавливая его тяжестью в песок углубление, быстро заполнявшееся водой. Человек вглядывался в изменение цвета воды, рассматривал границу, где море из прозрачного становится плотным. Наклонившись черпал ладонями воду, растирал в руках, смачивал лоб и волосы – и отправлялся дальше.

Первую неделю Маруся звонила из Москвы каждый день. Потом договорились созваниваться по субботам. Томас был в армии, служил на острове Сааремаа, на выходные приезжал домой. Пекинес ходил по комнатам, осматривался, крутя головой, казалось, он ищет детей. Удостоверившись в чем-то грустном, Виллик вздыхал и укладывался в шкаф. Втихаря он научился лапой и носом открывать тяжелую дверцу и любил спать там среди дамских сумок и шарфов. Лариса иногда теряла его, когда в первый раз долго не могла найти собаку в квартире, – разнервничалась, подумала, что в ее отсутствие залезли воры, ничего не взяли, только украли Виллика. Зачем этим людям понадобилась ее собака? Лариса металась по квартире, даже плакала. Полчаса спустя пекинес не торопясь вылез из шкафа, подошел к ней, потягиваясь на ходу, изумленно и сонно смотря... «Нервы, Виллик, это нервы у меня», - объяснила ему Лариса.

Ольга развила бурную деятельность по поиску сокровищ семьи Мартина. Удивительно, но наследник не слишком сопротивлялся: они с Ольгой вместе ходили в адвокатскую контору, Виктор считал дело перспективным, и в конце концов был заключен договор. Мартин по-прежнему проводил много времени с моделями яхт, но Ольга часто приходила, разговаривала с ним, хвалила его «игрушки»... Лариса наблюдала за их общением со стороны, иногда замечала, что их долгие разговоры ее раздражают. В свободные от экскурсий дни Лариса вставала поздно, читала, гуляла с собакой. Витал иногда подбрасывал интервью, заказывал статьи для своего раздела. Постоянную работу она искала вяло. Ей казалось, что настал момент съездить в Москву чтобы побродить там, вспомнить прошлое, додумать важное. И, кроме того, поддержать дочь. Лариса купила билет на московский поезд. Решила, что две недели, оставшиеся до поездки, будет ходить на выставки и на концерты классической музыки, перечитывать стихи. Витал прав: энергия будто перестала проникать в нее, надо встряхнуться, чтобы жизненные центры заработали хотя бы вполсилы. Что можно придумать - влюбиться? Лариса позвонила Виталу, можно сказать,

напросилась, - он пригласил ее в ресторан. Сидя напротив него, представила, что вот они стали любовниками, - никаких приятных чувств фантазии не вызывали. Витал галантен, расточает комплименты... щедрый. Однако возникало лишь предчувствие ненужных сложностей, а не видение эротических удовольствий. Она вздохнула, улыбаясь Виталу, он был похож на скандинавского шкипера: короткая рыжая борода, очки и трубка. Такой тип мужчин ей не нравился, и возможно уже никакой не нравился. По-видимому, время тревог, связанных с любовью – для нее прошло. Где люди находят силы, чтобы проживать каждый день? Вообще – хотеть чего-то? Сами они, люди, как думают – зачем им это нужно: вставать по утрам, двигаться, заниматься неинтересными делами?

На открытии новой экспозиции в историческом музее Лариса встретила знакомую журналистку Майю, та выглядела удивительно молодо: глаза светились и будто столб света стоял над головой. Лариса разговаривала с ней на незначительные темы, а у самой в голове крутилось: «Влюбленность в жизнь, влюбленность в жизнь», - неизвестно откуда взявшиеся слова. Где после сорока добывать это сокровище – желание жить?

Лариса вспомнила об эликсире бессмертия, о котором спрашивал русский экскурсант. Жизненная энергия, по-видимому, и есть эликсир бессмертия. Она заметила, что Майя смотрит на нее то ли с сочувствием, то ли сожалением, и испугалась, что жизнерадостная Майя начнет выражать свою жалость... Там же на вернисаже Лариса увидела Ольгу рядом с адвокатом. Они стояли у фуршетного стола, пили шампанское, переговаривались. Они очень подходили друг другу: высокий, дорого одетый адвокат, с яйцевидным лысым черепом, - и женственная Ольга, похожая на щедро украшенный торт. Ольга была одета как всегда чересчур нарядно, смеялась и смотрела на Виктора взглядом, полным восхищения. Так же восторженно она умудрялась смотреть на Мартина! Причем флюиды энергии излучало все ее тело, даже спина, ягодички. Лариса отчетливо ощутила, что завидует Ольге. Так и не взглянув на картины, она вышла на улицу, пошла в парк, было плохо... скучно среди людей, плохо наедине с собой.

В чем я провинилась, кого обидела? Может, вырастила в себе обиду, и она метастазами закрыла мне способность радоваться? Если не до конца я отпустила от себя ту ситуацию со Стасом – пообещала она себе - то в Москве, вернувшись в точку боли, постараюсь сделать это. Живет ли он, как изменился?

Лариса вдруг поняла, что виновата перед Мартином. Виллик, наверное, и то получал больше ее внимания. Надо сделать усилие, решила она, попытаться выразить свою любовь прямо сегодня. Мир словно отзывался на ее мысли: Лариса встретила мужа около подъезда. Мартин выглядел уставшим, он был в мокром дождевике и в тяжелых ботинках.

- Где ты гулял, милый? – спросила Лариса, стараясь передать голосу нежную интонацию и заглянуть ему в глаза. Получилось заискивающе, Мартин взглянул испуганно.

- Так. – И отвел глаза.

- Интересно, где можно столь живописно испачкаться?

- Ходил. Где всегда.

Лариса вспыхнула:

- Но я не в курсе, где ты бываешь всегда! Понятия не имею, что ты делаешь, когда выходишь из дома.

Мартин наклонился, чтобы расшнуровать ботинки. Лариса не хотела затевать скандал, но вид грязной обуви и забрызганных штанин бесил ее. Надоело все это отстирывать, где его прежняя аккуратность? Чтобы не сорваться на крик, она взяла Виллика на поводок и вышла во двор.

Почему Мартин ведет себя как немой, и невозможно гонять стиральную машину каждый день. Как будто он в одежде бросается в море!

- Ужас, такие счета за электричество! – произнесла она в сквере, обращаясь к собаке. Виллик в тот момент сидел в торжественной позе, задрал хвост; он недоуменно покосился на Ларису и медленно переступая, опасливо оглядываясь, повернулся к ней спиной.

Успокоившись во время прогулки, Лариса вновь решила, что станет общаться с Мартином мудро и терпеливо. Открывая дверь, она улыбалась. И услышала полнокровный голос Мартина.

- Да, - он вышел в коридор с телефонной трубкой. – Могу завтра. Во сколько?

- Оля сейчас зайдет, это она. – Пояснил он Ларисе.

Она не помнила мужа таким оживленным. Белая вспышка мгновенно осветила ей мозг.

- Почему ты меня спрашиваешь? - закричала Лариса. - Мне все равно, когда и куда придет твоя Оля, слышишь?!

Мартин прикрыл трубку рукой, быстро зашел в свою комнату, Лариса пробежала за ним, приоткрыла дверь и с силой захлопнула. Потом она разделась, вымыла собаке лапы, закрылась в своей комнате и заревела. Когда успокоилась, все в доме было как обычно: муж сосредоточенно клеил новую яхту, Виллик спал на кухне.

- Так когда Ольга собиралась зайти? – спросила она, тихонько постучавшись в дверь комнаты мужа.

- Она не придет. Сказал ей, что ты себя не хорошо чувствуешь.

Я себя совсем не чувствую, - размышляла Лариса уныло, разогревая ужин. - Говорят, чтобы радоваться, надо любить то, что ты ешь. Но женщине гораздо легче полюбить себя, когда кто-то каждый день ласкает ее тело, говорит ласковые слова. Это слабость?

Снова вспоминался голос Мартина, как он полнокровно звучал – не для нее. Она уже и забыла, что муж умеет так разговаривать. Наверное, права Ольга, он еще привлекательный мужчина. Позвонил Витал и предложил ей написать статью для своего раздела в журнале: непременно про спорт, но и познавательное, статья должна быть большой. Решили, что Лариса напишет об истории тенниса - это единственный спорт, которым она когда-то увлекалась и иногда по телевизору смотрела матчи. Лариса сдала билет на московский поезд и принялась за работу. Настроила телевизор на теннисный канал, чтобы постоянно видеть игру перед глазами, стала искать материалы в интернете, записывать идеи. Так работала неделю, потом следующую. Во время прогулок подходила к кортам, смотрела на играющих, возвращалась и опять работала. Виталу понравился план статьи, которая предварительно была названа «Жизнь в белом цвете». Ларисе всегда казалось, что люди внутри игры и те, что рядом (тренеры и болельщики), погружаются в нее со страстью, которая так же сильна и необъяснима как влюбленность. Все получают от причастности к игре много энергии. Недаром вокруг самых популярных игр, футбола и тенниса, крутится так много денег - квинтэссенции энергии социума.

Однажды человек додумался бить не соседа по голове, не по дереву, даже не по земле. Он стал ударять по круглому предмету,- и агрессия, присущая нашему биологическому виду, уходила в мяч. Высоколобые возвели этот процесс в ранг ритуала, в древней Европе игры с мячом считались забавой аристократии и даже духовенства.

Кто разделил виды игр (виды спорта) на массовые и «элитарные»? Известная линейка: гольф – теннис – футбол. Самым элитарным считается гольф, у гольфистов наиболее высокие гонорары, при этом немногие в мире понимают, чем они там занимаются, замахиваясь клюшками около лунок, от чего получают кайф? Теннис понятнее, захватывает большее число людей. Однако для тех, кто любит массовость – теннис тоже кажется скучноватым: на корте двое, мяч маленький, каждый бьется за себя. Следующий уровень иерархии – футбол (затем регби и бейсбол, хоккей). Определенно можно сказать: те, кто ходит на футбол, редко

являются фанатами тенниса. Значит ли это, что самые популярные игры человечества хитро разделяют людей по каким-то неведомым типам, классификациям? По почти несоприкасающимся сообществам, в каждом из них свои драмы, иерархия, законы.

В спортивных играх присутствует то, чего не хватает людям в обыденности: быстрый результат и – почти всегда торжествующая справедливость. Хотя, как и в социальной жизни, результат в равной степени зависит от таланта (подготовки) спортсмена - и от случайности. Силовое поле между закономерностью и случайностью. Игра как утопия; вера (религия) дает надежду. Игра дает наглядную модель социальных отношений.

Спортивные игры призваны то ли отвлекать нас от унылого социума, то ли учить чему-то, - мы этого никогда не поймем, нам некогда понимать, мы ведь с таким трудом находим время, чтобы самим поиграть во что-нибудь. Чаще плящим на действия других.

Мы вынесли за скобки шахматы. Но это непостижимая концентрация, возможно, параллельная вселенная.

Обаяние тенниса во взвешенной пропорции интеллектуальности и атлетичности. Присутствует и доля абсурда, что выражается в своеобразном счете (15, 30, 40, – если и была логика в чередовании этих цифр, то ее забыли), двух попытках подачи (на самом деле абсурд, представьте себе две попытки пенальти) и других милых, труднообъяснимых нюансах.

По субботам Лариса стала ездить с Виталом в Пирита на корты. В первую поездку не взяла с собой форму, лишь наблюдала за парной игрой, в которой он участвовал. Во второй раз надела кроссовки, и Витал после матча стал ей накидывать мячи, оказалось, что тело помнит движения, давно ее мышцы не уставали так, как после этих тренировок.

Соперник упал на грунт по другую сторону сетки, обхватил голову руками и вопил от счастья. Это его страна, люди на трибунах поздравляют друг друга, будто что-то перепало из копилки жизни лично им. Ты подходишь к победителю, проговариваешь вежливые слова, однако посмотреть в его ликующее лицо – выше твоих сил. Берешь тяжеленную сумку, на прощанье, если хватит выдержки, машешь рукой публике. После этого можно опустить голову и уйти. Ты уничтожен, однако сделал все элегантно.

Теннис изначально принадлежит элегантности и изменяет ей неохотно.

Разумеется, случается всякое, сохранился протокол криминального происшествия, где утверждается, что Караваджо (XVII век, самое начало) в ссоре из-за счета ранил в пах соперника по игре в теннис. Великий Макенрой (XX век, вторая половина) на кортах балансировал на грани гениальности и безумия, время от времени переступая грань.

Однако чаще эта игра – воплощение благородства.

Теннис – спорт в белом. До середины двадцатых годов двадцатого считалось неприличным особенно напрягаться на корте, «не комильфо» это - потеть и упираться. Тренировки – да, нужны, не слишком тяжелые. Главное интеллект и шик. В уставе первого эстонского лаун-теннисного клуба "Калев" в начале XX века было записано: «членом общества может стать тот, кто "занимается легкой работой и ходит в чистом платье». Именно теннис очень подходит характеру эстонцев, страстному, но бесконечно сдержанному.

Статья у Ларисы получилась огромной, в концовке она пыталась увещевать саму себя:

Мало кто спорит с тем, что жизнь есть игра, но у большинства людей игра рано заканчивается, а жизнь все длится, уныло тащится до положенного срока. Люди довольствуются тем, что пожевывая наблюдают за чужими судьбами в

телевизоре. Существует много возможностей развить и поддержать в себе творческое, то есть игровое начало; спорт в активной или пассивной «болельщицкой» форме – одна из таких красивых возможностей.

Белые одежды теннисного эльфа.

В начале каждого лета я жду: увижу ли ее на этот раз? Она приходит на корты даже в сильную жару, выходит из раздевалки улыбаясь так солнечно будто это ее бенефис. По дороге на площадку охотно заговаривает с каждым встречным. «Все мои партнеры умерли», - беспечально объясняет дама. Тщательно причесана и покрашена, она элегантна в своем белом платье и в замысловатом опять же белоснежном чепчике. Говорят, ей за восемьдесят... похоже. Мне кажется, глядя на нее все думают об одном и том же: смогу ли я так спустя двадцать, тридцать, пятьдесят лет? Тренер осторожно накидывает ей новенькие желтые мячи. Жизнь и игра в судьбе дамы длятся почти одинаково долго, что очень умно и не так уж трудно, но для этого нужны смелость и святое легкомыслие. Нужна вера в то, что жизнь есть игра, то есть радость детская.

* * *

Весь август два раза в неделю Витал тренировал Ларису на корте, затем стал брать ее в парную игру. Статью о теннисе перевели на эстонский и опубликовали почти без сокращений, получилось семь журнальных разворотов с эффектными иллюстрациями. Кроме гонорара Ларисе дали солидную премию «за лучший материал номера», главный редактор поздравил Витала и просил придумать следующую тему. Русский журнал перепечатал материал на русском языке.

Идея для очередной статьи пришла неожиданно: на корте, во время игры Лариса вспомнила о лошадях. Тем же вечером она начала писать:

Машины лишили лошадь всего, она оказалась на обочине нашей жизни и массового сознания. Нам нечего ей предложить: работы для нее больше нет, на волю отпустить тоже не получится – места на планете для вольготного обитания табунов не найти. Лошади в городах среди автомобилей зрелище душераздирающее. Она слишком трепетная и красивая для нынешней жизни. Живая драгоценность.

У человека за период сосуществования выработалась психологическая зависимость от лошади, есть даже термин «иппомания». Или это ощущение брошенности, сиротства? Неизвестно, что решил бы по этому поводу Фрейд, однако в отношении людей к лошади постоянно присутствует состояние легкой истерии: одни ее боготворят, украшают бриллиантами и попонами от известных фирм, а кто-то втихаря налаживает производство колбасы из конины, поскольку содержать их дорого. Дешевле убивать.

Если во взаимодействии человек-собака речь идет о дружбе, о бескорыстной товарищеской любви, то это страсть. Что-то ноет внутри, когда мы смотрим на лошадь.

Через несколько дней после выхода журнала со статьей о теннисе Ларисе позвонили из Москвы. Она выслушала краткое вступление секретарши, а затем возник голос, звучащий властно, но и мягко, иногда переходящий на астматический шепот:

- Меня зовут Александр Иванович. Радость моя, где ты живешь? В Таллинне?
- Вы звоните мне домой...
- Я подумал, может, ты бываешь в Москве. Деточка, я просто заболел, когда прочитал про теннис...ведь ты написала?
- Да.
- Умница...я хочу, Ларисонька, чтобы ты написала книгу. Для меня, для моего

издательства. Где мы можем встретиться?

- Если вы приедете в Эстонию...

- Я не молодой человек, деточка, из Москвы ездю только в Германию. Лечиться.

Сколько тебе лет?

- ....

- Ты ведь знаешь, что у тебя талант? И такой хрупкий голос... Когда сможешь приехать ко мне в Москву, дорогая?

- Я собиралась...Александр...Иванович. Но мне надо написать другую статью, тогда наверное. У меня в Москве дочь.

- Сделай план книги о теннисе, хорошо? И пришли. Присылай мне все, что пишешь. Ты ведь пишешь, детка? Юлия продиктует e-мейл. Мы тут подумаем, что можем тебе предложить. Ты ведь не станешь хуже писать, Ларисонька? Я все сделаю для тебя. А я многое могу.

План книги она придумала тем же вечером, и потом просидела еще полночи за компьютером, чтобы сделать план более подробным. Получилось семь глав. Лариса удивилась как легко приходили в голову идеи разделов и их возможная разработка. Александр Иванович позвонил на следующий день в семь утра.

- Это Калинин. Александр Иванович. Я соскучился, дорогая, - сказал он. – Пришел на работу и звоню тебе сразу.

Лариса рассмеялась:

- Да, в семь утра уже на рабочем месте.

- Наверное, ваши сотрудники счастливы.

- У меня бессонница. Дорогая, сегодня не спал и думал о тебе. Ларисонька, я подумал, эстонская фамилия на обложке будет хорошо смотреться... это твоя фамилия?

- Мужа.

На кухне обнаружила Мартина, который варил кофе, - в костюме и при галстук, - муж напряженно смотрел в турку, будто там бурлил волшебный родник. Что-то было необычное в его внешности, Лариса не смогла сразу определить...

- Ты мою статью прочел?

О своих новостях Лариса мужу не рассказала – пока было некогда.

- Какую?

Лариса открыла разворот журнала.

- Теннис? Прочту.

Она проследила как он перед зеркалом в простенке между кухней и коридором поправляет галстук. И внимательно разглядывает свое лицо!

- Мартин! Ты постригся?

- Да. Плохо?

- Нормально. Собираешься куда-то?

- К Виктору. Помнишь, этот адвокат.

Ну и что, оделся нарядно, мне тоже надо что-то сделать с собой, поменяться, тем более деньги появились, - думала она, собираясь на экскурсию. Я хотела, чтобы муж ожил, и вот он, кажется, начал...И мне опять не так!

Экскурсию Лариса провела весело. Освободившись устроилась в кафе, поджидая Витала. Она достала блокнот, чтобы поработать - и задумалась, глядя на толпу туристов на Ратушной площади. Таллинном в разные времена владели то датчане, то шведы, то русские, в наши дни он беспрепятственно захвачен туристами – или теми силами, которые управляют этими туристами. Лариса разглядывала людей, которые были построены в плотные разномастные отряды, послушно шагающие туда, куда им скажут. Среди толпы увидела влюбленных: двое, на вид старше восьмидесяти, шли держась за руки и смотрели вокруг с безмятежным любопытством. Нежная связь между ними была заметна не менее явно, чем их возраст. Лариса подумала: мы все должны

быть благодарны им за талантливую старость, даже если они счастливы всего один день и больше не будут никогда. На старушке была шелковая ярко-зеленая майка с лямками, кокетливо скрещенными на загорелой спине. Лариса попыталась представить как она сама покупает эту майку, сшитую для девушки лет двадцати, – и не смогла. Прикинула, из какой страны могли приехать влюбленные; пожалуй, больше похожи на англичан или французов. Или испанцы? Эстонцы вряд ли станут безмятежно держаться за руки, не умеют с доверчивым любопытством крутить головами. Пара явно не была русской, не бывает таких русских пожилых дам и, что еще более верно, галантных пожилых мужчин без пивного живота. В России – старцы, старики и пенсионеры. А также старушки («божьи одуванчики»), пенсионерки и старые гримзы, как мать Стаса. Интересно, здоровствует ли Варвара? Лариса мысленно пожелала Варваре, если она жива, лет через десять встретить любовь... Двое, бредущие по древним таллиннским камням, научились главному – радоваться мгновению. Лишь бы ты был счастлив. Лишь бы ты была счастлива. Все просто. Белое население Европы очень стареет. Может, оно так давно этим занимается, что научилось стареть гармонично? Боже, храни людей, которые идут по жизни таким путем, что способны в конце трепетно держать теплую и хрупкую ладонь другого, такого же старого. Ветераны любви важны для нас, потому что мы боимся нерадостной старости, а они дают надежду, что будущее есть всегда, до последнего дня.

Когда подошел Витал, группа с красивыми стариками все еще бродила по площади.

- Идеальный финал, - согласился он.

- Как ты думаешь, Витал, сможем и мы так?

- Мы с тобой, лет через двадцать пять? Почему нет... если начать тренироваться... поцелуешь меня, по-настоящему? Помнишь как в юности тыкался губами в твой упрямый рот - ты была жестока, Ларис.

- Маньяк, ты провожал нас с вечеринки, мы только в тот вечер познакомились. На прощание спросил: Мартин, можно я поцелую твою жену? И полез, - конечно, я остолбенела.

- Ладно, забудем. Мне вообще нравятся молодые, если заведу любовницу, то тридцатилетнюю по крайней мере.

- Ну и дурак, сдался ты ей.

- С ума сошла?!

- Витал, что ты способен дать девушке? Неземную страсть?

- Хм. Не думаю.

- Деньги?

- При чем тут деньги? Я что уже – черный уродливый карлик?

- Жениться не можешь...

- Почему не могу? Вообще правда, куда я Вальку дену, не на улицу же ее выгнать.

- Остается секс. Два раза в неделю на чужой квартире.

- Чем плохо, Ларис? У девушек с этим проблемы, я вон худею, скоро буду влезать во все джинсы.

В спортивном магазине Лариса купила юбку для тенниса, две кофты и куртку, все белое. Пока она выбирала одежду, Витал смешил чопорных продавщиц.

На корте она становилась на подачу – и думала о своей книге. Била по мячу – и представляла новые статьи в московских журналах, как ее книга продается на книжной ярмарке.

Виталу статья про лошадей в первом варианте не понравилась – «перегружено информацией и эмоциями», сказал он, и предложил текст переписать. Статью не одобрил и главный редактор, сказал, что идея хорошая, но подать ее надо иначе.

- Ее легко можно довести до ума, - убеждал Витал. – Ты впихнула в нее фактаж, из которого можно сделать пять больших текстов. Где форма, Ларис? Давишь лавиной фактов.

- Хотите, чтобы все писали одинаково. Индивидуальность имеет право на

существование - или уже нет?

- Я бы...на твоём месте, сформулировал так: «наши дети не будут знать, что это такое...когда копыта цокают по мостовой Таллинна...мы теряем...утеряли чувство единения с ней». Надо картинку сделать поярче, просто рассказывай читателю историю...ничего более. Не занудствуй, не для энциклопедии пишешь.

- Идея так нравится, что сам хочешь написать? Бери! Дарю!

- Я что, по-твоему способен её своровать? – Витал тоже начал злиться.

- Ты и твой главный, - оба считаете, что женщина по определению не способна написать ничего стоящего. Дело в этом, я поняла.

- Да я вообще не про то, что ты женщина, это твой текст пока меня не впечатляет. А ты – всегда.

- Короче, переписывать даже не собираюсь...

- Завелась...тебе теперь нельзя ничего сказать!?

Витал и Лариса разругались.

История отсекала прозаические роли лошади, оставив лишь загадочные. Может, она и впрямь мистическое животное? Единорог ведь тоже - лошадь.

Кентавр Хирон, получеловек-полуконь, научил бога врачевания Асклепия исцелять людей. Имя самого известного целителя древности – «Гиппократ» – означает «властитель коня». Вдруг – наше здоровье зависит только от них, а мы забыли об этом, и поэтому болеем?

Но они способны не только на терапию телесную. Когда-то крылатый конь Пегас, возникший из капель крови Горгоны Медузы, ударил копытом по горе Геликон, где обитали музы. От удара возник источник вдохновения - ручей фиалкового цвета называемый Иппокрена («Конский источник»). Значит, способность к творчеству людям подарили именно лошади, а ведь нет ничего более целебного, чем творчество. Пока они с нами - мы творим и летаем.

За прошедшие недели Лариса настолько погрузилась в материал, что не видела, как можно его изменить, все казалось важным. Бедные мои лошади, бедные мои, и здесь вас обижают, - думала она, вчитываясь. Статья по объёму получилась ещё больше чем предыдущая, и печатать её по-прежнему никто не хотел. Лариса предложила «лошадиную тему» в знакомые журналы; в одном отказали, в другом потребовали добавить про моду в конном спорте. Лариса послушно вписала про моду: шляпы, сапоги, седла и попоны. Однако материал опять зарубили, из-за «тяжеловесности». Суета со статьей становилась нудной, Лариса в очередной раз почувствовала отвращение к журналистике.

Выражение рабского безразличия к жизни на морде «покатушечной» лошади, на которой катают маленьких детей, иногда дядек после ужина в ресторане. Такие лошади словно переступили черту боли, они ни на кого не смотрят.

Утешение было одно – разговоры с Александром Ивановичем Калининским по утрам про книгу: это было её будущее, тайная сила.

7.

Жизнь Стаса поменялась стремительно, он решил, что так подействовать могла только влюбленность, или даже новая любовь. К Ядранке. Следующий шаг, о котором он заставлял себя думать - женитьба и рождение детей. Ему отчего-то было страшно представлять себе их семейную жизнь. Ядранка ни разу не обозначила, что жаждет совместного будущего, она отличалась способностью жить не торопясь, вбирая энергию каждого момента. Стасу казалось, что именно от этого её тело становилось пугающе сильным, как корабль древних викингов.

Иногда Стас задумывался: на чем зиждется ее горделивость? Ни красоты, ни образованности, ни творческих способностей, даже обаяния - всего того, чем принято гордиться, - в Ядранке не было. Однако ее спокойная любовь к себе не требовала подтверждений, во много раз превосходя самоуверенность умниц и красавиц, с которыми Стас был знаком раньше. Бесподобная осанка Ядранки, словно совершенный радар, собирала в окружающем мире так много силы, что ее хватало и на Стаса; он прятался под ее защитой и стал впадать в зависимость. Когда Ядранка была рядом, чувствовал себя молодым, когда оставался один – мир терял цельность. Жили в студии Стаса, оба ложились и вставали поздно. Она не проявляла хозяйственного рвения: питались готовыми салатами из супермаркета и спагетти с покупными соусами. Ядранка, похоже, хорошо умела варить только кофе и варила его по особому рецепту, много раз на дню, иногда даже поздно ночью. Ее бесхозяйственность Стасу даже нравилась, он усматривал особую деликатность в том, что Ядранка не торопилась демонстрировать выигрышные качества супруги, в основном спала и занималась с ним любовью, этому занятию посвящалось много сил и времени. Впервые Стас чувствовал в женщине такое сильное желание, для нее не было барьеров и запретов, каждый раз она умудрялась дать понять, что завтра в постели все будет иначе. Стасу было весело чувствовать особую физическую усталость, давно, а может и никогда, ему не приходилось быть столь увлеченным любовником, ему казалось, что он помолодел, иногда чувствовал себя обескураженным подростком, на которого обратила внимание опытная женщина. Вне постели Ядранка, если не смотрела телевизор и не листала женский журнал с чашкой кофе в руке, то просиживала часы в парикмахерской, бродила по магазинам в поисках одежды, лежала в ароматной ванной, что-то втирала, брила или выщипывала. Стаса это не раздражало: словно его подруга, вкладывая время и деньги в укрепление формы тела, тем самым укрепляла и его. Он стал думать, что образованность, умение себя вести – все это он постепенно сможет ей привить. Верил, что его нежность со временем сможет сделать ее более утонченной. А пока – пусть Ядранка наслаждается комфортом, который он способен ей дать.

Варвара приняла их сожителство без комментариев. Однако само собой подразумевалось, что Ядранка будет как и раньше дважды в неделю помогать ей с уборкой. Стас пробовал поговорить с матерью, но та поставила его в тупик прямым вопросом: чем так занята Ядранка, что ей трудно немного поработать? Платит ли мать теперь за уборку – Стас так и не смог понять, обе женщины старательно избегали разговоров о деньгах.

Он сказал своей подруге:

- Можешь и не ходить к моей матери, если не хочешь.

В ответ Ядранка опустила глаза и пролепетала:

- Важи, важи, – и через несколько дней снова занялась уборкой у Варвары.

Стас расценил это как следствие патриархального воспитания, когда о стариках принято заботиться. К Небу он за это время не возвращался, работал для «глянцевого» журналов, потому что денег требовалось больше.

За три месяца Мила позвонила несколько раз, но Стасу казалось, что если уж встречаться, то надо рассказать обо всем, и пока не находил слов для такого разговора.

* * *

В конце октября Леха пригласил на презентацию альбома, посвященного средневековым донаторам. Из Таллинских материалов и фото, сделанных в других европейских городах, Леха смонтировал фильм.

Стас только что вернулся из командировки в Китай, приходил в себя с трудом, три дня провел постели с Ядранкой, выбираясь лишь чтобы выйти поесть в ресторане.

Ядранка тоже расслаблялась, у нее не возникало желания навести порядок в их жилище или купить продукты и приготовить что-нибудь, дабы сэкономить. К Лехиной презентации она готовилась два дня. Их появление вдвоем произвело впечатление и на мужчин, и на присутствующих дам: Ядранка на каблуках была выше всех женщин, брюки и короткая кофта облегали фигуру, шевелюра походила на прическу африканской принцессы, выкрашенной в блондинку. Дополняли впечатление выгнутая спина, привлекательная попа, крупные украшения и победительный взгляд. Стас невольно подобрал живот и приобнял спутницу. Подходили знакомые, среди них известные фотографии, все пялились на девушку Стаса.

Происходило все в небольшом обшарпанном помещении состоящем из холла с раздевалкой, зала мест на сто, крошечного бара. По четвергам там, рядом с Пушкинской площадью, поэты и писатели собирались каждый четверг. Порядок был такой: сначала часа два слушали выступающего, по очереди выходя покурить. В это время в буфете готовились выпивка и бутерброды. После основной части программы публика со стаканчиками в руках равномерно распределялась между курилкой и буфетом, и начинались бесконечные разговоры.

В конце восьмидесятых в Москве было много богемных вечеринок. Агонизирующая социалистическая система, выделяя энергию распада, способствовала появлению избыточного числа художников, поэтов, писателей и музыкантов, смена общественного строя сопровождалась мощной волной творчества. Двадцать пять лет спустя в меркантильной Москве XXI века условия жизни для творцов оказались гораздо более жесткими, так называемые «свободные рыночные отношения» не способствовали выживанию маргиналов, во всяком случае, в России. Совершенно непонятно, каким образом этим поэтам и странным людям их круга удалось пережить последние годы, Стаса бесконечно удивляло, что в Москве все еще можно найти людей, способных обсуждать принципы перевода Катуллы или трактовку записей в альбоме Виллара Д'Оннекура. Даже во время выступления поэта-авангардиста, нараспев читающего свои стихи, и его подруги, выкрикивающей что-то пронзительно-нечленораздельное под собственный аккомпанемент на балалайке, в заповедном зале на Пушкинской трудно было найти свободное место.

Стас иногда задавался вопросом: сам ли человек выбирает, будет он зарабатывать деньги, жить в комфорте - или же прозябать, почти нищенствовать, вдоволь рассуждая о средневековой архитектуре и древней музыке? Наслаждаться темными по смыслу, но увлекательными беседами с друзьями? Кем сохраняется квота в обществе на нищих интеллектуалов, поэтов и писателей?

Если принять, что общество есть живой организм, то клетки ему нужны разнообразные, не может оно состоять сплошь из юристов, бухгалтеров, многочисленных охранников и менеджеров по продаже всего подряд. Должен кто-то оставаться и не практичным. Беспечным. Как выразился неизбежный Пушкин устами якобы Моцарта:

Нас мало избранных
Счастливых праздных

Сам Стас радовался, что ему позволено идти «срединным» путем: пребывать в относительном достатке, но и думать иногда о НЕБЕ.

Леха на презентацию пришел в старом клетчатом пиджаке, из нагрудного кармана торчала подозрительного вида розовая тряпочка. Среди присутствующих были поэты-завсегдатаи этого зала, причудливо деформированные жизнью, «окололитературные» дамы, а также юные девушки, взиравшие на поэтов с умилением. Были и люди, пришедшие сюда то ли погреться, то ли выпить «на халяву», именно такие гости во время выступлений обычно похрапывали.

Стас услышал как двое знакомых продолжали спор, начатый как минимум месяц назад: один перевел цикл «похабных» стихов Катуллы с древней латыни при помощи

изощренной матерной лексики и настаивал, что это аутентичный перевод. Другой поэт в своих переводах выражался возвышенно-иносказательно и доказывал, что русский мат и медицинское наименование половых органов у древних римлян – явления разного порядка.

Леха объявил Стасу, что тот должен будет сказать речь, и его место перед сценой.

- О чем надо говорить? – оторопел Стас.

- Придумаешь по ходу, – Леха держал его за рукав и отцепился лишь усадив в первый ряд.

Ядранка постояла среди толпы, изобразив, как издали показалось Стасу, нелепо надменное лицо. Наконец она села. Стас оглядывался, иногда махал подруге.

- Друзья, - начал Леха, немного повоевав с микрофоном. – Все успели полистать альбом?

Несколько экземпляров книги передавали из рук в руки по рядам.

- Если техника позволит, посмотрим небольшой фильм.

Леха подошел к роялю на сцене – в одной руке бокал шампанского, другой рукой взял несколько аккордов.

На экране появились снимки средневековых построек в Португалии: замки Томар и Батталья, возведенные в 14 веке, более ранний замок в Лейрии и собор в Алькобасе. Леха вслух рассуждал о том, по каким причинам эти творения мало известны в Европе. Португалия была для Лехи и Стаса общей страстью, с той разницей, что Стас прожил там несколько лет, а Леха был неделю. Затем перед зрителями возникли замки и улицы Праги.

- Европа начала семнадцатого века ухмылялась: Рудольф Другой сошел с ума! Даже сегодня пишут, что он был ненормальным, а под конец жизни окончательно спятил. Он, видите ли, не хотел никого принимать. Подозреваю, Рудольф был настолько вменяемым, что нежелание видеть глупые рожи – выражал свободно! Каков же итог его жизни, правления? Великая Прага, гармоничный центр Европы! Разве можно сравнить такой памятник с итогами деятельности других, так называемых нормальных правителей?! Один, всего один человек подарил нам «злату Прагу», и его до сих пор обзывают! Где справедливость, господа?! Любые - законодательные или военные – достижения других монархов кажутся жалко-незначительными по сравнению с тем, что он сумел сделать. Кто это понимает? А я желаю, – он отпил шампанское из бокала, - добиться правды!

Она в том, господа, что имена живописцев и зодчих, а также великих поэтов и композиторов остаются в истории дольше, чем имена политиков, и тем более финансистов, даже самых талантливых. Творцы в миру часто живут тяжело, а в веках они самые почитаемые персонажи. Те же, кто при жизни имеют все, добрую посмертную славу могут заслужить, только если помогали кому-то из творцов. Мы никогда бы не вспомнили Лоренцо Медичи, Франциска Первого Французского, Рудольфа Второго, если бы они многие свои сокровища не передали художникам. Кем был, к примеру, Людовик XIV? Абсолютным монархом, величайшим правителем Европы, но имена Люлли и Мольера мы вспоминаем чаще, ставим их на один уровень с бессмертным именем короля. Мольера даже выше, если такие вещи можно сравнивать. В новейшие времена этот ряд можно продолжать до бесконечности. Пегги Гуггенхайм с ее музеем – да кто бы знал, кто она такая, лишь музей ее прославил, и кто бы помнил имя миллиардера Сороса, если бы не его фонд? Мало ли денежных мешков живет по всему свету! Или взять наших меценатов, потомков купцов-миллионеров... славное поколение благотворителей получилось, господа. Бахрушин, по-моему, Бахрушин сказал: «деньги есть большая ответственность». Чутье вселенской истины, натренированное поколениями старообрядцев, подсказало им, что только такой памятник можно себе выстроить, он будет надежным вложением, и не пострадает ни от смены власти, ни от мародеров, ни от инфляции. Во какой памятник соорудил себе Третьяков! А Сергей Иванович Щукин...или Савва Морозов,

например...думаю, философия меценатов России на грани девятнадцатого и двадцатого веков станет темой следующего альбома.

Леха сел за рояль, сыграл фрагмент этюда Рахманинова. Бурная музыка соответствовала темпу его речи, было похоже, что это Леха продолжает темпераментно звучать. На экране появились алтари Нигулисте.

- Видите? Это так называемый алтарь Черноголовых, мы видим тридцать коленопреклоненных олигархов конца XV века. Черноголовые всегда вкладывали в искусство огромные деньги, и поэтому память о них сохранилась. А вот главный алтарь Нигулисте. Сегодня стоит как минимум 50 миллионов долларов... в раскрытом виде ширина его больше шести метров, не только роспись, но и 77 деревянных скульптур. За это тоже заплатили Братья Черноголовые. Как вам? – Взгляд Лехи светился.

Распорядительница вечера, моложавая женщина Лена, делала оратору отчаянные знаки, он не реагировал. Тогда она встала и включила свет. Сощурившись от света люстр, Леха начал испуганно оглядываться, будто очнулся. Но не замолчал:

– Большие деньги попадают к человеку не просто так – это доверие Господа, которому ничего не стоит позволить даже идиоту за неделю заработать миллион. Деньги большие, как я понял, даются с одной целью...денежный товарищ, мешок этот...должен отдать их на искусство. Точно говорю, аккумулировать и отдать. Если он сделает это – то останется в памяти истории, не сделал – будет стерт из популярных хроник.

Лена, по-прежнему улыбаясь, махала Лехе двумя руками, но он смотрел поверх ее головы. Ей пришлось повернуться лицом к публике и сказать со звонкой интонацией пионервожатой:

- Друзья, прервемся ненадолго, а потом зададим автору вопросы.

- Не расходитесь, мой друг хочет сказать что-то! – Воззвал Леха пронзительно, как о спасении.

До Стаса дошло, что Леха указывает на него:

- Расскажи нам, что ты почувствовал, когда снимал алтари в Таллинне.

Стас попытался вспомнить свою съемку.

- В Нигулисте я попал в своеобразный треугольник между алтарями и картиной. Алтари – это посыл в вечную жизнь, молитва животворящая, а рядом с ними висит картина «Пляска смерти». Для нас, обычных людей, это два полюса земного существования, вход и выход.

- И там гробница герцога де Круа... - подсказал Леха.

- Да, при Петре жил герцог, с которым случилась история.

- А ты понял, почему с ним такое случилось?!

- Что? В общем, там есть плита, и под ней погребен этот забавный персонаж, действительно.

Вдруг Стасу стало ясно, что именно произошло с ним самим в Таллинне, в точке между алтарями и картиной.

- Давайте поговорим после перерыва! – вновь призвала Лена.

Люди шумно поднялись, образовали небольшую толпу, которая перетекала через узкую дверь в холл и далее в тесный буфет, там желающим наливали шампанское в одноразовые стаканы. Стасу хотелось остаться одному, он решил, что неплохо бы стрельнуть сигарету. И услышал скрипучий голос матери:

- Хорошее издание. Дорогое?

Варвара поцеловала Леху троекратно, приподнявшись на носках.

- И слушать тебя было интересно, а вот познакомься, моя новая ученица. Стас, подойди.

Рядом с матерью стояла маленькая девушка с синими глазами и косой из светлых волос. Стас засмотрелся, не в силах понять - что именно не позволяет ему отвести взгляд.

- Очнись, это Маруся.

Девушка спокойно смотрела в глаза Стасу.

- Приехала из Таллинна. Правда прелесть? – Варвара с нежностью смотрела на ученицу.

«Она чем-то напоминает Ларису, - отметил Стас, - я не имею права не додумать ту мысль, что вспыхнула три минуты назад, когда я был на сцене! Но что это была за мысль?! Еще немного – и упущу ее...».

- Маруся приехала поступать в театральный. Очень талантлива, уверяю тебя! Хотя в этом году не поступила, пошла на платное, но мы с ней работаем, немножко убираем этот акцент... где Ядранка? – оглянулась Варвара.

Стас обошел небольшое помещение, даже заглянул в курилку, но его подруги не было. Оказавшись снова в полупустом зале, он увидел, что его мать и Маруся вдвоем рассматривают альбом. Ядранка сидела одна в закутке за колонной. Стасу стало ее жалко:

- Яца, - сказал он как можно ласковее, - иди к нам.

- Не хочю, - прогудела она басом.

- Прости меня, Яца, видишь, Леха хотел, чтобы я выступил, а я не додумался посадить тебя рядом. Прости, - повторил он. Ядранка опустила голову, пряча глаза за пышными локонами. – Идем, неудобно, мама тоже ждет тебя.

Она, наконец, подняла лицо, и Стас увидел тот самый гнев, который хорошо запомнил во время их первой прогулки.

- Ты там, про мене забуровил – и важи! – Ядранка взмахнула кистью руки.

- Не будь ребенком, я не забыл про тебя, - Стас наклонился, нежно поцеловал сначала ее руку, потом ухо. – Пойдем, милица моя.

- Важи, - повторила Ядранка и встала, даже попыталась улыбнуться, но получилось криво. Он взял Ядранку под руку и подвел к Варваре.

- Я вас оставлю, - наконец, смог сказать Стас.

Он вышел на улицу без куртки, хотя за дверью была темная, снежная поздняя осень. Старый двор, высокий мрачный колодец, был местом тишины. Если выйти из арки, то увидишь суету и огни, погрузишься в грохот. Если вернешься в помещение, тоже попадешь в гудящую толпу. Посередине было необыкновенно пусто. Тихо. Чистый снег, падая с небес, стремился принести чистоту и радость, но не выдерживал напряжения мегаполиса, и, долетая до земли, сдавался, растекаясь жижей. Стас закурил сигарету и стал думать о том моменте, когда он в Нигулисте почувствовал нечто странное.

В голове не было ничего похожего на озарение, что ему почудилось на сцене.

Показалось. Пригрезилось, что в голову пришло что-то значительное, а его не было и в помине.

И – Стас вдруг безо всякой паузы начал понимать – мысль-то очень простая: в зазоре между жизнью (алтари) и смертью (картина) он оказался в самой *своей* желательной реальности, в других точках его существования она не проявлялась. По какой причине? То ли когда-то он ошибся, свернул не туда в лабиринте жизни. То ли так и было задумано для узора их с Ларисой истории – постоянно общаться в не-материальной действительности. Очевидно, в этой геометрической задаче был задействован город Таллинн, и в нем - Нигулисте.

Мысль про «портал» пришла мне в голову, когда в зале Чеховского центра появилась девушка из Таллинна. Наверное, Маруся напомнила мне Ларису двадцать лет назад. Может, все девушки, выросшие в Таллине, похожи друг на друга? А с чего я начал думать про портал? Да, герцог де Круа. У Лехи чутье на мистику-эзотерику. Герцог замунифицировался потому, что его уложили в зоне между жизнью и смертью. Де Круа вышел из жизни, но никак не мог войти туда, куда направлялся, застрял между. Интересно, Небо над рукотворными значимыми местами, такими как Нигулисте, храм в Дельфах, Стоунхендж, - отличается чем-то? Цепляют ли эти сооружения облака каким-то особенным образом? Может, сделать такую серию снимков НЕБА?

- Станислав! Станислав! Шта ты радишь? – На крыльце появилась Ядранка в шляпе и мягкой голубой шали, намотанной поверх пальто.
- Сейчас начнется вторая часть, вернемся в зал, - Стас сильно замерз.
- Идем.
- Куда?
- Домой, - сказала Ядранка будничным тоном и стала спускаться с крыльца, ее поступь из-за высоких каблуков выглядела нелепо торжественной.
- Лучше выпьем шампанского, я тебя со всеми познакомлю, - Стас попытался взять ее руку, чтобы поцеловать.
- Нет, голова болит, - Ядранка убрала руку и шагнула вперед. – Я тебя жду здесь, жду. «Она права, - думал Стас, надевая куртку. – Оставил ее одну, любая бы на ее месте обиделась».

Часть зрителей снова пришли в зал, из открытой двери было слышно как кто-то виртуозно играет «Музыку воды» Равеля. Остальные были в буфете и оживленно разговаривали. Маруся сидела за столом рядом с бывшим редактором знаменитого советского журнала.

- Стасик, ты куда? – Варвара вышла к нему из буфета, помахивая пустым мундштуком.
- Ядранка плохо себя чувствует, мы уходим домой.
- Она странная: мы пьем чай с коньяком, зовем ее, а она пропала. Тебе понравилось?
- Леха не умеет останавливаться. Начинает говорить о вещах, которые можно обсуждать только на кухне где-нибудь.
- Для разнообразия нужен и такой человек.

Ядранка ждала его в арке, смотрела на Пушкинскую площадь, похожую на пылающую сковородку. Они пошли домой пешком: по трубе, затем через Палаши к Бронной.

Стас опять подумал, что герцога остановили в зоне карантина, требовалось, чтобы он заплатил пошлину за переход на ту сторону. А ему повезло, смог пообщаться с Ларисой беспошлинно, и двадцать лет назад, и недавно в Нигулисте. Как пассажиры в нарядных магазинах в аэропорту, tax-free. Его пронзила тоска по Ларисе.

Ядранка шла угрюмо глядя под ноги. Стас вдруг понял очень ясно, что со временем рядом с ней ему будет пусто и тоскливо. В Трехпрудном переулке Ядранка остановилась, взяла Стаса за подбородок и поцеловала в губы долгим поцелуем.

* * *

Варвара согласилась бы заниматься с Марусей бесплатно; во-первых, помочь девочке попросила Михайлина, подруга юности, во-вторых, Варвара видела сходство судьбы Маруси и собственной. Девочки покорила ее, заявив, что непременно хочет платить за уроки по общим расценкам, она мыла полы в двух московских театрах. Варвара все больше убеждалась, что они с Марусей похожи.

Занимались дикцией и основами сценической речи два раза в неделю. Для обеих удобным временем было раннее утро. До презентации Маруся ни разу не встретилась с Ядранкой, однако с того дня их встречи в Варвариной квартире стали происходить постоянно.

Ядранку злило, когда Варвара ради ученицы затевала на кухне чай, ей же приходилось бесшумной тенью присутствовать в других комнатах, ее не приглашали. И кровь девушки закипала от обиды и ревности, когда она слышала их болтовню, смех...

Ядранка постоянно пребывала в плохом настроении; даже имея власть над Стасом, она не смогла привязать к себе Варвару - старуха нашла себе новую подругу.

- Подожди, - Варвара перед очередным занятием открывала тетрадь, - сперва надо записать расходы, деньги испаряются неизвестно куда, это называется склероз.
- Нет, - заулыбалась Маруся, - только не у вас.
- Детка, у меня тотальная депрессия.
- Вы активная и веселая, у вас не может быть ничего плохого.

- Откуда ты можешь знать, ребенок?

- У вас глаза светятся. Мой папа, такой хороший, но несколько месяцев только сидит и клеит корабли, из дома почти не выходит, говорят, это и есть – депрессия.

- Не сбивай меня, я считаю деньги, - Варвара тут же отвлеклась. - У меня в Черногории, в Будве, есть квартира, вот брошу все и уеду туда на две-три недели, - она взяла в руки связку ключей с нарядным брелоком, - каждое утро смотрю на них и мечтаю как буду гулять по набережной, сидеть в кафе, глядя на море... Ядранка, слышишь? Мы говорим о нашей Будве!

Ядранка поливала цветы в гостиной.

- Па да, про Будву, слыхам, - отозвалась она неохотно.

- Маруся, - загорелась Варвара, - поедем вместе в Черногорию! О билетах не беспокойся, мне достают дешевые. Я покажу тебе такую красоту! Посмотришь эти фотографии, и тогда не сможешь отказаться.

Начались холода. Варвара, жалея Марусю, которая ходила в тонком пальто, купила ей дубленку, и на занятии, вглядываясь в лицо ученицы, обдумывала, каким образом подарить обновку. Варвара решила посоветоваться с Ядранкой.

* * *

Стас винил себя, что их отношения с Ядранкой с самого начала не были хоть отчасти романтическими. Он принес из материнской квартиры книги и альбомы по искусству, купил билеты на органнй концерт. Было холодное начало декабря, на концерте в протестантском соборе они сидели, не снимая верхней одежды. Играли часть Рождественской оратории Баха: хор Московской консерватории, несколько солистов из разных стран, хороший органист. Стас погрузился в музыку и забыл о Ядранке. Когда он очнулся и взглянул на подругу, то ему показалось, что она напряжена, возможно, ей было трудно воспринимать мощные звуки. И все же – решил Стас, - здорово, что они пришли вдвоем. Он снова закрыл глаза, чувствуя как душа улетает.

Оратория разбредила и душу Ядранки: нахлынули эмоции, самой сильной была злость. Дубленка, подаренная Марусе Варварой, уже несколько дней не давала ей покоя. Больше всего обижало, что за все время знакомства Варвара не сделала ей ни одного сколько-нибудь значительного подарка. Девчонка из Таллинна расчетливо и явно втиралась в доверие московской барыни, и Ядранка не собиралась с этим мириться.

Хорошо бы, думалось ей, попасть опять к которской бабке. Но когда? Разве что подруга сможет раздобыть ее мобильный. А сможет бабка помочь по телефону? А если по скайпу? У которской бабки Ядранка побывала в самом начале знакомства с Варварой. Измучилась тогда Яца с бизнесом и с кочевой жизнью, сезон прошел без прибыли, бывший партнер требовал у нее долг, угрожал, - в общем, дела шли хуже не бывает. И как раз знакомая рассказала про бабку Драгану из Котора, колдунью. Бабка водила руками над водой, налитой в горшок, поплевывала туда вроде бы. Потом попросила у Ядранки снять кольцо и нательный крест, длинный волос, все это тоже положила в воду, опять бормотала, будто поглаживая водную поверхность, делала это долго. Строго спросила Ядранку:

- Хочешь что? Дитя?

- Нет. Есть у меня сын. Доста.

- Помогу тебе, помогу.

Больше бабка почему-то ничего не спросила. От бормотания перешла к подвыванию, тихому, но жутковатому. И над водой махала черным головным платком. Ядранке стало страшно. В Которе и так всегда ощущение присутствия чего-то потустороннего, а тут еще наяву видеть танцы колдуньи – знамо страшно.

- Вижу деньги, - сказала бабка Драгана наконец, сощурилась близоруко, глядя в воду, -

ты в большом доме хозяйка. И ёш...не знам шта биче. Ты такая, что имеешь право, делай что хочешь, удача будет всегда.

Услышанного было достаточно, на душе полегчало. Про личную жизнь Ядранка в тот момент не думала, к тому же растерялась, поэтому ни о чем Драгану не спросила. О чем теперь сожалела. Но в Котор можно и съездить, хотя жутковато все же. Воду, над которой колдовала, бабка Драгана велела забрать и вылить на живое существо – на кошку или на собаку.

- Но не в граде, – велела она, - Подальше-то.

Воду перелили в пластмассовое ведро, которое Ядранка принесла с собой, как и велели. От бабки она сразу поехала в бухту Яз, на большой пляж – и плеснула воду на бездомную собаку. Собака долго потом болела, но выздоровела, жива осталась.

После концерта по дороге к метро Ядранка взяла Стасу под руку, ласково улыбнулась.

- Хвала тэбе. Я одушевилась.

- Давай ходить сюда каждую субботу. А до этого, с утра – в какой-нибудь музей, давай? Потом пообедаем где-нибудь в центре, еще погуляем – и будем слушать музыку.

- А машину купим?

- Конечно. Со временем. Ты умеешь водить?

- Стас?

- Да, Яца моя.

- Девочница, девчонка эта, которая у Варвары...

Стас поразился ее чуткости: во время концерта он думал о Ларисе, об органной музыке в соборах Таллинна, потом вспомнил про Марусю, она для него словно посланец от молодой Ларисы...

- И что, Яца, с этой девушкой?

- Ништа. Как ее зовут.

- Маруся, кажется. Мария.

- Жадная она.

- Почему?

- Не знам, почему. Жадная и все.

- Почему ты так решила, Ядранка?

- Спроси у своей матери, почему она дарит ей шубу. А мне! Даже пуговицу не дала, хотя я...с тобой.

Стас от неожиданности остановился, выдернув руку из-под локтя спутницы. На щеках ее горел яркий румянец, появившийся от гнева или от мороза, в любом случае румянец украшал Ядранку. Стас вспомнил сербское слово «любомор» - «ревность», поражавшее его точностью, не слово, а целая философия. Ревность как смерть. Но потом он почувствовал, что в душе Ядранки живет боль, она боится, что ее отвергнут, сочтут недостойной, недостаточно образованной. Стас просто сказал:

- Ладно, Яца моя, не беспокойся. Они сами по себе, а мы – сами. Что тебе до этой девушки. – Захотелось погладить ее по волосам, она в своей детской обиде казалась беззащитной. – Не будем больше говорить об этом, хорошо?

На следующий день Стас поблагодарил судьбу за то, что Яца взяла кредитку и отправилась за новыми тряпками.

Мать пригласила его на завтрак. «Пообщаешься, наконец, с Марусей», - предупредила Варвара, она успела разлить по чашкам кофе – и исчезла разговаривать по телефону. Стас и Маруся сначала молча ели лимонный пирог, также приготовленный его матерью.

- Вы давно из Таллинна? – спросил Стас, почему-то робея.

- Летом, в июне приехала.

- А раньше...

- В Москве не бывала.

- Ваши родители – русские?
- Мама русская, отец эстонец.
- И кем вы себя считаете?
- Обязательно считать себя кем-то?

Стас смутился.

- Конечно нет.
- Главный вопрос...люди зациклены на национальном разделении. Определении. Это не глупо разве?

«Права Ядранка, - подумал он, - девушка эта, по меньшей мере, не застенчива».

- Как вам здесь?

- Сейчас нормально. А первое время смотрела на небо часто... - Маруся замолчала, накручивая кончик белесой косы на указательный палец. Глаза у нее ярко-голубые, пожалуй, даже синие, - думал он. - Брови будто рассчитаны на более крупное лицо. Она красавица, определил Стас, из тех девушек, чью красоту не столько видишь, сколько чувствуешь, и даже боишься рассматривать.

- На небо, почему?

- Было ощущение, что вокруг все чужое, и только там, я хочу сказать, только глядя в небо, успокаиваешься, будто видишь родное...представляла, что вижу небо как над Таллинном, и что облака приплыли как раз оттуда. Небо объединяет людей. В отличие от государств и национальностей.

Стас оторопел.

- Поразительно. Часто думаю об этом, когда снимаю облака.

- В Москве снимаете?

- Везде, где бываю, в конце июня снимал в Таллине.

- Почему вы это делаете?

- Ищу, может быть. Что-то необычное. Это ведь постоянный, но ежеминутно меняющийся объект, больше нет таких вокруг нас...куда разнообразнее телевизора, - Стас впервые пытался кому-то объяснить свою страсть. - Нам внушили, что небо банально, что ничего значительного мы в нем усмотреть не можем.

- Море еще тоже, - воодушевилась Маруся, - я с ним в особых отношениях, как и папа. «Лариса любила море, - вспомнил Стас, - она разговаривала с ним».

Варвара, наконец, вернулась.

- Можно посмотреть ваши снимки неба? – попросила Маруся.

- Нет, детка, он никому... - мать хотела вмешаться, но ей снова позвонили.

- Будет ли интересно, но конечно...пойдемте покажу.

- Мне интересно.

Ее прямота начинала нравиться Стасу: в пространстве такого человека, умеющего откровенно высказать свое мнение или желание, легко находиться.

В жилой комнате студии был беспорядок, повсюду разбросаны вещи Ядранки, Стас торопливо закрыл туда дверь. Они смотрели снимки в лаборатории, Стас впервые показывал архив Неба, где цветные и черно-белые снимки были аккуратно рассортированы по годам, по странам, по городам, по времени года и суток. Маруся перебирала фотографии, он в полумраке украдкой рассматривал ее лицо с правильными мелкими чертами, уже не думая, что она похожа на Ларису. И все же лицо было ему словно знакомо.

- А снимки Таллинна можно посмотреть? - произнесла она.

- У меня почти ничего не получилось.

- Можно увидеть то, что «почти»?

Он достал эти снимки, уже отпечатанные, и вдруг вспомнил:

- Может быть, летом из Таллинна мы ехали с вами в одном поезде? Вы были с мальчиком, вас провожали родители...

- Меня провожал только отец. И еще брат. Наверное, это была не я. Но я действительно уезжала со своим молодым человеком, - Маруся даже не улыбнулась. И все же Стас остался в уверенности, что видел Марусю. Он поставил диск с

кантатами Баха.

- Вот съемка в Пекине, в городском парке, там красивые пруды. И здесь в Москве. Небо, отраженное в воде Патриарших. Мне нравится эта пара, небо и вода, интересно снимать один и тот же фрагмент в двух отражениях, то есть измерениях... Иногда в воде появляется иное небо, не такое как над ней. Как вода лежит на земле, и непонятно, что ее удерживает, так и небо опирается на воду. Мне интересно, изменяет оно воду или нет. Структуру, может быть.

- Но воды без неба не бывает.

- Не бывает. Это правда. В природе нет такого, в домах только. Или в бассейне, и она там неживая.

- Вы пробовали лежать на спине в море и смотреть на небо?

«Так любила делать Лариса, - вспомнил Стас. – Может быть, она тогда говорила мне об отражениях? Может, это она заразила меня НЕБОМ?».

- Самое трудное, когда лежишь, смотреть внимательно вверх, почему-то редко получается, - задумчиво проговорила Маруся. – Тебя начинает колотить. Наверное, потому что ты своим телом разлучаешь море и небо, может, они этого не любят, и когда лежишь между ними, да еще с открытыми глазами, тебя трясет.

- Здесь на Патриарших лебеди плавают по облакам. Когда я их снимал, вспомнил, что древние гадали по внутренностям птиц, и потом понял почему.

- Но это было наивно.

- Иногда то, что кажется наивностью – лишь утерянное знание. Птицы связаны с тремя стихиями: с небом, водой, и с землей, конечно. И та энергия, что они способны впитывать в полете – может, и есть информация, которую искали и находили жрецы...отпечаток информации в птицах...может, и прошлое и будущее крутится в небе, а они выхватывают.

- Информация, отпечатанная в гусиной печени?

- Но...каким-то образом все наверняка связано. Может, именно в птицах.

Они слышали как открывается входная дверь.

- Э-хе, то я! – прогудела Ядранка весело, сбрасывая в коридоре шуршащие пакеты. Стас поднялся, чтобы ее встретить. Маруся осталась за столом, задумчиво составляя из фотографий пасьянс.

8.

Лариса сидела посреди комнаты обставленной по-спартански в маленькой гостинице московского представительства железных дорог Эстонии. Приехав наконец в Москву, она не чувствовала ничего, кроме робости перед чуждым мегаполисом, он сразу забрал всю ее энергию. До вечера оставаясь в номере, она вставала лишь для того, чтобы налить себе воды или прибираться.

«Как Маруся живет здесь уже полгода?», – подумала она и улыбнулась, вспомнив, как легко ей самой удалось адаптироваться здесь в восемнадцать лет. «Теряешь способность воспринимать новое», - сказала она своему отражению в зеркале туалетной комнаты. Они договорились встретиться с дочерью на Манежной площади, и Лариса, несмотря на декабрьскую темень и гололед, решила дойти до места встречи пешком.

Что изменилось в Москве? Масштаб появился нечеловеческий, с раздражением думала Лариса, это город, устроенный для машин, именно они тут тусуются, звучат, спят на тротуарах, двигаются по городским артериям и вовсю пускают газы. Несметное количество автомобилей – проявление постсоветских комплексов местных людей, которые долго были лишены возможностей буржуазного потребления, и когда дорвались, - потребление приобрело карикатурный размах. Что-то жалкое есть в стремлении каждого человека заключить себя в передвижную металлическую капсулу. Ее пугал этот город неопределенной формы, всегда расплывающийся.

Лариса поймала себя на том, что думает про жителей Москвы, и вообще жителей этой

страны - отстраненно, как о чужих, такого раньше с ней не было. «Эти русские», - когда она слышала такие слова дома в Таллинне, ей было неприятно. Но сегодня ей здесь многое казалось лишним чувства меры, бестолковым, что ли. Раздражало, например, что при первом морозе на улицах появилось огромное количество шуб, «выход зверей», определила Лариса. Конечно, в Москве холоднее, чем в Таллинне, но массовая демонстрация скальпов животных...нельзя ли хотя бы попытаться не носить на себе шкурки убиенных?

Лучше стало то, что некоторые здания, которые она помнила умирающими, были сохранены и восстановлены. На улицах чисто, в центре появилась предрождественская нарядность: гирлянды, елки, много огней. «Но уютности, которая живет в Таллинне, делая повседневность более сносной, здесь нет в помине», - определила Лариса. Новое, чего напрочь не было здесь раньше – кафе и рестораны, даже предположить было нельзя, что когда-нибудь в Москве можно будет поесть на каждом углу. Цены жуткие.

Она впервые осмотрела ансамбль Манежной площади, он неприятно поразил; фигурки, изображающие персонажей русских сказок, показались ужасными. Скульптуры в ямах замерзших фонтанов напоминали о советских детских садиках, их соседство с архитектурой Кремля выглядело анекдотично. «Деревенская эстетика», - Лариса снова заметила, что оценивает город сторонним взглядом и слишком критично.

Не сочувственно, это точно. Наконец она увидела Марусю, одетую в пальто, кончик изящного носа дочери был красным, светлые волосы выпущены. Обычно прямые волосы сейчас лежали жесткими завитками, будто она только что распустила косу.

- Привет, ...волосы какие длинные. Тебе же холодно в берете, красавица моя.

- У меня теплый шарф. Ма, ты тоже хорошо выглядишь, - дочь ответила ласково, но от материнских рук уклонилась.

Какой красивой актрисой станет ее дочь!

- Выпьем кофе, согреемся заодно, - Маруся вела мать под купол торгового центра.

- Видела мишек косолапых в бронзе, Руся?

- Кошмар.

- На центральной площади! Так ты все же приедешь на Рождество домой?

В кафе Лариса разглядела, что Маруся похудела килограмм на семь.

- Не могу, возникли новые обстоятельства. Папе я пишу и буду звонить. И тебе, ма. Но пока должна решить некоторые дела, потом, когда решу...

- Я могу узнать подробнее? Чем-то помочь... – Лариса старалась не показать, что расстроена, дочь поразила ее собранностью и даже непреклонностью.

- Могу только сказать, что жизнь повернулось неожиданно... Ты долго здесь будешь?

- Неделью или дольше, думала, ты поживешь со мной в гостинице, походим по музеям, по магазинам, и деньги у меня есть. Договорилась с директором нашей гостиницы, ты можешь не стесняться.

- Сложное время сейчас, сессия скоро...я могу быть с тобой часа два... наверное, каждый день. Или через день.

Лариса видела нежность в глазах дочери, но осознавала также, что дочь не хочет впускать ее в свое «взрослое».

- Так ты не поживешь со мной, Руся? – повторила Лариса, и сама услышала, что голос звучит жалобно.

- У меня сейчас...важный проект. Потом расскажу. Так у тебя в Москве какие-то дела?

Дочь стала сильная и – Лариса старательно гнала от себя слово, которое назойливо вертелось в голове – бессердечная? Нужно, чтобы у меня были свои планы. Девочка права.

- Пойду в одно издательство, они предлагали мне книжку, чтобы я написала...уже есть план. Знаешь, после той статьи о теннисе...

- Ты присылала журнал.

- Московское издательство сразу тогда предложило книгу, так что у меня будут переговоры, - Лариса говорила бодро.

- Мам, это интересно!

- И потом, у меня здесь были знакомые. Когда училась в институте. Хотела бы их найти, вернее, попытаюсь... И все же я думала, что мы пойдем в гостиницу, проживем вместе эти дни, - снова не удержалась Лариса.

- Мне надо бежать. Купи московский номер для телефона, чтобы мы могли разговаривать.

Ларисе показалось, что дочь обращается с ней как с младшей. То я ее водила за руку, теперь наоборот дочь способна поддержать меня под локоть. Не надо караулить ее судьбу, мне бы свою сделать более звонкой.

- Хотя бы посмотрим тебе теплое пальто или дубленку, Руся.

* * *

На следующий день Лариса, несмотря на декабрьскую темень, встала по-эстонски рано. Купила московскую сим-карту, позавтракала в кафе на Суворовском бульваре и отправилась по книжным. Магазины были богаты, в каждом толклись люди, - в будний день, с утра пораньше! Лариса не забывала просматривать книги издательства, которым руководил Александр Иванович Калинин. Изданий о теннисе других издательств, к ее разочарованию, было немало, но такой книги, какую могла написать она – точно не было.

Калинский за последние недели не звонил, но они успели обсудить структуру книги и первую главу подробно.

У полки самого большого книжного она набрала номер издательства. Услышав имя и сообщение о том, что Лариса специально приехала из Таллинна, секретарша сказала, что ближайшие две недели директор в Москве не появится, пообещала при случае сказать шефу о звонке.

Ну вот и все. Лариса из магазина выскочила на мороз, быстрым шагом пошла куда глаза глядят. Еще не хватало расплакаться. Мало ли начинаний, особенно в этой области, умирают. Чуда не произошло, а оно вообще с ней хоть когда-нибудь, хоть раз – происходило? Она шла, и вспоминала разговоры с издателем, перебирала свои мечты. Что не понравилось загадочному Калининскому, почему он передумал? Ведь никто не тянул его за язык! Почему мое чудо никак не выявляется, какая часть меня мешает ему выйти в мир?

Лариса попала на Чистопрудный бульвар. Молодые ребята сидели на спинках скамеек, поставив ноги на сиденья, запорошенные снегом. Может, секретарша не в курсе планов шефа? Лариса пожалела, что у нее нет личного телефона издателя – он у нее был, но случайно остался в Таллинне, где-то в бумагах. Лариса набрала еще раз номер секретариата.

- Извините, - сказала она. – Дело в том, что Александр Иванович несколько раз звонил мне в Таллинн и сам предложил написать книгу, занимательную книгу о теннисе.

- Я уже поняла. Его нет в Москве, - в тоне слышалось раздражение.

- А вы не знаете – что с нашим проектом?

- Каким проектом?

- С этой книгой...

- Вы подписывали договор с нашим издательством?

- Я ведь живу в Таллинне, только вчера приехала, – Лариса сама почувствовала, что ее голос дребезжит.

- Какая разница где вы живете, если есть конкретная договоренность, мы переписываемся с автором по мэйлу...

- Простите.

- Даже и не знаю, как вам помочь, - секретарша подобрела, - Дайте на всякий случай номер вашего мобильного.

Лариса присела прямо на заснеженную скамью. Зачем жизнь показала эту возможность? Для чего, спрашивается, дала обещание и тут же обманула? У Маруси

нет для меня времени, дела с издательством оказались фикцией. Моей, видите ли, фантазией. Какая я невезучая. Никчемная! Лариса бежала по скользкому бульвару, переходила через улицы, и снова бежала куда глаза глядят.

В палатке на бульваре она купила килограмм мандаринов, вдыхала их запах. Аромат - чудо, которое не обманывает, думала она, чистила и ела любимые плоды детства.

Взяла оранжевую корку, сжала пальцами, брызнув себе в нос тонкий пахучий фонтанчик, в носу защипало, Лариса позволила себе расплакаться.

Почему я не могу вспомнить человека, который бы мне помог, сделал путь более легким... Так устроено природой, что стоит любому мужчине начать что-нибудь творить – только начать – устроиться с этюдником на лужайке или написать пару удачных статей, как рядом обязательно появится добровольная помощница, и не одна. Будут ухаживать, и будут не жалея тратить время и нервы на то, чтобы обеспечить ему условия для работы. А если женщине придет в голову сотворить нечто, то будь добра, сначала выполни хозяйственные обязанности, потом заработай на жизнь себе и семье, ну а потом твори, если можешь. Если силы останутся хотеть...

Скитаясь в Москве, глядя под ноги, она вспоминала о таллинском снеге на старинных камнях, о снеге, который способен украсить Рождество, если выживет. Она с юности думала об этой «промежуточной стихии»: снег получается из воды, жжет как огонь, летит и насыщается воздухом и ложится на землю. На Большом Каменном мосту она замерзла и побежала, стараясь не поскользнуться и бормоча свое давнее стихотворение, из немногих, что помнила наизусть.

Опять нам посылают снег
Чтоб выпил эту грязь, впитал
И он, изнемогая постепенно
Становится похож на все, чем мы живем

Ложится грязью под ноги покорно
Истаивает горькими слезами
Стелится гололедом, проклиная
Он знает - не бывают благодарны
Те существа, которым жизнь отдал

А вдруг, а может, все-таки - не зря
И будет новый снег, и снова благодать
На ночь, на две - куда нам дольше
Нам слишком чисто не перенести

Перед ее отъездом Ольга заявила с бутылкой дорогого шампанского, прощбетала, что дело о наследстве Мартина сдвинулась с мертвой точки. Муж смотрел на гостью доверчиво и, как казалось, заморожено. Сама Лариса принимала возню со старыми бумагами как очередную подростковую игру, вроде случая с запиской. И отсюда, из Москвы, ситуация виделась ей лишь забавной. Жаль, если Мартин размечтается всерьез, - подумала Лариса, сама она больше не собиралась поддаваться нарядным обещаниям судьбы.

Московский зимний день, не приходя в рассветное сознание, становился суетливым вечером. Лариса спустилась в метро, чтобы вернуться в гостиницу.

В двери номера ее ждала записка от Ане: «Поужинаем вместе». Соседка приехала утренним поездом и уезжала завтра. Вскоре пришли Курбатов с букетом и раскрасневшаяся с мороза Ане в искрящейся шубе. Парочка явилась из ресторана, чтобы забрать и накормить Ларису, но та наотрез отказалась выходить, поэтому Курбатов отправился в магазин за продуктами.

- Он женат?

- Кого волнует, тебя что ли? - Ане аккуратно стряхнула серо-белую шубу и повесила на

плечики, погладила ее нежно. Лариса смутилась:

- Прости. Выглядишь ты прекрасно. Ане...можно мне завтра уехать вместе с тобой в Таллинн?

- Завтра мест нет. Только в четверг. Как дочь твоя?

- По-моему, нормально.

- Вот видишь.

Лариса думала с грустью, что подруга не спросила ее, почему она хочет убежать из Москвы, никому нет дела до ее переживаний. Сколько себя помнит, приходилось одной справляться. С Мартином не очень-то поделишься – он и в молодости скупко выражал свои чувства. Только со Стасом чувствовала добрую опору, только он умел утешать ее.

- Тебе не кажется, Ане, что настоящая любовь, это когда встречаешь мужчину, которого воспринимаешь как сына, отца и любовника одновременно? Такое триединство на земле - это редкое чудо.

- Ты про... - Ане кивнула в сторону двери.

- Нет, о своем...у тебя не знаю как.

- Я не думаю слишком, - Ане достала из сумочки новую коробку духов и попыталась поддеть ногтем целлофан упаковки. – Зачем?

Лариса вспомнила, что давным-давно у нее не было новых духов.

Курбатов вернулся, было непонятно, каким образом он ухитрился так быстро закупить всякой всячины. «Лед и пламень», - заторможенная Ане и рядом человек, который улыбается, балагурит и действует.

Стол накрыли нарядно, Ане знала гостиницу как собственный дом, она принесла скатерть и фарфоровую посуду. Пили коньяк, закусывали фруктами, сыром и шоколадом. Лариса сразу почувствовала головокружение и неожиданно для себя стала жаловаться Курбатову на невезение. Дизайнер Курбатов смотрел на Ларису с симпатией.

- Равновесие, все дело в равновесии. И еще – делать то, что нравится или же умудриться, чтобы нравилось то, что делать надо. Что не устраивает?

- Надо деньги зарабатывать, но и...хочется понимать, что делаешь нужное или...разумное-вечное. Бывает ли так - не знаю, и в каких профессиях.

- Профессии, - все ерунда, - он налил всем еще. – Совсем от профессии не зависит, совсем! Можно быть веселым продавцом сосисок, а можно страдающей примой Большого. Ане гениальна в этом смысле. И выпьем за нее. Я называю это синдром Золушки, - эта сказка просто пособие, руководство к эффективному действию. Бедная девушка не зацикливалась на жалости к себе и не строила планы, она сосредоточенно выполняла рутинную работу и делала это весело. При этом знала чего хочет – хотела попасть на бал, но ее не заботило каким образом сие чудо произойдет. Фее-судьбе ничего не оставалось как выполнить ее мечту. И еще, наверное, самое важное – Золушка ни на кого не обижалась, не тратила попусту энергию, - ни на никчемного папашу, ни на злых сестер и мачеху. Это самый эффективный способ существования для женщины, которая вынуждена трудиться и зарабатывать.

«При чем же здесь Ане?», - подумалось Ларисе.

- В сказке упоминается, что Золушка в нудной работе использует природные стихии, когда дружит со всякими мышами и птицами, крысками.

- Золушка-даосец?

- Она деятельный фаталист. Мне нравится последняя часть сказки. Принц разыскивает ее по формально-антропологическому принципу, по размеру ноги. Ему вроде наплевать, девушка с какой душой и характером убежала от него ночью, главное – чтобы нога влезала в туфельку. Тупо. Золушка и это принимает с невозмутимой стойкостью. Во-первых, вспомните, она же ему кроме туфли не оставила никаких зацепок – адреса там или телефона. Как всегда смиренно полагалась на судьбу. Во-вторых, когда все окрестные девицы и ее сестры лихорадочно примеривали туфлю, выстроившись в очередь, - Золушка не волновалась, продолжала работать и таки спокойно дождалась своей очереди. Потому что была выше ожиданий...это сильно.

- Как это связано с Ане? – не выдержала Лариса.
  - Много лет я ездил на этом поезде, наблюдал за ней. Дай поцелую тебя, дорогая моя,
  - Курбатов порядком опьянел. – Меня восхищало, что Ане умеет делать из своих дежурств праздник. Многие на ее месте киснут, проклинают судьбу и сеют ненависть. Дурнеют быстро в результате. А она – красавица, быть рядом с ней – счастье, это гениально...и просто. Причем знаете, знаете, что я заметил в Таллинне, в Эстонии вообще? Там немало таких людей, смиренноблаженных, что ли, уравновешенных. Мне кажется, из всех моделей христианства протестантизм с его обожествлением повседневного труда был ближе всего к гармоничной модели жизни, в европейских условиях. Не без перегибов, конечно, но эту модель еще римляне пытались внедрить, вспомните эдикты Цезаря - о патриотизме, другой вердикт против роскоши.
  - А как мне быть? – Ларисе было стыдно, но хотелось сочувствия.
  - Надеюсь, вы себя не жалеете?
  - Иногда.
  - Важно действовать каждый день. Знаете, есть такая формула: для пути важно, что ты не только сегодня, но и вчера сделал маленький шаг. Главный секрет – искренне забыть о призах, награда есть внутри самого действия. Я читал о миллионере из Южной Кореи, так он каждый день рано утром выходил на обычную улицу убирать мусор и считал, что это самая важная работа для его души. Представьте: раннее утро, птицы поют, ты делаешь полезное для людей и для себя...гениально...настоящая роскошь...счастье на самом деле очень доступно. А нам даже собственный дом бывает трудно убрать.
  - У нас Лев Николаевич тоже любил попахать, - вспомнила Лариса.
- Курбатов рассмеялся.
- Что с ним не так? Единственное - пытался навязать другим свои открытия. Но многое, я уверен, он делал правильно, иначе откуда у него бралась энергия, чтобы написать так много?
  - Забирал у жены, - упиралась Лариса.
  - Тогда не стал бы от нее бегать, скажу я вам.

...Напились до ужаса, успела подумать Лариса в постели, когда за полночь ее гости отправились спать в номер к Ане. Получилась настоящая московская вечеринка с абстрактными разговорами, наполненными эфемерной значительностью, испаряющейся вместе с алкогольными парами. Рассуждали об архитектуре, блуждали в завитках и колоннах последнего тысячелетия, и казалось, говорили так интересно, что нельзя заснуть, не записав редкие по точности суждения...голова все кружилась, Лариса заснула.

На следующий день проснулась в хорошем настроении, отправилась за покупками, набрала книг, потратилась на одежду для себя и для дочери, купила духи. Позвонил Калинин, оказалось, что он в Москве. Они вместе пообедали. Затем Лариса вернулась в гостиницу, хотела было заняться статьей о лошадях – как вдруг что-то толкнуло ее, она почти побежала на Патриаршие. Было два часа дня, солнце уходило с замерзшего пруда, но все еще освещало небольшую его часть. Лариса встала под старой липой так, чтобы видеть окна и балкон студии Стаса. Во всяком случае, где раньше жил Стас. Света в них не было. Странно осознавать, насколько близко она сейчас соприкасается с его жизнью.

* * *

В самом начале их знакомства Стас подарил ей монету, обычный советский пятак, на нем была крупинка, прилипшая около цифры. Лариса носила пятак в кармане куртки, сжимала в кулаке, терла его пальцами, привыкнув к каждой щербинке. Когда она

решила уехать...господи, думала она теперь, почему все-таки я решила уехать? Стас уже не жил только на Войковской, он глупо волновался о здоровье своей матери...хотя почему глупо, пожалуй, это было и трогательно...и он все чаще оставался ночевать здесь, рядом с Варварой.

В последний раз двадцать с лишним лет назад они гуляли вокруг этого пруда в начале ноября. Было темно, мало фонарей работало. Вода еще не замерзла, плавали утки, наверное, семейство с подросшими утятами и два лебедя. Стас и Лариса печально говорили о том, что же будет с птицами, когда пруд затянет льдом. Птицы...

Лариса вспомнила как однажды летом они смотрели на лебедей, с ними был толстый Леха, его слова она запомнила: в алхимии лебедь и черный ворон – неразрывно связаны, олицетворяя противоположности. Ворон символ стагнации, и если алхимический процесс идет правильно, то приходит к дистилляции, которую олицетворяет лебедь. Дистилляция есть чистота. Стас тогда пошутил: а каким образом связаны черный лебедь и белая ворона? Лебедь действительно воспринимается всеми как священная птица, наверное, никому никогда не пришло в голову есть лебедей, или убивать...Нет зрелища более страшного чем мертвый лебедь. И еще странно: при всей, иногда буйной, фантазии людей – никто не вывел пестрого или сизого лебеда, в этом смысле птица тоже осталась священной неприкосновенной.

В другой раз гуляя здесь они со Стасом говорили о том, как менялся образ этого места, которое называлось сначала Козье болото, потом Патриаршие пруды, потом Пионерские пруды, и теперь вновь Патриаршие. И кстати – почему «пруды», если давным-давно пруд всего один? Вечный московский абсурд переименований. Москва построена кругами, и развитие ее такое же – блуждающее, лабиринтное. Кольцо Кремля, Кольцо бульварное, Кольцо садовое, завершающее огромное транспортное кольцо. Имеем станцию метро «Красные ворота» – подразумеваем «Лермонтовская», хотя сорок лет она была «Лермонтовской», три поколения к этому привыкли. Но не позволено российскому человеку привыкать, нечего ему иметь в мозгах даже подобие порядка. Многое в российской жизни раздвоено: два Рождества, два Новых года, Старый и Новый, православие и старообрядцы, - все ведь базовые понятия! В Москве абсурд доведен до головокружения, и хуже всего в этом городе ориентируются коренные москвичи, они слишком хорошо помнят прежние реалии. «Как печальный этот человечек с головой повернутой назад». Тверская – это Горького, Дмитровка – это Чеховская, Никитская – бывшая Герцена, постоянное российское «два пишем три в уме», вот вам два театра МХТ, мужской, видите ли, и женский. Заколдованные круги, которыми Россия отгораживается. Чтобы не нарушался процесс решения внутренних задач? Трудно прорваться – к российским реалиям - сквозь завесу, да и есть ли они, реалии, там, где все так заморочено? Дума, парламент, и российские чиновники с их непостижимыми законами, воспринимаются не как структуры гармонизирующие, чаще как сборище злых колдунов, пока по-другому не было. Вот и политология, и вся теория заговора: нас просто сглазили.

Когда Лариса со Стасом в последний раз гуляли на Патриарших, она сказала: «Я уезжаю», и протянула ему свой пятак, чувствуя что соскальзывает в воронку, и разумеется хотела, чтобы он остановил, вытащил ее наверх, - авторитарно, не обращая внимания на ее сопротивление.

Стас молча взял талисман, вдруг замахнулся, резко, получилось мальчишечье движение, по-спортивно красивое – пятак полетел в воду. Лариса услышала тишайший всплеск, Стас побежал к своему подъезду, и это было окончанием их истории.

Лариса поехала в квартиру на Войковскую, еще не решив: собирать вещи или отравиться. Она кружила по квартире вокруг чемодана, иногда бросала туда свои тряпки, рыдала, потом съела пачку таблеток от головной боли. Полагала, что горькие таблетки должны подействовать правильно и освободить от жизни, гадость все-таки, - и жизнь, и таблетки. Но время шло, с организмом ничего не происходило, других таблеток у нее не было. Потом Лариса услышала шуршание под дверью, будто кошка

просилась войти. Она решила, что это галлюцинация, звук все повторялся, заставлял прислушаться – наконец, она отворила дверь. Сначала увидела опущенную голову Стаса, его кудри. Он протянул пятак, тот самый с крупинкой, это было чудо и счастье, та золотистая волна осознания чуда долго оставалось самой яркой.

У них была нежная ночь, несмотря на то, что Ларисе стало плохо, ее рвало несколько раз. Спали обнявшись, иногда она просила, чтобы Стас полежал на ней, накрыл ее теплым телом. «Теперь ты можешь полежать на мне. Если хочешь», говорил он, когда она возвращалась из ванной после приступа рвоты. «Хочу», - и она ложилась, согревалась, чувствуя под собой его плечи и спину. Как два котенка, как щенки в общности гнезда.

Рано утром Лариса вспомнила про ненужный билет на таллиннский поезд. Прежде чем порвать его, спросила: «Как думаешь, если у нас будет ребенок?». Он сказал: «Давай подождем с этим. Поговорим потом, дай еще поспать». И она уехала.

...Годы спустя Лариса спустилась к пруду, где лед был расчищен под каток, подошла как можно ближе к последнему солнечному блику. Расставание – это перемены, так же как и встреча. Закат солнца – умирание дня, но мы не цепляемся за него, принимаем легко. Благодаря этой спокойной уверенности солнце приходит вновь. *Стас, с этим зимним лучом я помечаю нашу историю иным знаком.*

Барельефы вдоль дорожки у пруда изображали персонажей басен Крылова. Там были: осел, козел и косолапый мишка, мартышка с очками, слон и моська. У каждой скульптуры из зеленоватой бронзы одна деталь отполирована до золотого блеска: люди подходили и гладили хобот, хвосты и лапы, загадывали желания. Тревожная московская жизнь, поняла Лариса, делает людей суеверными – они просят везения и спокойствия везде, где могут, у кого только могут; кто в храме, кто у бронзовой мартышки, даже круглый кусок сыра во рту у вороны золотисто светился. Девушка при Ларисе потеряла морду собачки; что она просила? Верного друга? Мудрости? Решимости лаять на слона? Ладоши бронзовой обезьянки, протянутые к людям, тоже были отполированы, и Лариса потеряла эти лапки... *«Дайте мне... что-нибудь такое, что мне необходимо, и побольше»,* - улыбнулась она своему жесту.

Она побрела по Спиридоновке (бывшая Качалова), к дому Алексея Толстого и к шехтелевскому особняку, где доживал свои дни Максим Горький (изначально Алексей Пешков). «Какой все-таки литературный город Москва, здесь в небольшом квартале, - Чехов жил, Пушкин венчался; Булгаков и Алексей Толстой жили неподалеку, а Гоголь ушел в небытие, говорят, в последние минуты представлял, что поднимается по лестнице. Большинство русских писателей связаны с Москвой рождением или становлением: сильный, но расплывчатый сигнал этого города дает свободу интерпретаций, то есть побуждает к сочинительству. Вот и Достоевский прославился с Петербургом, а вырос в Москве.

«Каждый день входить в текст как в просторную квартиру, где ты не торопясь, растягивая удовольствие, делаешь ремонт. Такой как ты хочешь, все доступно, на все есть средства. Чтобы быть счастливой, не надо ждать, когда кто-то извне поддержит мое желание написать книгу».

С Александром Ивановичем Калининским она больше не увидится, и он не позвонит. Во время обеда в ресторане издатель рассуждал невнятно про то, что ищет спонсоров для книги, сочиняет письмо для Федерации тенниса, у него большие связи в спортивном мире. Сам он всю жизнь играет в волейбол. Обсуждали план издания, он что-то критиковал, что-то предлагал. Лариса разглядывала физиономию Калининского, удивляясь какой же он старый и непривлекательный. Хотя очень живой...но глаза смотрят в разные стороны; мало того, что бегают не могут остановиться, а еще и косят. У ресторана Калининского ждала машина. Когда на заднем сиденье издатель неловко подпрыгнув, схватил Ларису за подбородок и стал мелко целовать, она изумилась и едва не расхохоталась. Думала о том, сколько таких сцен повидал шофер.

- Что, Александр Иванович, белены объелись, что ли? – бормотала Лариса, быстро крутя головой, чтобы увернуться от слюнявых поцелуев. Руками она защищала колени и пуговицы на груди. Строгим голосом велела остановить машину. Ее высадили - литературный город Москва! – на Садовом кольце недалеко от дома Бери. И особняка Чехова. С Калинским Лариса не попрощалась, а шоферу сказала грозно: «Спасибо вам большое, молодой человек» - и треснула дверь со всей силы. Одна ее перчатка осталась на сиденье, и еще пакет из бутика. Смешно, конечно, очень смешно, словно детская болезнь свинка.

Как он может в таком возрасте, ему лет восемьдесят, наверное?! Да еще при шофере. Будет что рассказать Виталу. А мечта о заказной книге рухнула.

9.

До трех лет Маруся отказывалась от любой еды, до семи почти ничего не ела, потом ела только когда читала. Поскольку отсутствие интереса к еде осуждалась взрослыми, у нее сформировалась ненависть к обязательным продуктам. В детстве она будто не могла решить, стоит ли задерживаться в этом теле, нужно ли привыкать к топливу местных организмов? В начальных классах школы, прежде чем приняться за чтение, приходилось уничтожать еду, оставленную родителями для завтрака и обеда. Было стыдно, но придумать другое решение не получалось, - чтению соответствовали только варенье или конфеты, остальное отправлялось в мусорное ведро, в унитаз, за предметы мебели в детской комнате – последнее, казалось Марусе, все равно что в вечность.

Когда началась школа, Маруся поняла, что любит пребывать одна, но в одиночестве не умела управлять временем - оно бегало зигзагами или проваливалось. Самое тяжелое, что она ощущала себя отдельно, а время – отдельно, Маруся слушала его шуршание или шелест и не знала как с ним поступать. Время летало вокруг, задевая перьями по щекам, а на Марусю накатывало безволие, и неизвестно было, заведется ли в Марусе вновь механизм, обычно тикающий внутри каждого человека, моторчик, позволяющий верить, что в жизненном движении есть долг и смысл. Приходилось признать, что если кто-то рядом, то справиться со временем гораздо легче: родители умели отпугивать силы, мешающие Марусе укорениться в настоящем. Однако снова и снова тянуло остаться одной, чтобы играть в игры со временем.

Если открыть книгу, то ко времени прибавляется новое пространство.

Сколько книг откроешь, столько пространств появится, кроме книг-пустышек, которые надо еще научиться распознавать; у Маруси имелось врожденное чутье, но все же навыки требовали тренировки. Катапультироваться в пространство книги удобно с родительского дивана, в обиходе называемом «диван-кровать» (андрогин?), - его прямоугольный подлокотник, столь жесткий, покрытый лаком для мнимого сходства с зеркалом, давал возможность сидеть, часто меняя позу. Судя по всему, Марусина энергия при чтении отдавалась, а не поглощалась, потому что постоянно хотелось сладкого.

Иногда она считала, что ее болезнь в детстве была не настоящей, она придумалась, чтобы дать Марусе возможность читать и не ходить в школу. К тому же из-за болезни мама часто оставалась дома. Но спустя семь лет Марусе вдруг захотелось действовать, она поняла, что со временем можно договариваться и даже испытывать от этого удовольствие.

В шестнадцать лет Марусе казалось, что надо бы быть покрасивее, чтобы претендовать когда-нибудь выйти на сцену. Себя она считала заморышем, что в жизни совсем не мешало, - но чтобы стать актрисой?

В театральной студии выяснилось, что ни о какой сцене речь пока не идет. Это было ни на что не похожее времяпрепровождение: смешные актерские этюды, речевые упражнения и занятия сценическим движением, просто беседы. Спустя два-три месяца

занятий пришло

ощущение, что дом, школа, даже книги – лишь материал для жизни в студии. При этом в студии все вертелось не столько вокруг действия, сколько вокруг особых взаимоотношений – зависимости, соперничества, влюбленности. Из этого всего составлялся букет непреходящей радости.

Преподавателей в театральной студии было двое. Режиссер Михайлина на женщину походила мало, она была человек-гном с проворной ныряющей походкой и красноватым носом. Необычный интеллект Михайлины захватывал любого, кто с ней общался. Будто ей было открыто неведомое. Умение манипулировать людьми, столь органично проявляемое в режиссуре и очень свойственное Михайлине, - воспринималось Марусей как особый знак власти. Михайлина общалась со студийцами строго, но при этом давала понять, что видит в них, неразвитые пока, возможности *истинного* служения искусству. В том, что служение театру – высокая жертва, стоящая выше всех удовольствий жизни, Михайлина не сомневалась сама и не позволяла сомневаться своим ученикам. Ее проповеди были сродни евангельскому: «оставь отца своего и мать свою, братьев и сестер и следуй за мной».

Вторая преподавательница будто специально была приставлена к Михайлине для контраста. Елена Иннокентьевна умела быть каждый день разной, и во всех ипостасях её лицо сохраняло привлекательность, в его черты можно было смотреть как в телевизор, и жажда смотреть не утолялась, а возрастала. Непонятно было, почему лицо Елены Иннокентьевны не стало тем, чем могло стать - любимым образом миллионов людей.

Обе преподавательницы курили непрестанно, что не могло понравиться маме, знала Маруся, и потому не настаивала, чтобы родители посещали репетиции или прогоны спектаклей.

Поездка в Москву для Маруси стала возможной благодаря деятельному участию Елены Иннокентьевны: ее муж работал в правительстве Эстонии и не отказывал жене в просьбах. Девочке оформили государственную стипендию и визу. Маруся так и не решила, к кому из преподавательниц она была привязана больше: пожалуй, Михайлина влияла на неё сильнее, а Еленой Иннокентьевной Маруся без устали любовалась.

Попав к Варваре, Маруся решила, что счастливо нашла еще одну необыкновенную наставницу. Маруся мыла полы в театрах, ночевала в общежитии, ходила на подготовительные занятия и без конца повторяла упражнения для установки правильного произношения. Занималась обычно в читальном зале библиотеки или по привычке – за чашкой чая в кафе, тихо бормоча себе под нос специальные звуко сочетания. С ровесниками она общалась мало, ей было достаточно бесед с Варварой, иногда разговоров со Стасом.

* * *

Темным ноябрьским утром Маруся пришла на Патриаршие. Она заучила сложный отрывок наизусть, и также придумала к нему забавное продолжение; получилась небольшая и, как казалось Марусе, остроумная пьеса. Она хотела выплатить деньги за уроки за месяц вперед: Варвара накануне отдала ей дубленку. Маруся не смогла отказаться от качественной теплой одежды, но мечтала постепенно расплатиться за нее.

Варвара открыла дверь, произнесла сухо: «Заходи». Маруся, пока снимала дубленку, постаралась еще раз поблагодарить и подчеркнуть достоинства теплой вещи. Варвара сверкала очками и курила.

- Ты воровка, оказывается, - произнесла она тихо, когда девушка прошла в комнату, держа в руках свою рукопись. Маруся не поняла смысла сказанного, подумала, что произошло недоразумение, и оно каким-то образом связано с дубленкой. Но вдруг звонкое слово «воровка» возникло снова и зависло в воздухе комнаты.

- Но ведь вы сами, - медленно, после паузы, произнесла ученица.

- Я сама - что?! – Варвара кричала громко. Маруся не отрываясь смотрела ей в лицо. -
Никогда в жизни не взяла ничего чужого, ни копейки, слышишь?
Мир вокруг Маруси стал кружиться и при этом рассыпаться, гармонично устроенная квартира на глазах теряла форму, мебель и безделушки становились агрессивными, на них стало противно смотреть.

- Я...я выплачу деньги!

Варвара схватила свою тетрадь для записей и ткнула в лицо ученице:

- Решила, что если я ничего не помню, можно воровать? Понимаю, что трудно, -
Варвара отошла, тяжело плюхнулась на диванчик напротив, странно поводя головой из стороны в сторону, будто у нее болела шея. – Помню прекрасно, каково оказаться в Москве без родных, без поддержки. Можно жить впроголодь, убирать квартиры, попросить в долг, в конце концов! Но обманывать преподавателя? Девочка...ты остановись, - тетрадь выпала на пол, Варвара поморщилась и прижала ладони к вискам.

В голове у Маруси неявно трепыхалось воспоминание о варваринном склерозе. Вот оно, проявление болезни: подарила дубленку и забыла, а потом вдруг увидела вещь на мне. Ужас, старческий маразм.

Варвара нагнулась, неловко ухватила тетрадь, тяжело поднялась с диванчика и пошла прямо на Марусю.

- Помочь тебе хочу, хотя не знаю, поздно уже, наверное... Опомнись! Я могла бы промолчать, выслеживать тебя...только это не мое все, - говоря тяжелые слова, Варвара приближалась, Маруся неотрывно смотрела ей в лицо и думала, что же ей делать. От молчания девушки Варвара распалялась и все наступала, и махала тетрадь сильнее. Маруся вспомнила пощечину, которую дала ей мать перед отъездом. Из этого дома, от этой женщины надо уходить, успела подумать она, и сама не поняла как оказалась в коридоре. Быстро надела сапоги и дубленку, стала застегивать пуговицы...

- Убежать? Проще всего. Как же ты будешь... - Варвара Ивановна крепко схватила ее за рукав. Маруся старалась вырваться, дергая рукой, она думала о том, что сложно будет быстро открыть дверь квартиры.

- Я отдам, вот деньги... - Маруся, кое-как передвигаясь по коридору вместе со вцепившейся Варварой, доковыляла до своего рюкзака и стала в нем копаться. – Принесла.

- Ха-ха-ха, - театрально и потому особенно страшно рассмеялась Варвара, - бедная, бедная девочка. Даже не потратила. Зачем ты портишь себе жизнь, скажи?

- Вот, - Маруся протянула несколько бумажек. – Здесь часть за дубленку. Потом еще.

- Какая дубленка?! Не говори глупости! Не ври ни-ког-да! То был подарок. А это, - Варвара с силой ударила Марусю по руке, деньги рассыпались по полу. – Ты воровала, и благодари судьбу, что брала у меня, я ведь могу и никому не сказать, жалея тебя, а если бы ты попала...да ты представляешь?!

Маруся отвела руку Варвары, медленно стянула с плеч дубленку, положила ее на пол поверх бумажек. В полной тишине, подхватив рюкзак, она аккуратно обошла раскинувшуюся на полу овчину, открыла замки и вышла.

По лестнице навстречу ей поднимался Стас. Маруся молча пропустила его и побежала вниз.

- Куда...почему без пальто, вернется? – Стас вошел в открытую дверь материнской квартиры.

- Не знаю. Не имею понятия. – Варвара повесила на вешалку тяжелую дубленку, аккуратно собрала деньги и молча направилась в свою комнату.

* * *

Маруся добралась до общежития, не замечая, - идет ли она, бежит или плетется еле-

еле. Ей не было холодно, не было обидно: она находилась в прострации. Обычно Маруся составляла свой день так, чтобы уходить из комнаты рано утром и возвращаться ночью. С соседками по комнате почти не общалась, Марусе неприятна была их неаккуратность, неумение или нежелание убирать за собой. Соседки, в свою очередь, считали «эстонку» высокомерной, осуждали, что она из жадности не участвует в вечеринках.

К вечеру девушка Олеся, вернувшись с репетиции, нашла Марусю лежащей без памяти. Соседка побегала по этажу, раздобыла термометр, температура у больной оказалась поразительно высокой. Олеся сделала ей теплое питье, дала жаропонижающее таблетки и позвонила своей матери в Киев, чтобы посоветоваться, не надо ли вызвать врача. Визит врача оказался напрасным: пришла страшно усталая женщина, сказала, что больше всего похоже на грипп, сейчас эпидемия, больной надо пить кислое и лежать. Она оставила несколько рецептов, прописала дорогие антибиотики. Олеся не знала, есть ли у «эстонки» деньги, у нее самой их не было. Маруся пролежала в тяжелом состоянии пять дней. Ее поили горячим чаем и даже пытались кормить. В бреду она разговаривала по-русски – звала отца и тревожилась о мусоре, но иногда тянула непонятные фразы, наверное, на эстонском, похоже было, что она зовет кого-то.

...Маруся хорошо поняла причину последних событий, с этой причиной она в болезни и общалась. К ней приходил Булгаков, тонко улыбался, поправляя прилизанную прическу и склонив голову вбок. Она его обидела как-то, и потом забыла об этом, а он напоминал деликатно, но и мстительно.

Однажды Маруся шла мимо пруда, часов в 11 утра там народу никого не было. И к ней подошла девушка с микрофоном, немного поодаль стоял человек с профессиональной камерой. «Мы снимаем документальный фильм о Михаиле Афанасьевиче Булгакове, - обратилась девушка к Марусе. – Можно задать вам несколько вопросов?». Маруся остановилась. «Скажите, за что вы любите роман «Мастер и Маргарита»?». Постановка вопроса вынудила Марусю ответить: «Вам не повезло, я как раз и не отношусь к поклонникам романа». Девушка удивилась, но продолжала спрашивать. Марусе пришлось объяснить, что композиция романа, его сатирические части и линия Мастера ей никогда не нравились. «У меня такое впечатление, - сказала Маруся, - что раньше все были обязаны любить Маркса с Лениным, а теперь именно Булгакова, эта обязательность мне неприятна. Попробуйте в так называемом интеллигентном обществе, хотя бы в нашем театральном институте, покритиковать «Мастера и Маргариту» - такой вой поднимется! Не трожь святое. В общем, по некоторым причинам роман вызывает у меня что-то вроде неприязни». Маруся говорила искренне, и теперь не отказалась бы от своих слов, но Булгаков был недоволен...

В дни болезни Маруси в театральном общежитии произошел невиданный скандал, комендантша заведения не помнила такого: старшекурсник с третьего этажа пребывал в запое, и ночью решил пострелять из ружья по окнам особняка на другой стороне переулочка. Сама по себе стрельба в центре Москвы вызвала переполох, но кроме того, напротив было здание учреждения, отвечавшего за развитие культуры в Российской Федерации. Пьяный студент метил в окна кабинета деятеля культуры, известного на всю страну благодаря телевидению и слегка циничному обаянию. Ночью там, разумеется, никого кроме сторожа не было. С воем приехали две патрульные машины, скорая помощь, прибыли пожарные. Стрелявшего повязали и передали в руки наряда милиции, в общем, настоящая булгаковщина. Сразу после этого началась череда допросов, интервью, приехали съемочные группы от многих телевизионных каналов. В общежитии на несколько суток воцарился переполох, отчасти веселый: студенты были взбудоражены, ходили по комнатам, собирались группами, по много раз пересказывали свои беседы со следователями и с начальством, выпивали, спать от возбуждения никто не мог. Журналисты и операторы с кинокамерами дежурили перед единственным входом, выйти незамеченным из маленькой кривой двери было невозможно, проводились очные ставки и баллистические экспертизы, решалось, было

ли происшествие безумным хулиганством или же кровожадным умышленным покушением на жизнь важного чиновника от культуры. Комендантшу уволили. В суете проведать Марусю забывали; она лежала пластом, бредила и покрывалась страшноватой сыпью. Потом кто-то вспоминал, что больной надо пить, говорил, что хорошо бы ей померить температуру, обсуждали, не может ли ее болезнь быть заразной. Мать Олеси по телефону из Киева советовала вызвать скорую, чтобы отправить Марусю в больницу, но девушки боялись, что лечение окажется платным, решили подождать. Кто-то раздобыл детский горшок, соседки по комнате выносили его по очереди. Через неделю Маруся впервые спала спокойно, не пугая соседок двуязычными монологами, вскоре она начала садиться на кровати, потом вставать. На занятия Маруся пришла еще не твердо держась на ногах, на работе пришлось взять отпуск. Несколько раз преподаватели, напуганные ее худобой и бледностью, отправляли студентку из института общежитие, Маруся послушно шла отлеживаться. Через неделю должна была приехать мать, и Маруся знала, что если ей не удастся скрыть свою болезнь, Лариса или сама надолго останется в Москве, или заставит ее вернуться в Таллинн.

Поневоле проводя много времени в постели, Маруся написала пьесу для новогоднего студенческого спектакля, получилось больше похоже на философскую притчу. Энергичный молодой режиссер, случайно увидев репетицию пьесы в училище, обрадовался, что наконец появился материал, который можно показать на европейском фестивале молодежных театров. Они с Марусей договорились о постановке экспериментального спектакля по ее пьесе. Готовились к фестивалю в Базеле, но потом пришло приглашение из Эдинбурга, который проводится на два месяца раньше базельского, поэтому пришлось репетировать интенсивнее.

10.

По-европейски деликатно, будто на цыпочках, поезд приблизился к платформе. Ларисе приятно было оказаться в пространстве родного города. «Таллинн позволяет жить и трудиться, он не уничтожает человека», - успела подумать она. Пока в тамбуре возилась со своим чемоданом, услышала близкую мелодию саксофона, это был живой звук, «killing me softly with his song». Когда-то Мартин играл на пианино и пел эту песню для нее.

Поодаль Лариса увидела мужа в новом пальто, с букетом ирисов в одной руке и с большим черным зонтом в другой. Все в Мартине выглядело иначе, будто и лицо, и глаза – все было промыто и заново покрашено, это был молодой Мартин. Рядом с ним под зонтом стоял бородатый музыкант в смокинге, играл на саксофоне. Лариса с трудом вытаскивала чемодан и набитый книгами пакет, ручки которого оторвались еще вчера. Мартин отдал саксофонисту ирисы – и подбежал к ней.

- Что за представление, Мартин?

Он поцеловал ее – Лариса уже и забыла о таких поцелуях, не-родственных. Саксофон все звучал, проходящие пассажиры деликатно отводили взгляд. Пока песня не кончилась, они стояли обнявшись, танцевали под мелким зимним дождем.

- Мартин! Лариса! – к ним летела Ольга в развевающихся одеждах: пальто салатного цвета, огненный шарф, волосы в каплях дождя. Лариса отметила, что Мартин повернулся навстречу Ольге с той же благостной улыбкой, так и замер. Лариса взяла лицо мужа ладонями, развернула к себе:

- Что здесь без меня произошло?

- Встреча с оркестром! – Ольга сунула Ларисе в руки свой букет, какие-то зеленые розы, стала ее тискать и целовать. – Пойдемте, Витюша торопится. Это тоже наши цветы? – Она метнулась к музыканту, выхватила ирисы.

- Куда мы?

- Сюрприз! – Ольга приплясывала.

Вещи погрузили в огромную серую машину. Адвокат Виктор был за рулем, всю дорогу он молчал.

«Недавно я ничего не знал об этих людях, - думал Виктор, иногда взглядывая на Ларису в зеркало, он впервые видел ее близко, - а ведь они станут моей работой на несколько лет, может быть, на всю жизнь».

Старый британский банк после рассмотрения документов и долгой экспертизы признал претензии на наследство «обоснованными». Документами были копии бумаг с чердака квартиры Мартина: обрывки старинных грамот на стародатском и старонемецком, бумаги из семейного архива Мартина, выписки из архива городской ратуши, две газетные заметки 30-х годов. Солидный банк возбудился, зашевелился как роящийся улей. Дело о наследовании было не единственным в своем роде, и все же очень необычным, при этом весьма невыгодным для банка. Открыто недовольство не выказывалось, но Виктор почувствовал, как душа банка словно нахмурилась в смятении. Был назначен персональный куратор дела, высокий красноносый господин с выпирающим животом, Виктор должен был общаться с ним. Сверху куратор начинался с отполированной лысины, а заканчивался столь же идеальными лакированными ботинками, такими мягкими, что в них было бы очень удобно танцевать латинские танцы. Виктор про себя представлял куратора драконом, посаженным перед кучей золота, чтобы кусать или пугать огнем из зловонной пасти любого, кто приблизится. Ибо наследство Мартина оказалось горой золота – в современных масштабах. Его семье в этом банке принадлежало два счета: один был открыт в конце девятнадцатого века, второй в конце тридцатых годов двадцатого. Финансовая операция, растянувшаяся на сто с лишним лет, если учитывать обращение Виктора в начале двадцать первого столетия, сработала будто по заранее разработанному плану, и притом очень вовремя; Виктору объяснили, что уже через три года предъявить иски по двум счетам было бы невозможно.

«Дракон» предложил для начала вести переговоры по одному из счетов, и повернул разговор таким образом, будто Виктор сам выбрал второй счет, более «мелкий». Виктор отметил уловку, но решил, что так действительно удобнее: история с ранним счетом была запутанной, банк готовился, вырабатывал стратегию, Виктору эта пауза была даже полезна.

В тридцатые годы двадцатого века на банковский счет в Лондоне поступили деньги от продажи торгового судна, за семьдесят с лишним лет там выросли проценты. Сохранившиеся бумаги вчистую разбивали уловки Дракона, который все же попытался доказать неоднозначность прав наследования. Просто лез из драконьей кожи, чтобы сохранить деньги своему банку.

Виктор звонил Мартину по несколько раз в день, но скоро понял, что пока что его клиенту все равно – получит он пятьдесят тысяч фунтов или миллионы, так что принимать решения и управлять масштабами дела Виктору приходилось самому, наощупь делать шаг за шагом.

Каждый день адвокат продумывал стратегию переговоров во время утреннего плавания в бассейне гостиницы. Он чувствовал, что если он не струсит, сможет использовать свои шансы, то не только обогатится значительно, но и возможно войдет в историю как адвокат уникального дела. Тем временем противники по игре денно и нощно искали слабые стороны в его позиции, Виктор это хорошо понимал.

Дракон блефовал осторожно, но было заметно по танцу ботинок, что нервничает:
- Ваш счет считался безнадежно невостребованным, и решением правления банка проценты по нему были пущены на благоустройство Лондона еще пятнадцать лет назад, мне действительно жаль, - лицемерно сожалел Дракон.

- Давайте искать прецеденты, что делается в таких случаях.

- Ничего подобного не было, во всяком случае, нам не удалось обнаружить, - подтанцовывал Дракон.

Кто мог его проверить, и что считать подобием? Виктор дал задание своим помощникам, искали аналогичные случаи во всей мировой истории банков. После

третьего дня бурных дискуссий некоторые события стали смущать адвоката, – так, звоночки, беспокойство: он вдруг поскользнулся и сильно ушибся в душе после бассейна. На другой день ему стало плохо после рюмки любимого кальвадоса. На переговорах в тот день речь зашла о том, будет ли он настаивать на размораживании хотя бы половины активов счета 1938 года (почти два миллиона фунтов). Или, как предложил Дракон, согласится на десять процентов от суммы, а большую часть примет в виде ценных объектов - квартиры, особняка или яхты... В конце концов Виктор от имени своего клиента согласился на яхту с доставкой ее в порт Таллинна, квартиру в Лондоне или в Таллинне, по выбору Мартина. Кроме того, Мартин и его жена должны были получить кредитную карту с огромными возможностями. Таким образом, с этим счетом все становилось более-менее ясно, можно было начинать составлять соглашение.

- А что со вторым вкладом? У банка появились предложения? – Виктор не собирался снижать темп переговоров.

Дракон завис ненадолго, потом процедил:

- Много нюансов с этим счетом, сэр.

- Я в курсе. Тем более надо начинать обсуждение.

- Послезавтра, думаю, мы подготовим проект соглашения по счету, открытому в двадцатом веке, подпишем эти бумаги, и затем приступим к следующему этапу.

- О кей, ладно, - Виктор подумал, что и ему не мешает подготовиться к этим переговорам.

Вероятно, прадед Мартина в 1895 году не имел права класть эти деньги на свое имя, они не могли принадлежать лично ему. То, что он был последним казначеем Братства Черноголовых, подтверждалось документально, скорее всего, ему была доверена вся касса Братства, «ячейки» которого действовали в нескольких североевропейских городах. Именно в 1895-м Братство прекратило свое существование как сословная организация, последующие тридцать лет Черноголовые собирались уже только как клуб. Вовсе не обязательно, что поступок прадеда был неэтичным, - хищением и злоупотреблением, выражаясь юридически. Возможно, казначей был честен, но не успел передать кому-то информацию об этом счете или приобрести недвижимость для Черноголовых. Вероятнее всего, хаос первой половины XX века нарушил план Братства относительно этих денег.

В любом случае, англичане не могут доказать, что деньги не были частной собственностью прадеда Мартина. Разумеется, Виктор не собирался им помогать и рассказывать все, что ему удалось узнать о Братстве, о том, о чем он сам только догадывался. Может, банкиры вообще не докапаются, поверят, что это личные сбережения богатого купца...если бы не масштабы вклада, прямо-таки государственные. Сумму, даже приблизительную, Виктору пока так и не назвали, но по реакции Дракона, по темпераментной сальсе его туфель, адвокат чувствовал, что изначально вклад был огромным, а за сто с лишним лет вырос до цифр фантастических.

Виктор просидел над бумагами всю ночь, затем день. Его агенты прислали десятки документов и ссылок из доступных и закрытых информационных баз. Каждые полчаса звонили то из банка, то из конторы в Таллинне. Виктор постоянно звонил своему главному клиенту, все это не давало сосредоточиться, он замечал, что торопится. В собственных действиях ему не хватало ощущения уверенности, словно это был фильм, причем не самого безобидного жанра; главная роль в сюжете отводилась большим деньгам, и каждый, кто участвовал в нем, рисковал жизнью. Адвокат хорошо понимал это. Но отступить уже не получится.

Ночь перед переговорами Виктор решил просто выспаться, чтобы информация хоть как-то уложилась. Просторные комнаты номера в старинной гостинице, где он жил, не давали отдыхать, эти стены в тканых обоях с изысканно скромным викторианским орнаментом казались враждебными; расписные потолки, занавеси и декоративные

драпировки, - все мешало дышать по ночам.

Казначей, прадед Мартина, вглядывался в грядущий двадцатый век: для него это была высокая каменная стена. Казначей тщился заглянуть за нее, но чувствовал – и это передавалось Виктору - лишь растерянность и безнадежность. Деньги, накопленная энергия, итог правил и ритуалов, – что призваны совершить они в неведомом будущем? Казначей обозревал пространство Еропы: храмы, музеи, замки, заводы. Перебросить капитал за стену, укоренить его там, где вскоре разразится буря... В каком виде? Вложить в новый храм и заказать лучшим мастерам невиданную роспись? Трата пустая, ибо все будет разрушено, - это было единственное знание о будущем, в котором казначей был уверен. Отдать нынешним правителям? Но как – отдать врагам Братства? Я не хочу умереть предателем, Господи, я не так велик. Казначей страдал, не видя возможности выполнить свой долг. Единственное действие, в котором он не сомневался: необходимо прежде позаботится о своей душе, он позаботится как умеет. Согласно правилам и инструкциям. Казначей составил подробный финансовый отчет, аккуратно сделал три копии, две останутся в Таллинне, в тайном хранилище и один – в банке. Это было послание к потомкам, подтверждающее, что на себя и свою семью из этих денег он ничего не потратил. Казначей снова и снова оценивал, что предлагало искусство его времени. Может быть, поехать в Санкт-Петербург, в Париж, вложить в музыку? В Нью-Йорк? Но в музыке уже воцарился хаос, или в ближайшее время воцарится, во всяком случае, так Казначей воспринимал эту музыку. Так называемая *новая живопись*? Она создается голодными. И пусть она создается голодными, он никогда не сможет воспринимать такую живопись.

Решено, он уберет деньги подальше от истории, от себя и своей семьи – потом Господь распорядится. Какая же это боль, видеть итог сложной красивой игры, называемой Братством Черноголовых: цифры и цифры. Воистину священны эти знаки... Он больше не в силах думать – кто потом будет отвечать за них, кому Господь поручит это бремя, тяжелейшее из всех, которые Казначей мог себе представить. От нынешней его семьи, от товарищей, растерянных и растерявших веру, деньги Братства надо убрать немедленно, не то ввергнутся несчастные в еще большие грехи. Такая масса общественных денег может развратить и уничтожить не одну семью, не одно сообщество - целый город, государство! Он их всех спасет. Казначей снова попытался представить своих прямых потомков лет через сто – сто двадцать. Тех, кому он посылал сквозь время эту опасность, на кого перекладывал свою боль. Он снова стал молиться: пусть деньги развеются временем, событиями, волей Господа, но пусть не раздавят потомков моих. Так молился каждый день перед алтарем Братства, и чудилось Казначею, что тридцать коленопреклоненных братьев, изображенных на алтаре, молятся вместе с ним. Еще и мысли нет-нет да отвлекались: сколько положить в золотых слитках, сколько перевести в ассигнации, из каких средств будет оплачено за охрану? Или лучше всего – задействовать не один банк, а два-три, в разных странах? Тяжело бремя долга моего.

Утром на переговорах напротив Виктора в один ряд с Драконом сидело еще пятеро, в том числе президент банка. Оглядывая лощеную делегацию, украшенную дорогими галстуками, Виктор думал: похоже, могут понадобиться межгосударственные переговоры, и если даже выяснится, что предок Мартина не имел полного права на это сокровище, государство Эстония точно имеет, или магистрат Таллинна... вон Тевтонский Орден судится с Чешской Республикой, надеется вернуть свои земли и замки. Здесь капитал, способный поддержать экономику Эстонии, целую страну может поднять. Вариантов развития событий много, при любом из них его клиент в накладе не останется.

В это время Виктору позвонили на мобильный и сообщили, что его 17-летний сын от первого брака, в Швейцарии, где он учится, – неудачно съехал с горы и повредил себе позвоночник. Адвокат немедленно вылетел к сыну, который находился в больнице. Мальчик был в сознании, но страдал от боли. Боялись смещения и защемления

позвонок, опасались частичного паралича. Хотя оставалась вероятность, что обойдется. Оставалось ждать и молиться, что и делала мать мальчика, первая жена Виктора. У постели сына Виктор смог пробыть несколько часов: в Таллиннский порт уже прибыла яхта из Лондона, присутствие его необходимо. Виктор и так покинул палату с тяжелым сердцем, а к тому же вдогонку по телефону мать его сына наговорила ему много горьких слов.

* * *

Мартин впервые увидел свою яхту наяву: изящное творение передового британского дизайнера, всевозможные удобства и электроника внутри, пять кают для гостей. Дом для путешествий по крайней мере десяти пассажиров, яхта с парусами класса люкс 24 метра в длину. Яхта напоминала один из макетов, которые Мартин мастерил в этом году. Но теперь его, владельца, приветствовала настоящая команда.

Лариса, Мартин, Ольга и Виктор рассматривали чудо вместе, шкипер-англичанин и два помощника подробно объясняли каждую мелочь, Виктор переводил. Мартин и Ольга были счастливо погружены в происходящее, Виктор держался отстраненно, как-то безрадостно. У Ларисы тоже не было сил радоваться. «Мы разделились: двое озабоченных взрослых и двое радостных детей», - заметила она.

Яхте предстояло придумать название (Лариса угадала, что скорее всего она будет называться «Маруся» или «Руся»), другие подробности, как и размеры капитала, Мартина в данный момент не тревожили. Если бы ему сказали, что его возьмут на чудо-парусник матросом с небольшой зарплатой, он бы был счастлив точно так же. Мартин знал, почему его мечта материализовалась: таким образом выполнялся его договор с морем. Когда он день за днем выходил на берег собирать мусор, то, разумеется, не думал о том, что способен ощутимо помочь морю. Однако продолжал делать придуманную работу так хорошо, как только мог; кроме него, об этом знала только Маруся. И он просил...иногда просил. Мартин не торговался с морем, принимая, что даже если ему больше никогда не представится возможность плавать на корабле, он все равно будет собирать мусор на берегу. *«Это нужно мне, я понимаю у меня нет заслуг перед тобой, и все же...ты знаешь, чего хочу я больше всего на свете, надеюсь, не будешь считать меня алчным».*

- Устала, - выдохнула Лариса. – Пока с трудом воспринимаю все это.

- С квартирой решить желательно сегодня, потому что мне придется уехать на несколько дней. Пусть они начинают искать квартиру и оформлять ее на вас, пусть вкладываются по полной, - говорил Виктор. Он не объяснил даже Ольге, почему ему необходимо срочно вернуться в Швейцарию. – Пойдем позавтракаем и будем говорить о делах. Сам этого не люблю, но увы, придется одновременно многое решать.

- Почему вы торопитесь? – Ларисе хотелось пойти домой, полежать в ванной и прийти в себя после потрясений этого утра.

- Когда везет, надо делать все тщательно, но без малейшей задержки. Таков мой опыт. Не торопясь, но и не останавливаясь, как говорил мой отец. Меняются банки, руководства, валюты, приходят кризисы...мало ли еще что бывает. Ветер меняется! - Виктор отвернулся от них и стал смотреть на море.

Ольга пребывала в эйфории:

– Лариса! Загляни в ванную, и какие там халатики, кремчики!

- Мартин, мне надо отдохнуть... - Лариса чувствовала, что еще немного, и она расплечется от усталости и обилия впечатлений. – У тебя еще будет время все здесь рассмотреть в деталях.

Мартин покорно вышел из рубки, на лице его так и блуждала простодушная улыбка. «Блаженный с деньгами ничем не отличается от блаженного нищего», - с нежностью подумала Лариса.

Завтракали вчетвером в бело-металлическом интерьере дорогого ресторана. Пока обсуждали предложенные банком квартиры, Мартин чертил на листе силуэт своей яхты. Виктор объяснял сложные продуманные схемы получения денег, правила оформления документов. Лариса скосила глаза в текст журнала, который лежал перед адвокатом:

«Затишье в европейских проблемах и в целом хорошая макроэкономическая статистика прервали падение фондовых площадок, облигаций и товаров. Доллар продолжил усиление, указывая на приток ликвидности в развитые страны. Фондовые площадки уверенно легли в боковик. Более того, это была типичная inside неделя. Например, индекс Доу в последние дни колебался в узком диапазоне 11000-11200».

Ольга не умолкая предлагала помощь, у нее целый город друзей и знакомых, среди них оказались: инструкторы по вождению автомобилей (Ларисе надо срочно получить права), директор автосалона (купить две машины), дизайнеры (и в старой и в новой квартирах сделать масштабные ремонты), тренер по теннису международного класса, чемпион Эстонии по игре в гольф, певица, дающая уроки вокала для пожилых состоятельных людей, учитель танцев...

- Лариса! Вы будете загородный дом строить или покупать готовый? В какой стране? Виктор, если арендуешь вертолетик, будем летать над Европой и не стоять в пробках. Послушайте, может, мне тоже получить лицензию на вождение вертолета?!

Хотелось, чтобы Ольга дала отдохнуть от своих идей, не совала везде напудренный нос жизнерадостной женщины, но сказать прямо о своем раздражении Лариса не умела. А ведь капитал действительно потребует команды, осознала она; помощники, советчики, советники - неизбежно появятся, не буду же я одна сидеть со счетами, вычисляя налоги и ужасаясь вывихам Доу-Джонса, даже если пойму кто это. Понятно, почему богатые кажутся высокомерными; надо же чем-то отпугивать искренних и не вполне искренних доброхотов, бескорыстных помощников с дальним расчетом.

- Мартин, ты знаешь английский? – Ольга влезала во все нюансы будущего.

- Знает он.

- Есть лучший у нас стилист, такой мальчик хороший, полностью преобразовывает женщин. Учился в Италии, цвет подберет, косметику, все! Двадцать лет долой! Лариса, и еще, и еще, есть один инструктор по йоге, на дом приходит... тебе обязательно надо научиться расслабляться. Преподаватель английского тоже приходит. Он носитель! Еще я узнала, где самое лучшее наращивание ногтей! Дорого, но нас уже не интересует не-дорого?

После «делового» завтрака Лариса ушла домой, там первым делом отправилась выгуливать Виллика. Думала о математике Перельмане из Питера, отказавшемся от миллионной премии, присужденной ему мировым сообществом математиков. Гений Перельман сумел сказать «нет», остался бедным школьным учителем. Счел, что деньги повлекут за собой такие перемены, такие затраты энергии, которых он для себя не желает. Он – человек – не хочет этого, точка. Хоть один ныне живущих им не подчинился.

Виллик нюхал под деревьями и задира лапу с обычной деловитостью, тоже не считая нужным замечать, что в его жизни что-то поменялось.

- Куплю тебе, Виллик, пальто со стразами, вот тогда занервничаешь.

Виллик обратил к ней глаза-линзы и повилял вежливо, но без энтузиазма.

У Ларисы появилась новая тревога: «Чем я, мы, наша семья - должны будем заплатить за это? Капитал пришел без усилий, значит, что-то отнимется взамен? Кажется, я слишком надумываю...буду привыкать, постепенно загрузившись новыми обязанностями. Почему не чувствую себя счастливее?».

Лариса набрала номер телефона Витала.

- Здорово, миллионерша!
- Знаешь уже.
- Нужна будет помощь, потратить там чего, спустить пару миллионов, - обращайтесь.
- Мне кажется, я приступила к тяжелой работе, не по своей воле к тому же.
- Шок, по причине чисто женского консерватизма. Кстати, я тут подумал... ты можешь стать акционером нашего журнала. Тогда творческая деятельность тебе обеспечена, ну, для отдыха от красивой жизни.
- В этом журнале будут печатать все, что я напишу.
- Именно, Лариска, именно!
- Тебе и главному будут нравиться любые мои идеи. Даже про лошадей...
- Думаю да.
- Пошел ты, Витал, куда подальше. Ты за свои статьи получаешь гонорар, а я теперь должна приплачивать, чтобы печататься?
- Смиренно готов сносить колкости. Лариска, ты получила огромные возможности, дороги перед тобой - веером. А включи телевизор - случается лишь ужасное, во всяком случае, нам так говорят. Так что ты – мое личное большое исключение, моя таблетка оптимизма.

Томас должен приехать из армии на выходные, надо приготовить обед. Или что теперь она должна делать – заказать суп в ресторане, нанять повара-итальянца? Взять гувернантку для собаки, это хорошая идея, но гувернантка одна с Вилликом не справится, надо еще и парикмахера. А пока я схожу в ближайший супермаркет, после испуга Виллика, с лета его не купала.

Мартин завтра будет показывать яхту Томасу, муж сказал, что они попробуют выйти в море. А ведь Витал и правда может помочь, проконсультирует насчет машин, скорость перемещения в самом деле надо увеличивать. И некрасиво отталкивать старых друзей при появлении в семье богатства. Кстати, денег она еще не видела, вот будет у нее завтра в руках кредитка, снимет с нее несколько тысяч евро – тогда можно будет сказать, что да, наступили перемены.

11.

Варвара улетела в Черногорию еще до завершения сессии, досрочно поставив зачеты недоумевающим студентам. В самолете перед посадкой, увидев внизу красно-коричневые - горы и зеленое море, Варвара поверила, что стряхнет с себя апатию. Мысли о ссоре с ученицей не покидали ее. В своей правоте Варвара Ивановна не сомневалась, жизненный опыт подсказывал, что талантливые люди, особенно молодые, часто обладают нравственной неустойчивости или отклонениями. Но все же она скучала по девочке и взяла с собой в Черногорию Марусину пьесу, хотелось на отдыхе прочесть еще раз.

Сойдя с трапа самолета в аэропорту Тиват, Варвара вдохнула вкусный воздух: скоро она увидит цветущие кусты, глицинии, олеандры и бугенвилы, еще были камелии. Каждый год она заучивала виды цветущих растений, но каждый год снова путалась в них.

Варвару встречал знакомый таксист, двухметровый Небойша. Пока он укладывал чемодан в багажник машины, Варвара крутила головой и счастливо щурилась на солнце.

В машине по дороге в Будву Варвара поняла, что соскучилась и по языку, и по местным жителям, по пейзажу, даже в декабре напоминающему детскую трубку-игрушку с разноцветными стеклышками внутри: каждый поворот головы дает новый орнамент, всегда прекрасный. А ведь она полагала, что влюбленность в Черногорию, как и у большинства соотечественников, прошла.

«Никогда нашей интеллигенции не удавалось быть рациональной в своих чувствах,

если влюбляемся во что-то - то безоглядно. Несмотря на наши *революции, репрессии* и *перестройки* упрямо хотим быть идеалистами. Во всяком случае, выступили в таком амплуа здесь, искренне поверив в идеальное место на земле. Сейчас, спустя пять лет после пика нашествия русских в Черногорию мы немного успокоились, можно оглянуться и признать, что это была эпидемия, настоящая любовная лихорадка».

Проехали указатель на Остров цветов, где восстанавливался один из древних сербских монастырей. Небойша молча курил, Варвара улыбалась: она знала прежнюю единственную обительницу этого монастыря, монашку с огромными прозрачными глазами, полными любопытства к людям, приходящим из внешнего мира, знала и новых людей, что трудились там теперь. В этот приезд она вряд ли увидится с ними. Варвара приехала общаться с природой, люди ее утомили.

«Самое важное раньше для нас происходило в монастырях. Там мы чувствовали окрыленность, готовы были приходить на рассвете, оставались на монастырский ручик, были счастливы, кожей чувствуя любовь. И говорили друг другу постоянно, что здесь встретили подлинное православие, тогда как в Москве одухотворенности уже не найти. Как мы молились! Было похоже, что русскими здесь будет основано поселение людей искусства, - художники, поэты, журналисты ринулись покупать квартиры в Черногории не на лишние, а чуть ли не на последние деньги. Как после революции, когда бежали в Белград, Ниццу, Париж, спасаясь от большевиков. В начале двадцать первого века здесь могли прятаться от власти денег и чиновников. Почему лицо государства российского всегда, при всех режимах, столь бесчеловечно? Плата нам за то, что сами серьезны и тяжеловесны? Спрятаться не получилось... Сейчас мы уже почти смирились, что нас здесь не любят. Наверное, для местных мы опять – оккупанты, только экспансия наша утверждается не оружием, а деньгами», - думала Варвара спокойно, уже без обиды.

Наконец, показалось море, синева, ближе к берегам сверкающая чернильной зеленью.

– Неша, красота какая! Лепо! – рассмеялась Варвара, в который раз поразившись тому, что дальний край моря поднимается гораздо выше линии горизонта. Море стояло вертикально, его верхняя граница была мягко-полукруглой, словно надувной.

- Па да, дивно, Варвар, много лепо, - согласился шофер, закуривая сигарету от предыдущей.

- Ты так и не купаешься?

- То зима! Хладно, и вода много хладна.

- Никто разве не купается в декабре? – Варвара знала ответы на свои вопросы, и Неша знал, но этот диалог повторялся каждый ее приезд, из года в год.

- Руси плавает, за них увек тепло, - проворчал Неша.

«Постепенно нас стало кое-что здесь раздражать – многие уехали восвояси, а те, кто задержался, теперь объясняют свою привязанность не восторженными чувствами, просто жалко бросить недвижимостью. Покинуть море, самое чистое в Европе. Но у некоторых квартиры в Которе и Будве стоят закрытыми, они год или два сюда не приезжали. Неохота: раздражает строительный гул день и ночь, сданные в аренду пляжи, леса, уголья, торговля, торговля природой. Кажется, муж королевы Великобритании Елизаветы назвал туризм национальной проституцией, это правда остроумно. Кусты роз в Будве стали пыльными – от строительного раствора. Природа в обмен на деньги. Деревья погублены! Когда плаваешь и смотришь на полуостров слева от Будвы, и там вместо векового леса зияют скелеты бетонных зданий и башенные краны».

Неша подвез ее к супермаркету на дороге. Варвара выбирала любимые продукты. Местная еда для нее была гораздо вкуснее, чем в Москве. Она покупала молодой сыр, маринованные оливки, «пршют»-вяленое мясо, чудесное сливочное масло, вино. И хлеб был особенным. То и дело у полок с продуктами слышалась русская речь, Варвара увидела парня в шортах и в шлепанцах (в декабре!), с большим животом, он

обстоятельно рассматривал бутылку виски. Самые толстокожие остались здесь, конечно. Но другие, более нервные...никто не виноват, что нам привиделась *терра мистика*, населенная добрыми бескорыстными людьми. Теперь мы повзрослели, лишившись еще одной иллюзии, а Черногория, возможно, даже не заметила, что потеряла любовь русских романтиков».

Неша помог ей донести пакеты до машины. Варвара, выйдя из дверей магазина, осмотрелась и будто увидела горы заново – зеленые, кое-где красные от кустов, на горизонте белые, со снежными шапками на вершинах. На обочине склонилась цветущая роза. Варвара вздохнула счастливо, поблагодарив цветок за то, что он прекрасен круглый год.

В свою квартиру на высокий пятый этаж поднялась легко. Небойша тащил чемодан, она сама донесла пакеты с продуктами. Неша хотел поставить чемодан в коридоре и деликатно уйти.

- Погоди, Неша.

- Шта.

- Поехали снова в магазин.

- Еда? Мало тебе?

- Поехали.

Варвара с порога поняла, что без нее в квартире кто-то жил. Не было вызывающей грязи, но и чистоты, в которой она оставила квартиру, тоже не наблюдалось: кабина душа желтоватая, пол на балконе чем-то заляпан, раковина на кухне вымазана. Здесь могла останавливаться Ядранка во время своей осенней поездки – правда, вроде бы ездила девушка в Белград. Но Варвара решила, что она сама могла напутать, или Ядранка просто забыла ее предупредить, что приезжала в Будву.

В ближайшем супермаркете Варвара накупила чистящих средств, и за несколько часов квартира была приведена в порядок. Процесс уборки неизменно дарил Варваре удовольствие и приподнятое настроение. Однако обнаружилось еще кое-что: детское питание в заляпанном изнутри холодильнике и детский же горшок на втором балконе. Красивый голубой горшок из новомодных, с большими выпуклостями – в форме то ли медведя, то ли другого зверя с нарисованными глазками. «Дизайнеры сошли с ума, - думала Варвара, держа в руках чужую вещь, - разве можно писать на спину существа с глазами, хоть и пластмассового?».

Как оказались детские вещи в ее квартире – неясно.

Еще забыла купить карточку-ваучер для местной сим-карты. Звонить в Москву по московскому номеру – разорение. Она написала Стасу смс о том, что добралась нормально, и приписала: «Спроси у Ядранки, чей ребенок жил в нашей квартире в Будве?».

Ночью Варвара, закутавшись в плед, долго сидела на балконе и смотрела на звезды, на огни самолетов, мерцающие как маленькие целеустремленные звезды, осознающие свой путь. Луны не было видно.

В семь утра звонок в дверь: не смущаясь тем, что Варвара еле успела накинуть халат, вошел сосед Бато.

- Мадам, то макробиотика за вас! – он протянул угощение, овощное блюдо на нарядной тарелке, по его убеждению, очень полезное для здоровья.

Бато под семьдесят, и он местная знаменитость: тридцать пять лет назад, когда по приглашению Иосипа Броз Тито остров Святой Стефан, что недалеко от Будвы, посетила Софи Лорен со своим мужем Карло Понти, - сосед был личным переводчиком актрисы. И сегодня он любил вставлять в свою речь итальянские фразы, а с фотографиями, где запечатлен рядом с божественной Софи, не расставался, они всегда лежали у него на переднем сиденье машины. На фото он и сам был красив, похож на молодого Матростяни. И хотя теперь внешностью Бато больше напоминал пожилого Бельмондо, он неизменно был элегантен и общителен, с раннего утра отправляясь по своим загадочным делам. Варвара поспешно достала из холодильника свои приношения: московскую селедку и баночку красной икры.

- Поздравь Лалу! – сказала она, попрощавшись с соседом и получив от него и его жены Лалы традиционное приглашение «на кафу» после обеда.

Варвара надела куртку и пошла на набережную, расположилась в кафе, долго любовалась на море и небо. Предновогодняя погода: солнце, вкрадчивые волны, запахи такие, будто кругом южный ботанический сад в апреле. Было воскресенье, по-сербски этот день называется «неделя». Мудрый древнеславянский язык: «не-деля», день отдыха – седьмой, вся цепочка дней у сербов называется «седмица». Почему в русском «не-деля», то есть ничегонеделание – это все семь дней подряд? Мы же не самые большие бездельники в мире, вон черногорцы – те с гордостью претендуют на то, что главные лентяи именно они. Варвара достала Марусину пьесу, заказала вторую чашку кофе.

Главное действующее лицо пьесы, Мусорщик, наблюдал за миром, им же созданным. Мир назывался Микрорайон, это не первая попытка Мусорщика организовать жизнь. Предыдущие модели были уничтожены Мусорщиком-Творцом, потому что люди загрязняли свое пространство до невозможности. На сей раз он придумал усовершенствованную Трубу, способную очищать мир. Мусорщик был доволен своим изобретением, надеялся, что теперь Конец Света (Новый год) не понадобится. Персонажей в пьесе, кроме главного, было немного: Муж, Жена, Синклетиккья (женская ипостась, можно сказать – подруга Мусорщика), Художник – человек, на земле подражающий Творцу.

Пьеса при втором прочтении показалась Варваре тяжеловесной, хотя сюжетные линии вполне продуманы и доведены до логического конца. В любом случае, прочтя пьесу, хотелось двигаться, размышлять, - Варвара пошла вдоль моря по пляжу, приходилось то и дело переступать через пластиковые бутылки, пакеты, женские прокладки. «Природа, - думала она, – как терпишь ты нас до сих пор? Где берешь силы, чтобы очищаться вновь и вновь?»

Важно, что Марусе удалось выразить страх и боль людей, кожей чувствующих предел жизненного ресурса на земле. Да, мы содержим в чистоте дома, но куда, куда деваются все вещи, которые мы выбрасываем? Кошмарные целлофановые пакеты в невероятных количествах. Если только представить, сколько безобразного выделяет каждый день всего один многоквартирный дом, и так миллионы домов! Любая пятиэтажка за неделю-другую образует гору, равную себе по высоте. Если бы никто – сверху - не убирал за нами, человечество давно бы уже захлебнулось от собственных нечистот. Это очевидно, Маруся права совершенно! И вода, чистая пресная вода с каждым годом становится все большим чудом, за которое надо благодарить ежечасно. Каждый Божий час.

Варвара вновь задумалась о талантливых; повидала она их в своей жизни достаточно, людей, способных выразить идеи, которые сняты многим. Характер или судьба часто приобщает талантливых к человеческим слабостям, чтобы знали они не понаслышке о душевных деформациях «обычных» людей. Злые ведь страдают, порочные страдают, страстные страдают, так называемые ленивые тоже – и редко талантливым, особенно в молодости, удастся избежать «практического» знания об этих мучениях. Зато, если уж пошлет Господь им возможность творить, то не осуждают они других, помня, что в каждом есть добро, и в каждом же и зло. Быть человеком – значит *балансировать*. Мы встречаемся для того, чтобы помогать друг другу устанавливать равновесие.

Варвара решила, что когда вернется в Москву, найдет девочку, поговорит, не станет все же лишать своего покровительства. Бог с ними, с деньгами, в конце концов.

Интересно, сможет ли Маруся написать что-то еще, или останется, как бывает часто, - одна вещь, единственное озарение. Варвара продолжала ощущать свое сходство с Марусей, ей льстило, пожалуй, это сходство. Жаль, что Стасу не передалось ничего необычного, скучный и скрытный человек получился. Кстати, почему она решила, что в Таллинне у Стаса обязательно родился сын, могла же ведь появиться дочка?!

- Яца, - спросила Варвара, наконец, дозвонившись в Москву, - чей ребенок жил у нас дома?
- Ребенок? – голос Ядранки стал резко-злым. – У кого?
- Не у меня же, Яца! И не у тебя, наверное. Спрашиваю, кто жил в моей будванской квартире.
- Не знам.
- Я что – сумасшедшая? Какие-то люди здесь жили. Ключи от квартиры ведь у тебя есть?
- Па да. А кто ребенок – не знам.

В растерянности Варвара попросила передать трубку Стасу - сын на следующий день должен был уехать в Японию в командировку на месяц. Попрощавшись с сыном, повесив трубку, она почувствовала себя старой и усталой. Варвара спустилась к соседям, они сказали – да, у тебя в квартире жила туристка с двумя маленькими детьми, не Ядранка, а незнакомая сербка, похожая на приезжую из Белграда.

* * *

В день, когда Варвара вернулась из Черногории, она позвала Ядранку поужинать. Варвара уже не сердилась на то, что в Будве ей пришлось делать уборку, ничего страшного, если добрая Ядранка пустила ненадолго пожить свою подругу с ребенком. Стас все еще был в Японии.

Варвара накрыла нарядный стол и поставила бутылку македонского вина. Однако сербка появилась с таким недовольным выражением лица, что Варвара сразу вспомнила свою досаду.

- Так ты давала кому-то ключи от моей квартиры, Ядранка?
- Нет, - и поглядела дерзко.

Варвара не собиралась ссориться, хотела узнать новости про Стаса. Но беседы не получилось, Ядранка почти ничего не ела, быстро ушла.

На следующее утро Варвара решила разобрать шкафы в квартире. Наткнувшись на свои тайники с деньгами, сделала формальную проверку – перед отъездом она часть денег отнесла в банк, а остальные аккуратно пересчитала и внесла в тетрадь, которую брала с собой. Варвара не досчиталась семисот евро, но теперь она не только точно знала, что сама никуда

не могла их подевать, она также поняла, кто их взял. И Маруся пострадала напрасно, догадалась Варвара. Она покурила на балконе, вспоминая свою дружбу с Ядранкой, ей было грустно.

Варвара вызвала шофера, съездила на рынок и стала варить борщ по своим сложносочиненным правилам - с черносливом, фасолью и грибами. Жарила и тушила ингредиенты в определенной последовательности. Кулинарные манипуляции всегда хорошо ее успокаивали. Потом она позвонила Ядранке, пригласила ее на обед.

- Не могу данас, - пробасила Ядранка нелюбезно.
- Приходи все же, поговорить надо, - сказала Варвара твердо.

Ядранка молча повесила трубку. Во время разговора Варваре показалось, что в мастерской еще кто-то есть, слышались живые шумы и звуки, хотя вполне возможно, это был телевизор. Недолго думая, Варвара сняла с себя кухонный фартук, вышла на лестничную площадку и позвонила в дверь мастерской сына. Ей долго не открывали, и Варвара решила, что вернется в квартиру, возьмет свой ключ и войдет сама. Однако дверь дрогнула, наконец, из просвета выглянула хмурая Ядранка.

- Иду я, - сказала она недовольно.

Эта интонация мгновенно взбесила Варвару.

- Я теперь сама хочу к тебе зайти, - решительно заявила Варвара, и вдруг увидела в

глазах девушки необычное – страх. Ядранка хотела захлопнуть дверь, но Варвара вставила ногу в дверной проем.

- В моем доме! В доме моего сына. Мне надо взять вещи.

- Не убрано у меня.

- Во-первых, не у тебя, ты еще пока здесь никто! – закричала Варвара очень хорошо поставленным голосом, на весь подъезд. – Во-вторых, я войду сейчас!

Она решительно налегла плечом, приоткрыла тяжелую дверь пошире – и увидела испуганного мальчика лет семи, которого обнимал за плечи молодой мужчина.

- Добар дан, - быстро сказал мужчина по-сербски. Взгляд у него были робким.

- Добар дан. Вы кто?

- Милан. – Он был очень высоким и широкоплечим. Вежливо протянул руку. – Приятно.

- Лицо у Милана было открытое, с миловидными чертами.

- Приятно. А что вы здесь делаете, Милан?

Красивый серб вопросительно смотрел на Ядранку, ожидая перевода.

- То мои друзья, – объяснила сербка. – Гости мои.

- А Стас знает, что в его мастерской твои друзья?

- Зашто? У меня много друзей.

- Мой сын не любит, когда без него сюда приходят.

Серб тревожно переводил взгляд с Варвары на Ядранку.

- Вы кто, Милан? – прямо спросила Варвара. – И милый мальчик? Како тебэ зовут?

- Душко, - мальчик нахмурился, сверкнул глазами, глаза у него были точь-в-точь как у Ядранки. Мальчик тоже был красивым, очень ухоженным: длинные светлые волосы слегка вились, глаза карие с длинными ресницами.

- Это твой сын? – спросила Варвара Ядранку, понимая, что в ответ на такой вопрос солгать невозможно.

- Так.

Вопреки обескураживающей информации, Варвара почувствовала себя бодрее - вернулся боевой дух, тревоги по поводу больной головы покинули ее. Она рассматривала Ядранку, думая о том, что более наглой женщины ей в жизни пока не встречалось.

- Идем со мной, Ядранка. Милан, зайди тоже на минутку, я налью тебе борща для мальчика и дам хорошие детские книжки.

Милан не двинулся с места.

- Ядранка, переведи, чтобы твои гости меня не боялись.

Ядранка перевела тихим голосом.

Во время обеда Варвара наблюдала за Ядранкой. Единственная слабость, которую можно было заметить в поведении девушки - ее руки немного дрожали.

- Мальчик у тебя красивый, - искренне похвалила Варвара.

- Па да.

- Надолго они в Москве?

- Сегодня пойдут в Белград.

- Ясно. И что мы скажем Стасу?

- Зашто?! – Ядранка смотрела на нее изумленно, будто была возмущена коварством Варвары.

- Послушай. – Варвара пыталась говорить спокойно. – Допустим, ваши отношения со Стасом меня не касаются. Но например...ты ведь брала у меня деньги?

- Деньги?! – Вот кому надо было поступать в театральный, отметила Варвара про себя.

- Не надо мне ваши деньги!

- Ах, не нужны? Значит, брала просто так? Ты хоть понимаешь, Ядранка, что я должна обо всем рассказать Стасу?

- Что я сделала?

- Не прикидывайся. Деньги у меня начали пропадать, как только ты, милочка,

появилась в моем доме, ключи от квартиры в Будве были у тебя, и ты кого-то туда пускала, что касается твоих родных...Ну-ка ответь, Стас знает, что у тебя есть и муж и сын?!

- Може, я развелась с Миланом, тада мужа нет, ребенок само.

- Може и тако, али Стас все равно должен был знать то, получается, ты обманывала всех целый год, – Варвара виду не подала, однако была озадачена таким поворотом дела.

Она вдруг очень устала разговаривать с женщиной, у которой в голове все было устроено как-то странно, или в душе. Стас для Яцы, конечно, выгодная партия, но как она может быть такой хладнокровной?

- Не понимаю, как ты можешь жить здесь - и гадить, - удивилась Варвара искренне, - Вот что я тебе скажу: уезжай-ка вместе со своими родными. Стас приедет, я ему все объясню – захочет, поедет за тобой в Белград...это его дело. После всего я просто не смогу вынести, что ты живешь здесь поблизости, понимаешь? И, кстати, немедленно верни ключи от квартиры в Будве.

Ядранка молчала. Варвара закурила сигарету и ждала; ей вдруг представилось, что жизнь без Ядранки снова станет прозрачной, управляемой. Оказывается, она и сама не осознавала, насколько устала от чуждой энергии.

- Стас разрешил мне жить там, я стану ждать его, - произнесла Ядранка веско.

- Вот как ты решила.

- Да, - ответила та, продолжая смотреть в глаза Варваре.

- Окей, - Варвара стряхнула пепел и заговорила особым голосом «активного воздействия», который заставляет прислушиваться к говорящему, выполнять его команды. Так она, во всяком случае, учила своих учеников. – Значит, ты считаешь, что находишься здесь только благодаря Стасу?

- Исто, мы как муж и жена.

«Редкий талант наглости», - снова восхитилась Варвара, однако сосредоточилась, чтобы не сбиться с выбранного тона.

- А слышала ты, милая, про закон о проживании мигрантов и иностранцев? Думаешь, это Стас регистрирует тебя каждые три месяца, ставит на учет, снимает с учета, думаешь, это он мумукается с милицией и с бесконечными бумажками, платит деньги за регистрацию?!

«Кажется, - усмехнулась про себя Варвара, - в кои-то веки мне помогают российские законы».

- То я! Ни-ког-да, слышишь, ни-ког-да тебе не получить визу или вид на жительство, - если я этого не захочу! Ты ни дня не смогла бы здесь остаться без моего поручительства. Если же я хоть что-то, хоть слово скажу о твоём криминальном поведении – тебя в жизни больше не впустят в Россию. Уж поверь мне.

Она откинулась на спинку дивана, аккуратно вставила новую сигарету в мундштук. Было заметно, что тирада произвела на Ядранку впечатление. Хвала российским бюрократам, всегда могут помочь напугать человека.

Варвара продолжила более спокойно:

- Повторяю, не хочешь проблем – уезжай из Москвы немедленно, вместе со своей настоящей семьей. Ключи от Будвы и от мастерской отдашь мне. Подожди, соберу кое-что для твоих.

Варвара дала Ядранке борщ в судке, потом принесла детские книги, набор цветных карандашей.

Все подарки, вместе с едой, Ядранка оставила на полу в коридоре студии. Вещи ее исчезли, ключи она оставила у консьержки. Варвара чувствовала, будто освободилась от паутины. Итак, в доме больше ничего не будет пропадать и ломаться. Она весело привела в порядок и мастерскую, и свою квартиру, сил от этого только прибавилось. Варвара ходила на фотовыставку, пробежалась по магазинам, каждый полдень гуляла вокруг пруда кругами, вспоминая море и Будву, думая про солнце, которое в

Москве в это время появлялось лишь при большом морозе на два-три часа. Она обзвонила подруг, пригласила их на вечеринку. Теперь надо было извиниться перед Марусей, но мобильный телефон ученицы был заблокирован, а в общежитии никого - каникулы.

- Я чувствовал что-то...должно было случиться, - сказал Стас. Он звонил из Японии, где его оставляли работать еще на месяц, и отказаться было невозможно. К тому же платили как нигде в Европе.

- Что Ядранка нечестная?

- Что ты ее выгонишь, если вы останетесь в Москве вдвоем. Как я отношусь к человеку, что я думаю по этому поводу, – тебя никогда не волновало. Безжалостно отгоняешь тех, кто меня любит!

Варваре стало больно в середине груди, что-то там заныло.

- Но сын! Она брала у меня деньги, все время пока здесь жила, я точно знаю.

- Опять твои...провалы, бзики! Уже совсем маразм, да? Зачем, - он кричал не сдерживаясь, - зачем ей хреновы твои деньги, если я зарабатываю достаточно! У тебя мания денег, и всегда была...ты боишься, что придется делиться с кем-нибудь.

- Не веришь? Матери не веришь?

- Речь о моей любимой девушке, и я не школьник, сам разберусь. Надоело, ты слышишь?!

- Ладно, сын. Тут еще обстоятельства, приедешь обсудим.

Только новость о муже и сыне Ядранки помогут убедить Стаса, однако говорить об этом по телефону глупо, она и так уже жалела, что не дождалась приезда сына в Москву.

Он все кричал:

- С чего ты решила, что я вообще захочу жить рядом с тобой?! Мы разъедемся! Так и сделаем, ма, мне – нам с Ядранкой – надоело быть под твоим присмотром.

Стас повесил трубку. Варвара сначала страшно расстроилась, но потом рассудила, что она сама заблуждалась, пока не увидела рядом с Ядранкой Милана и ребенка. Не стоит пугаться угроз Стаса, дети всегда так: недовольны, угрожают, что увеличат дистанцию, накажут тебя, лишат своего сиятельного общения. И потом дети, слава Богу, возвращаются. Конечно, Стасу будет тяжело принять коварство Ядранки, конечно, свою боль он будет вымещать на матери, на ком же еще. У него есть подруга Мила, однако мало на нее надежды, Мила такая...ни рыба, ни мясо. Но она, Варвара, не станет дожидаться тягостных дней наедине с разочарованным сыном. Сначала устроит хороший ужин для подруг, продумает особенное меню, и в карты можно поиграть. Затем снова попытается найти Марусю. К тому же, возможно, в Таллинне живет человек, который может изменить их со Стасом жизнь.

* * *

Раздражение после разговора с матерью вернуло его к НЕБУ.

В НЕБЕ точно есть музыка. Она на нем записана. Птицы - это ноты на нотном стане дождя и облаков. Мелкий дождь из ровно-серого неба – и стая птиц, кружится посередине. Дождь все сильнее, а птиц становится больше, иногда они зависают, потом кружатся быстрее и быстрее на одном месте. Стас сожалел, что плохо знает музыкальную грамоту, не способен прочитать эту мелодию. Она могла бы подсказать ему как поступить. Но не подсказывала. Ему хотелось обнимать Ядранку. Тело ее для него словно атанор, алхимическая печь превращения из человека почти пожилого в молодого мужчину.

В ресторанчике на берегу моря он наблюдал «фестиваль радуг»: одна была вокруг солнца, другая радуга образовала круг посреди НЕБА, над горизонтом тоже был

фрагмент большой дуги. Ему казалось, что НЕБО послало ему подарок за внимание, он был растроган и благодарен. Камеры у Стаса в тот день с собой не было.

* * *

Стас вернулся в Москву пасмурным февральским днем, сразу стал действовать: снял трехкомнатную квартиру у Белорусской, пятнадцать минут пешком от дома матери, заплатил за полгода. Ядранка была в Белграде. Стас позвонил ей, переехал и стал ждать, устраивал себе в одной из комнат студию. Варваре он не сказал, где живет, но удивлялся что мать тоже ему не звонит.

Ядранка приехала свежая, красивая, за два месяца они соскучились друг по другу. Много времени стали проводить дома. С друзьями не встречались, к себе не приглашали. Стас понимал, что Ядранке не хочется готовить, и поддержать беседу ей тоже будет тяжело. Если бы Леха позвонил, Стас с удовольствием посидел бы с ним в кафе, но Леха на чьей-то даче в Подмосковье строчил концептуальный текст о потомках староверов как генофонде русской нации.

Стас выбирался на работу пару раз в неделю, иногда выходил пообедать с Ядранкой в ресторан. Когда он целый день был в редакции – подруга отправлялась по магазинам, он видел, что у нее появляются обновки, но они не обсуждали эти покупки.

Стас с Ядранкой вставали поздно, зимний световой день к этому времени уже почти заканчивался. Идти гулять или идти в музей она не хотела, в театре вряд ли могла понять смысл действия, да и Стасу стало лень куда-нибудь выбираться. Они чаще сидели перед телевизором, варили спагетти, пили кофе, потом каждый смотрел в свой компьютер; он просматривал фотографии, она включала «скайп».

Стас привык работать в лаборатории журнала, проводил там все больше времени. Дома он мог бы заняться классификацией снимков НЕБА, каждый день собирался вернуться к этому, но настроение, подходящее для НЕБА, его не посещало. Стас объяснял это усталостью после японской командировки и обычной зимней ленью. Пробовал покупать хорошие фильмы, но Ядранка в первые же десять минут засыпала, так что ему приходилось смотреть фильм одному, и не с кем было обсудить потом, как он привык обсуждать с Милой.

Ядранка просиживала в скайпе часами, даже от любимого сериала вскакивала по сигналу компьютера, болтала до поздней ночи, говорила по-сербски быстро, Стас ничего понять не мог, да и не вслушивался.

Сексом они по-прежнему занимались, а других желаний не возникало. Иногда, и все чаще, ему стало казаться, что он живет один, встречая в постели темпераментную малознакомую женщину. Днем была вялость, он скучал по приготовленной дома еде, тяготило отсутствие впечатлений.

Угнетали грязь и беспорядок в их с Ядранкой жилище. Он пробовал устанавливать «дни уборки», раз в неделю, сам вставал пораньше, убирал часть квартиры, но Ядранка проигнорировала его инициативу. Она сама договорилась с дворничихой, и теперь сердитая тетка с плоским лицом по воскресеньям размывала грязь по всей квартире, выплескивая на пол ведра воды. Вещи продолжали вести себя так, будто у них клаустрофобия; убранные в шкафы и на полки не слишком умелой рукой дворничихи, они быстро находили способ выбраться и равномерно разместиться по открытым поверхностям.

Стас позвонил Миле. Мать ее была дома, она спокойно подозвала дочь, как ни в чем не бывало.

- Все более или менее, главное, мама почти здорова, - ответила Мила на его вежливый вопрос. – Ты куда пропал?

Стас сослался на дальние командировки, предложил увидеться.

- Через полторы недели собираемся по Европе с Надеждой, на ее машине, так что днем занята, готовлюсь. Но вечерами дома, буду доделывать срочную работу. Звони! Мила рассказала о двух выставках и о книгах, которые понравились. Упомянула клуб

документального кино. Ни упрека, ни желания уязвить его. Ему показалось, что жизнь Милы без него стала интереснее. Или у нее тоже кто-то появился? Стас на следующий день купил книгу, и позвонил Миле, чтобы сказать об этом. Спросил, видела ли она Лехин альбом.

- Завтра вечером, - предложила подруга, - у меня встреча на Пушкинской, потом можем увидеться, посидеть где-то.

Мила пришла не одна, с Надеждой. Втроем выпили вина, поужинали, рассказывали анекдоты и много смеялись. Подруги обсуждали маршруты будущей поездки, расспрашивали его про Японию. Стас соскучился по такому общению.

Вернувшись в неухоженное жилье на Белорусской, он чувствовал себя виноватым, словно школьник, проштатавшийся до ночи накануне контрольной. Ядранка не спала, сходу стала скандалить и даже бить посуду – таких выплесков Стас представить себе не мог, наверное, за всю жизнь ни одна женщина не кричала на него так страшно. Ему показалось, что она может ударить, он старался держаться на расстоянии. Стас лег спать на диване в комнате-студии, но посреди ночи все же перелег в постель к Ядранке. Она продолжала плакать, похоже, и вовсе не засыпала.

- Душа моя, - погладил Стас ее волосы. – Ты должна научиться доверять, верить мне. Я люблю тебя, но у меня много друзей, встречи по работе.

- Да, да, - всхлипывала она. – Но знаешь, Стас? Я сам трудна.

Конечно, ей очень трудно в чужой стране и в чуждой среде. И неизвестно, сможет ли она привыкнуть, смогут ли оба они привыкнуть к этому. Хотя бывают между ними и хорошие моменты. Вот установится весна окончательно, они будут гулять и, может быть, опять иногда смеяться. Они лежали, тесно обнявшись, ему всегда нравилось чувствовать ее тело, очень гладкую кожу внутри горячей.

- Трудна, - повторила Ядранка.

Наконец до него дошло, что это значит. Его женщина сказала, что она беременна. А он не отвечает.

- Правда?! Яца моя! – он вскочил, - Боже, девушка моя, у нас родится чудный ребенок! – Стас схватил ее на руки, она вскрикивала и смеялась, притворно сердилась и обнимала его.

12.

За два месяца работы проводницей Лариса привыкла: двое суток в поездке, потом двое суток дома. Когда Лариса уезжала, Виллика брала к себе Ане.

Мытье полов и туалетов, подметание, уборка белья, каждодневные обязанности как послушание в монастыре. Вагон представлялся Ларисе передвижной кельей, где внутри жесткого ритма работы она чувствовала себя свободной, учась в однообразии открывать новое. Проводник поезда сопровождает людей из одного мира в другой, как кролик у Льюиса Кэрролла, и проводник ведь тоже, как и вечно спешащий кролик, - в перчатках. Лариса чувствовала себя помощником и внимательным свидетелем, каждый человек словно помещался в рамку, неповторимость его жизни внутри бесконечного повтора маршрута становилась очевидной. Это была ее золотая жила, настоящий клад.

По ночам в поезде, а затем дома, она записывала разговоры людей, свои наблюдения за семьями, кампаниями, одинокими пассажирами. Собирала материал для книги и не торопилась, понимая, что записей будет много, придется отбирать тщательно. Не было определенной концепции; ей казалось, что жизнь сама выстраивает план книги.

Дни в Таллинне, между дежурствами, тоже были заполнены хлопотами: ремонт в старой квартире завершился, в новой продолжался. У Ларисы появился план благотворительного проекта, в этом ей помогал Курбатов. Свободного времени оставалось мало, и она стала ярче чувствовать простые удовольствия - теннис, хорошее вино, визиты в парикмахерскую, обеды с друзьями.

Витал считал, что она испугалась денег.

- Но я же не отринула их. Надеюсь, книга получится, не помню, чтобы кто-то до меня написал о людях в реальном поезде. В этом можно найти много символов, как ты думаешь?

Было четыре часа дня, они пили шампанское, Ларисе нравилось за обедом выпивать пару бокалов.

- Мне кажется, что в своем дурацком поезде, Лариска, ты увливаешь от новых обязанностей.

- Есть Виктор, он всем занимается.

- И Ольга, которая полетит к Мартину в Дубровник, чтобы плавать с ним по Адриатике. Сидеть в припортовых кафе, любоваться закатами, кутаясь в шелка...

- Они будут плавать вместе с Томасом!

- Ничего не меняет.

- Почему, собственно, я должна быть несчастна оттого, что Ольге, да и Мартину – будет хорошо там во время круиза? Они оказались похожи.

- Похожи? Ты бредишь, Ларик.

- Знаешь, чем? Мы с тобой придумываем словесные формулы, потом пытаемся жить по ним. И когда что-то не клеится, нам надо вывести очередную формулу, чтобы страдать уже в соответствии с ней. Наши проекции на мир должны в мозгу пройти сквозь словесный фильтр, выстроиться в предложения и абзацы. А Ольга с Марином...

- Ни думают ни фига...не соображают.

- Умеют жить, не вслушиваясь на каждом шагу в оживленную мозговую дискуссию. Мы же пугаем себя заранее... боимся ошибок, потому что не умеем прощать себя. Ольга приняла изначально, что мир – это дружественная среда. И мир для нее становится простым и веселым.

- Мир весело отдает ей твои бабки.

Лариса рассмеялась.

- Там, знаешь ли, на всех хватит.

Она взяла корочки со счетом и вложила туда кредитку. Витал в последнее время перестал предпринимать попытки платить по счетам в ресторанах.

- Издеваешься? Когда я предлагал издавать журнал или построить теннисный клуб, ты отказалась. Но спокойно смотришь на то, что Ольга ведет образ жизни, который должна...можешь вести ты.

- Штампы у тебя в голове, Витал. Готовые картинки: как именно должен вести себя человек с большими деньгами. Знаешь, почему так? Иллюзия, что люди могут морочить голову читателю или телезрителю, а сами при этом останутся свободными от той же ерунды, которую производят для обывателя. В конце концов оказывается, что они сами состоят из этой ерунды – и из ничего больше.

Ларисе показалось, что Витал сердится, нервно крутит пустой бокал из-под шампанского, внимательно заглядывая в него.

- Настоящая роскошь, чтобы решала я, а не деньги, - сказала она. - Это круче, по моему.

- Не знаю насколько круче, но глупее. Придумала искусственную модель: «захочу – и стану кочегаром». Миллионер спускается обратно в трущобы! И потом, даже по твоей теории... собирая материал в поезде, ты не проживаешь эти встречи, а коллекционируешь, будто складываешь в мешок что-то полезное для будущего. Как картошку на зиму.

- Меня это успокаивает.

Успокаивало, что можно вернуться домой, устроиться в кабинете с чашкой чая и закончить записи о последнем дежурстве.

Темы исповедей пассажиров можно было более-менее четко разделить по поколениям. Однажды ей встретился старый человек, лет под девяносто, он рассказывал как участвовал в трех войнах. Люди того поколения несли свидетельство

о войне и о репрессиях.

Пассажиры пятьдесят-семьдесят лет, если говорили о трудностях, то это были трудности неразберихи времени СССР и постсоветского периода. Нас соединили насильно, говорили одни, и не собирались это прощать. Нас разъединили нелепо, говорили другие, и собирались оставаться с этой обидой до конца своих дней. Русский язык, эстонский язык, культура, образование, визы, жесткость властей с обеих сторон. Сами претензии и их трактовка зависели от национальности, характера и успешности человека. Зеркальные экстремумы: вы – оккупанты; а вы – фашисты. И те и другие были правы.

Молодые о политике говорили редко. Встречались и среди них люди, увлеченные борьбой за права с той или с этой стороны, но чаще молодые просто жили.

Однажды во время дежурства Лариса познакомилась с учителем русского языка по фамилии Иванов, он возвращался из поездки в Москву со своими учениками. Учитель был бодрым человеком средних лет, изъяснялся на хорошем эстонском, рассказывал, что в гимназии городка Тартусского уезда, где он преподает, дети снова стали выбирать русский язык как второй иностранный. Ларисе очень понравился этот оптимистичный пассажир среди многих обиженных и жалующихся.

Витал после ресторана пошел ее провожать.

- Что думает о твоём трудовом подвиге дочь?

- Ее пьеса сначала будет идти в Англии, потом в Москве ...ты прочитал?

- Нет еще.

- Прочти, - Лариса подумала о себе отстраненно, что становится безапелляционной, наверняка Виталу стало труднее с ней общаться. - Поэтому Русе не до меня, впрочем, как всегда. А вот Мартин сказал про мою книгу: отличная идея.

- И пригласил Ольгу путешествовать вместе.

- Что тут такого?

- Ничего, один богатый мужик на яхте.

- Видишь, ты придумал сценарий, которым хочешь меня напугать.

- А ты типа не боишься.

- Сейчас кажется, что не боюсь. У меня есть жизненный план.

- Ты могла все это устроить себе и без наследства.

Прощаясь с Виталом, Лариса подумала, что в последнее время они только и разговаривают, что о деньгах. «Может быть, мы еще поработаем вместе», - почему-то решила она.

* * *

Варвара возвращалась из поездки по Норвегии и Швеции - через Таллинн, она чувствовала себя так хорошо, будто ей удалось переродиться.

Поездке предшествовала катастрофа. Когда Стас снял где-то квартиру и перестал общаться, Варвара страдала, но терпеливо ждала. Загрузила себя работой, стала ходить в бассейн. «Одиночество», - крутилось перед ней страшное слово. «Не бывает одиночества, - упрямилась Варвара, - всегда можно выбрать из своего ближнего круга – или даже неближнего – двоих- троих, давать им больше тепла... небольшие усилия приходят благодарностью и вниманием этих людей, потом других, вокруг будет столько друзей, сколько захочешь».

Наконец, она дождалась звонка сына, его счастливого голоса. Стас сказал, что Ядранка беременна, и они придут на воскресный обед. Долгожданное предложение общения, счастливое воссоединение семьи. Это совершенно не приемлемо. Варвара и рада была бы поверить в беременность Ядранки, уговаривала себя принять новость, но у нее не получалось. После нескольких ночей, воображаемых разговоров со Стасом, мать позвонила ему и сказала, что просит его зайти для разговора один на один. Сослалась на легкую простуду и объяснила, что с беременной женщиной пока

общаться не рискует.

Надо было сказать Стасу, что его обманывают, Варвара была в этом убеждена. Но когда он вошел, мать увидела – сказать ему правду сейчас все равно что убить.

- Не вижу, чтобы ты радовалась, - заметил сын.

- Помнишь те истории с деньгами?

Она увидела в его глазах страх, но если сейчас отступить, промолчать, он может быть в будущем очень несчастен.

- Ты подозревала не только ее, но и Марусю – тоже. Если все у тебя виноваты, значит, ты ошибаешься.

- На сей раз знаю точно.

- Мы уже говорили об этом. Кажется, зря пришел. Спасибо, мама.

Он стал одеваться. Бегство сына - это не то, чего хотела Варвара.

- Ладно, не буду. Обещаю. Только не уходи. Давай поужинаем, пожалуйста.

Он подумал и вернулся на кухню.

- Расскажи, когда родится мой внук.

- Срок слишком ранний...

- А узи? Мальчик или девочка?

- Мама, еще рано слишком!

- Так может вообще ничего нет?

- О Боже! Что я, со справкой должен был к тебе прийти?

- Но обычно женщины говорят о беременности, когда им все ясно, сколько недель и когда родится.

- Значит, ей ясно. Но я не догадался спросить. Что мы вообще с тобой препираемся? Я думал обрадовать тебя.

Стасу не хотелось ссориться и на недели уходить в молчание. Во-первых, без общения с матерью все же грустно. Во-вторых, за последние дни он понял, что должен заботиться обо всех, о матери тоже.

Варвара скучно пожала плечом:

– Надеюсь, все подтвердится. Моя знакомая в такой ситуации посоветовала сыну купить в аптеке два теста на беременность, чтобы он принес их своей подруге и попросил сделать это при нем, в смысле тут же.

Он не верил своим ушам - чтобы говорила его мать!

- Не понимаю, за что ты возненавидела Ядранку. А значит меня, мы ведь сейчас одно целое, - с этими словами Стас покинул ее квартиру.

В путешествии Варвара прозрела. Пора стать разумной фаталисткой: дает судьба внука от этой девушки Ядранки, благодари, принимай и воспитывай. Зачем мучить себя и близких? Никаким обстоятельствам она не позволит разрушить свою священную связь с сыном. Да, у Ядранки есть сын Душан от первого брака, наверное, она уже все рассказала Стасу. И ничего в этом нет плохого, только хорошее: значит, у будущего маленького внука уже есть старший брат, малыш сразу заговорит на двух языках. Может, у Стаса тоже есть сын в Таллинне, тогда вовсе получится интернациональная команда. Я стану счастливой бабушкой.

Что касается поступков Ядранки, которые кажутся неприемлемыми, то возможно это недопонимание какое-то, разница в воспитании или темпераменте. И вдруг я с деньгами все-таки сама ошиблась?

В Упсале, на экскурсии по старинному университету, Варвара мечтала о том, что в этом прекрасном замке будет учиться сын Стаса и Ядранки, пожалуй, уже скоро можно будет откладывать деньги на его образование. Она начала в Швеции покупать детские вещи, не могла остановиться, пока не забила новый чемодан приданым.

Обратный путь лежал через Таллинн. Варвара пообщалась со своей подругой-режиссером Михайлиной, спросила ее про Марусю. Михайлина о девушке знала мало, с родителями знакома не была и не знала как их можно разыскать. Варвара снова стала надеяться, что Маруся обязательно отыщется в Москве. Она вдоволь погуляла по весеннему Таллину. Мальчик двадцати лет, похожий на Стаса в молодости, ей не

повстречался. Как еще можно было найти внука в чужом городе? – иронизировала она над собой. Вот и не нашла. Но есть очевидное решение: надо восстановить доверительные отношения со Стасом, и спросить напрямую. Садясь в поезд, Варвара с удовольствием представляла, что уже утром будет дома, соскучилась даже по ученикам.

По вагону прошла женщина средних лет в форме проводницы. Ее лицо Варвару встревожило. Женщина прошла один раз и больше не появлялась, а Варвара поздним вечером вспомнила, что это была Лариса. Вернее, это могла быть Лариса годы спустя... Узнать ее можно, стрижка хорошая, но губы стали тонкие, рот напряженный. Какой тяжелой должна была быть ее жизнь, если она работает здесь.

* * *

Лариса устроилась в своем купе с тетрадью: после российской границы до начала утренних дел было время, выспится она завтра, в Москве. Маруся написала из Лондона – возможно, премьера пьесы состоится на Рождество. У Маруси уже есть три пьесы, она и впрямь талантлива...ее дочь?

Накануне вместе с Томасом и Курбатовым побывали в Доме, откуда Лариса с Марином взяли Марусю 18 лет назад, хотели тогда, чтобы у Томаса появилась сестра. Девочка была слабой, самой маленькой среди оставленных детей.

Потом долго Лариса старалась забыть о существовании этого Дома, но иногда ей снился сон, что настоящие родители Маруси, «биологические», как она их про себя называла, - опомнились и пришли за дочерью. От «биологических» она не ожидала ничего хорошего, во сне всегда поднималась по лестнице Дома в кабинет директора на непослушных от страха ногах. Обычно такие сновидения посещали ее перед болезнью одного из детей.

Теперь она решила помочь этому Дому. Идею подал Курбатов, который уже несколько лет с каждого гонорара покупал для Дома то оборудование, то игрушки. Он написал по просьбе Ларисы проект под названием «Школа искусств для оставленных детей», работа была рассчитана на годы. Устав от своих записей, она принималась придумывать программы для «Школы искусств». Денег на проект требовалось много, и Ларисе казалось, что такие траты оградят семью от мстительных сил старинных денег.

Ранним утром в тамбуре Варвара окликнула Ларису. Сразу заговорили о главном, подействовала зыбкость пола и непрерывность перемещения.

- А как твой сын? Взрослый уже, наверное?

- Томас. Его зовут Томас, двадцать два исполнится. В армии сейчас, эстонской, но скоро вернется.

- Это сын Стаса?

Лариса отметила, что Варвара изменилась мало, пожалуй, стала выглядеть элегантнее.

- Нет... когда я вернулась из Москвы...попала в компанию, там был и Мартин, я его жалела очень. Полюбила конечно. Его жена была наркоманка, быстро сгорела, а Томас, их сын, был тогда крошечным. Она маленького везде таскала с собой, я очень страдала, глядя на это. И так потом получилось, что он стал моим сыном. Он такой хороший мальчик!

- Значит, ты спасла его?

- Нет, это они мне помогли, Томас и Мартин, мой муж, без них было бы плохо.

- Лариса...ты разве не была беременна от Стаса?

- Была. И сама прекратила это. Обиделась и сделала аборт. Идиотка была молодая, нельзя было, вы знаете. И все равно – вот, двое детей.

- У тебя двое?

- Да, еще дочь. Учится в Англии.

- А муж кем работает?

- Мартин, он... безработный практически.

Варвара представила судьбу Ларисы, как трудно вырастить двоих. Неужели много лет так и моет эти туалеты? Она постаралась скрыть жалость:

- Работа может быть любая...ничего страшного, сама всю жизнь...кручусь.

- Конечно.

Странно Лариса взглянула, гордость в ней явно была прежней.

- Как поживает Стас?

- О, у него, вернее, у его девушки, скоро родится ребенок, мой внук! Не могла даже представить, какое это счастье. Почему-то уверена, что будет мальчик.

Они помолчали.

- Поздравляю, - заторопилась Лариса. Соображала она с трудом, от недосыпа, что ли.

- Главное, чтобы здоровый родился.

- О, Стас звонит, первый раз за три недели! Скажу ему, что разговариваю с тобой... обрадую. Привет, мой милый, здравствуй сын. Наконец-то.

Лариса отвернулась: за окном мелькали деревья одетые в свежие майские листья.

Столбы отсчитывали секунды, ее пульс – в два раза быстрее. Она подумала, что запомнит это мелькание, однообразное, но и стремительное. Почему именно сейчас у меня отняли эту мечту о далекой любви? Расчистилось место для чего-то нового?

Мечта больше не имеет силы – от того, что там зародилась новая жизнь?

Она старалась не слушать разговор, слова больше не имели значения.

Сосредоточилась, чтобы оценить чистоту тамбура: двери, оконные стекла, пол вчера протирала, а ведь после дежурства придется еще раз вымыть.

- Лариса? Это кто? Уверена, что это та самая Лариса? Она - проводница? Забавно. Ну что же...передавай привет, обязательно.

Или иначе.

- Как странно и как чудесно, что ты ее встретила, это провидение свело вас в одном поезде, я мечтал быть на твоём месте. Жаль, что сегодня надо отвезти к врачу...Еще у нас стиральная машина не открывается.

Варвара отключила мобильник, улыбалась светло.

- Лариса! – сказала она и потянулась к ней, и обняла как подругу, - по-моему, он не поверил, что это на самом деле ты. Ты устала, стала бледная...или всегда такая?

- Утро слишком раннее. Стасу от меня всего наилучшего.

- Обязательно передам. Поцелуемся, что ли, на прощание.

Они обнялись первый раз в жизни.

* * *

Стас выстраивал семейную жизнь добросовестно. Решил купить квартиру в новом доме, поблизости от парка Покровско-Стрешнево. Денег, заработанных в Японии, хватало больше чем на половину стоимости квартиры, недостающую сумму он решил взять в кредит. Выбирать квартиру они с Ядранкой ездили вместе. Он мечтал, где они будут гулять, где сидеть с коляской на лавочке, и потом, если все будет хорошо – кататься на роликах, ходить на лыжах.

Стас покупал на рынке свежие продукты и пытался готовить, во всяком случае, каждый вечер делал для Ядранки и для себя большой «полезный» салат. Она ела не больше чем обычно, по ночам по-прежнему общалась с компьютером, вечерами иногда пропадала по магазинам. Стасу становилось тревожно за здоровье будущего ребенка – Ядранка мало двигалась, много пила кофе и, как он подозревал, иногда покуривала в его отсутствие. К тому же он и сам немолодой уже человек, какие гены, какие силы способен передать малышу?

Стас предложил ей на время вместе переселиться в Будву и пожить там на свежем воздухе, питаясь чистыми продуктами. Ядранка сказала, что не готова уехать из Москвы в деревню, а вот в Белград ей съездить придется, возможно надолго. Стас выразил желание поехать тоже, познакомиться с новыми родственниками, но она ответила что-то неопределенное.

Оформление кредита на квартиру, перевод денег с других депозитов потребовали ревизии банковских счетов. Тогда выяснилось, что по двум кредиткам Ядранка за последние два месяца потратила больше десяти тысяч евро. Его поразило, что она продолжала безоглядно тратить после того как они вместе решили купить квартиру.

- Послушай, - спросил он, - а можешь объяснить, на что уходят такие деньги?

Она повернула к нему лицо, и Стасу показалось, что Ядранка растерялась или испугалась, не знает как реагировать. Он в который раз подумал, что плохо знает свою подругу и уж тем более не может понять.

- Если тебе жалко на меня денег, то мы не можем быть муж и жена, - сказала она.

- Вынужден просить тебя вернуть кредитки, - от растерянности фразы получались официальными. - Пока надо экономить, буду выдавать тебе деньги сам.

Она встала стремительно. Стул, клавиатура компьютера, - все предметы вокруг нее с грохотом попадали. Ядранка метнулась к своей сумке, вытряхнула содержимое на диван, образовалась большая куча разноцветных вещей, она стала их быстро разбрасывать, казалось от ее лица, от рук во все стороны летели искры, как у сварщика во время работы.

- Яца, квартира нужна нам обоим, и еще она нужна ребенку. В Москве жилье очень дорого.

Она бросила карточки ему в лицо.

- Не будет никакого ребенка, разумеешь?

До него не сразу дошло, что она сказала. Осознав, задрожал от бешенства:

- Это шутка? Или ты думаешь, что придумала приз для меня?! Но это же и твой ребенок!

Стас с ужасом понял, что хочет ударить ее. Он схватил куртку, кошелек – и выскочил за дверь. Поехал на работу, просидел всю ночь в лаборатории. Остыв, стал винить себя.

Во-первых, не смог объяснить Ядранке, почему так важно сейчас контролировать расходы. Кроме того, возможно, он сам не представляет сколько денег нужно молодой женщине, чтобы чувствовать себя комфортно. Тем более в состоянии беременности. Появится ребенок – тогда Ядранка сама изменится, станет более ответственной, утешал он себя. Стас вдруг испугался, что она потеряет ребенка из-за таких стрессов. Господи, думал он, какая сила заставила меня отказаться ей в такой малости – кредитной карте?

Он вернулся домой на такси. В квартире был жуткий беспорядок и было накурено. Стас чувствовал, что живет в кошмаре и делает все, чтобы этот кошмар в его жизни длился долго. У него возникло ощущение, что между ним и Ядранкой не может быть чистого живого существа, которое могло бы оправдать их нелепый союз.

Стас поехал в Загорянку к Лехе. Тот прожил зиму в маленьком деревянном доме, и теперь наслаждался буйной весной. Леха в телогрейке, невероятно грязных коротких штанах и резиновых галошах на босу ногу выглядел откормленным довольным гномом. В саду плавали сиреневые и белые облака цветущих кустов. Пахло солнечным счастьем. Стасу захотелось лечь на влажную землю, на свежую траву, поспать так. За обедом они пили домашнее вино из крыжовника. Хихикали, рассказывали анекдоты и вспоминали детство.

- Как бы я хотел пожить здесь с тобой, - признался Стас. – Чувствовать только природу, думать только о творчестве.

- Что мешает? Бери отпуск.
  - Ну, семья, обязательства.
  - Семья! Из-за чего вообще ты надумал жить с этой жуткой теткой?
  - Не надо ее так называть. Она беременна.
- Ночи еще были холодные, с заморозками, Леха с кочергой в руках возился около печки.
- Проверено, что ли?
  - Мне кажется, женщины не обманывают в таких случаях.
  - Еще как обманывают! Пойди вместе с ней к врачу, лучше твоему знакомому. А еще лучше – выпроводи подобру-поздорову. Плохо ведь живете? Я вижу, что плохо.
  - Я хочу купить нам квартиру. Думал, она будет довольна.
  - А ей квартира не нужна, только твои бабки.
  - Так получается.

Стас вышел на улицу, плотно прикрыл дверь. Да, прохладный воздух отрезвляет. Да, звездное небо красиво. Он вернулся.

- На самом деле ты прав, не могу понять, беременна она или нет. Может, что-нибудь не так, сбои какие-то в организме. Знаешь, у нее ведь трудная жизнь была. И все же, она хорошо ко мне относилась.

- Проверить очень легко, - сказал Леха, - Предложи ей много денег и сразу увидишь. На фиг тебе квартира, тебе ведь есть где жить.

- Она порядочная женщина! Это оскорбление, по-моему.

- По-хорошему предложи альтернативу, что она выбирает: жизнь с тобой и ребенком или там...я не знаю, сто тысяч евро наличными. У тебя сколько есть?

- Больше.

- Ста тысяч хватит. Если возьмет деньги – требуй свалить и больше не появляться.

Пригрози. Оформи официально.

- Я не умею.

- А ты не стесняешься выбрасывать свою жизнь просто так? Платить ведь всегда приходится, вопрос чем; можно испорченной жизнью, творческой потенцией, погубленной психикой. По мне так деньгами легче всего. Жертву надо принести, чтобы ситуация от тебя отцепилась. А когда ты выставку сделаешь?

- Какую выставку?

- Своих небесных открытий. Я тут представлял – тексты напишем, отпечатаем твои фотографии, не знаю на чем, - на шелке! Свет придумаем особенный, мигающий. Грандиозную концепцию можно выстроить! Такую выставку хоть в планетарии можно открыть.

- Я не думал.

- Приезжай ко мне сюда через неделю, обсудим. Сначала заплатишь пошлину своей трудной даме, а остальные деньги вложишь в такой проект. Прикольно может получиться.

По дороге в Москву в электричке Стас прокручивал в голове слова Лехи. Получалось нелепо:

«Или мы будем вместе растить ребенка, тогда ты завтра идешь к врачу, меняешь образ жизни, ограничиваешь себя...ты меня любишь?»

У меня на следующей неделе будут деньги. Если ребенка на самом деле нет, мы расстаемся. Ты сможешь устроить свою жизнь как захочешь. В Москве, в Белграде, в Будве. Выбирай: или ребенок или сто тысяч евро.

Какой стыд, я никогда не решусь выговорить такое».

Он стал думать, какого формата снимки можно напечатать, чтобы сделать экспозицию про НЕБО.

Ядранка выбрала деньги. Попросила оформить дар у нотариуса. Поблагодарила.

* * *

Стас пришел в студию на Патриарших, допоздна просидел со стаканом виски, разбирал картотеку НЕБА. Ночью вышел на балкон, стоял, глядя на пруд. Из припаркованной машины на весь двор мощно звучала музыка Баха. Рано утром Стас набрал телефон Варвары – сегодня она возвращается домой из поездки. Мать принесла весть о Ларисе.

